

СТМ

Студенческий меридиан

«Студенческие проблемы долгие годы находились на периферии общественного внимания» — именно об этом говорит Станислав Смирнов в материале «Студенчество идет к форуму» (см. стр. 7).

ФОТОРЕПОРТАЖ

Летите, ястребы, летите!..

Алексей Вейцлер

Охотник

Птицы знают, что он — хозяин Смерти. Неумолимой, жадной и быстрой. Лишь только завидит его с дерева в околоаэродромном лесу какая-нибудь ворона, сейчас же с криками начинает летать вокруг. Предупреждает остальных: «Опасность близка!»

Он смотрит на них зеркальным, полным холодного неба взглядом. Пристально и задумчиво. В этом взгляде — спокойствие будущей победы. Когда-нибудь многие из истощенно воящих над головой, исходящих бессильной птичьей ненавистью, падут, сбитые с высоты...

Онтарио и гитарный звон

Романтичен маленький домик на краю взлетного поля. Спрятанный под маскировочной сеткой, хранящий тишину немногословья настоящих мужчин, далекие отзвуки охотничьих рассказов, историй о лесах и саваннах. Все здесь будто из книг Фенимора Купера: полбескивающие в полутьме затворы ружей, резные ручки ножей, кожаные сумки на стенах, притаившиеся в темных углах чучела. Только время от времени звякающий полевой телефон на столе заставляет вернуться с берегов Онтарио и Ориноко. Да гул мотора приближающейся машины. Пятнистый «уазик» лихо разворачивается, из него слышатся смех и возгласы.

— Однокурсники... — объясняет он. — Я посылаю Комиссарова за ними на станцию. Любят к нам приезжать. Природа все-таки...

Он режет мясо на ровные, аккуратные кубики — много, чтобы шашлыка хватило на всех. А во дворе уже звенит гитара. Аскетизм и молчание охотничьего поста нарушены минимум на два дня.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТМ

Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ и Госкомитета СССР по народному образованию

Издается с мая 1924 года. 1989, № 10, 1—80

Главный редактор Юрий Ростовцев

Редколлегия:
 Генрих Волков,
 Феликс Волков,
 Ирина Голованова,
 Владимир Грошев,
 Николай Егоров,
 Александр Жуганов,
 Егор Исаев,
 Василий Казаринов,
 Анатолий Карпов,
 Олег Михайлов,
 Ирина Репина
(ответственный секретарь),
 Сергей Суятин,
 Илья Толстой,
 Игорь Цыбульский,
 Вячеслав Шостаковский,
 Михаил Щипанов

Главный художник
 А. Архутин
 Художественный редактор
 К. Кухтин
 Технический редактор
 Г. Белова

Наш адрес: 125015, Москва, Ново-Дмитровская ул., д. 5а, «Студенческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 27.07.89. Подп. в печ. 04.09.89. А00977. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 1 100 000 экз. Заказ 232. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Суцеская ул., д. 21.
 © «Студенческий меридиан», 1989 г.

Живое оружие

Хозяина зовут Валерием. И фамилия подходящая — Орлов. Он студент заочного охотоведческого факультета сельскохозяйственного института. В домике на краю аэродрома вместе с помощником-однокурсником Аркашей Комиссаровым Валерий выполняет важный и необычный научный эксперимент. Цель его — предотвращение воздушных катастроф из-за птиц. И не дробовики служат студентам залогом победы в этой ежедневной войне (дробовики полчищам ворон да чак не страшны), совсем другое заставляет стаи все реже

появляться в окрестностях бетонного поля — ловчие ястребы.

Монолог Валерия

— Охота с хищными птицами увлекала меня с детства. Первый интерес появился лет в пять-шесть. Было в этом что-то таинственное и необычное. И честное. Охота на равных условиях. Безо всяких технических усилений — ружей, ловушек.

Просто птица ловит птицу. И тут — кто быстрее, хитрей, у кого точнее реакция — тот победил...

Первую свою охотницу я завел в 16 лет. Маленький соколик такой был — пустельга. Его в нашей среднерусской природе еще, слава богу, много... Клуба тогда еще не было, все приходилось изучать по книгам.

И вот с тех пор без птиц жизнь свою не представляю...

Романова — был Гаврила Пушкин, прадед поэта. Позже, во времена Петровских реформ, увлечение соколиной охотой в России постепенно ослабевает и появляется вновь только в пятидесятые годы нашего столетия. На этот раз увлечение приходит с Запада как модный и красивый спорт. Особенно соколиная охота распространена во Франции, Чехословакии, Норвегии, США.

В СССР при Росохотрыболовсоюзе создан Клуб соколиной охоты. Проводятся ежегодные всесоюзные соревнования.

Ученик

Аркадий смущенно ворочит веточкой угли костра, который ребята разожгли перед домом. Он поглядывает на синеглазую Ольгу и улыбается.

Девушки поют, песня летит над зеленой поляной, желтыми одуванчиками. Влетается в мареве близкого вечера.

Я спрашиваю Аркадия о цели жизни.

— Что сказать? — Он пожимает плечами. — Хочу стать настоящим сокольничьим. Дедушка у меня охотником был, выписывал охотничьи журналы. Там-то я про птиц и прочел. Потом еще много книг по этому делу у меня перебивало. А в институте познакомился с Валерием. Теперь учусь у него. Все чаще кажется, что соколиная охота — мое призвание... Только еще бы на коне скакать, как в давнее время. С птицей на руке — по полям и лугам.

Историческая справка

Соколиная охота (так по аналогии называется охота с любой хищной птицей — будь то беркут, ястреб, кречет или сокол) возникла, по гипотезам ученых, более 3600 лет назад.

В Европу она пришла из Азии, вместе с кочевыми племенами. Первое упоминание об этой охоте в России датировано десятым веком, когда князь Олег построил соколятню в Киеве, а наивысший расцвет ее отмечается при Иване Грозном. Именно тогда появились Сокольники в Москве, где был соколиный двор и жили сокольничьи. Одним из них — при дворе Алексея Михайловича

Без подранков

— Жестоко все это... — Ольга отвела глаза. — Жалко чаек... Валерий усмехнулся. В его го-

лосе — спокойствие и убежденность.

— Жестоко? А когда люди в самолетах бьются, не жестоко? Да и сами самолеты многие

миллионы стоят. А что касаемо аэродрома, то за пять месяцев, пока мы здесь служим, ни одной аварии не было. Это я считаю главным. И не надо забывать — наша задача не уничтожение, а отпугивание птичьих стай. Соколиная охота вообще самая гуманная из всех видов охот. У нас, кстати, и подранков никогда не бывает...

— Больше всего мне в птице нравится то, что ее нельзя приручить. — Аркадий подбрасывает дрова в костер. — Хотя десять лет у тебя жить будет, а одичает — за пять дней. Вольное существо.

— Вот-вот, вольное существо, а вы его сиком... — Ольга гладит сидящую на руке Валерия птицу, что-то шепчет ей, как щеночку, но тут же отдергивает руку.

В желтом хищном главу ястреба нет щенячьей теплоты и ласки.

Фото автора

Научите говорить на своем языке

Уже устал обращаться во всевозможные организации, начиная с газет и кончая интернациональными клубами, по поводу того, где можно приобрести литературу (учебники, словари или разговорники) для изучения национальных языков нашей страны. В частности, меня интересуют: украинский, армянский, ненецкий, еврейский (идиш), коми, молдавский. Мои запросы обычно остаются без ответа, а редкие отписки гласили: «нет в продаже», «не выпускаются»...

И так продолжается много лет. Безуспешны «души моей прекрасные порывы». Но как-то ведь изучают люди заинтересовавшие их языки?! Или просто смертному без блага днем с огнем не найти нужные книги? Такое впечатление, что положение с пособиями по изучению языков братских республик не только досадное, но и... осязаемое...

Понимаю, что это большой вопрос, который долго не решался, но сколько можно закрывать глаза на эту проблему?

Обращаюсь к вам без особой надежды (хотя, как говорили еще древние — «contra spem spero» — не имея надежды, надеясь)... И все же — может быть, вы сумеете подсказать, куда обратиться, по каким конкретно адресам?

*Василий Семеновых,
Пермская обл., с. Лобаново
От редакции.* Мы связались с Госкомиздатом СССР. Главный редактор учебной литературы Ирина Павловна Матейчук рассказала нам, что словари, учебники, разговорники, самоучители для изучения языков нашей страны выпускаются как в центральных, так и в республиканских издательствах. Они поступают в продажу, когда выходят в свет, — преимущественно в регионах, на которые рассчитаны, а также, наверное, есть и в библиотеках. Подробнее о выпуске такой литературы мы обязательно расскажем.

Прочтите Куприна

Приходилось слышать «мудрость»: чем больше в армии «дубов», тем крепче наша оборона. Честно говоря, меня она коробила. Хотелось знать, как готовят курсантов, которым предстоит отвечать за, если выразиться высокопарно, наши жизни, за судьбы тех солдат, кто окажется под их командованием. Опубликованные в «Ст. М.» письма курсантов — «Операция «Одуванчик» и «Почему крокодилы летают?» (1989, № 4) — показывают, что военные училища с этой сверхзадачей справляются посредственно. К сожалению, сверхзадача часто совсем иная — научить будущих командиров не думать: думают те, кто над ними, выше.

Господи! Не думать! — И пожалуйста, Афганистан. Не думать! — И с тонущей подводной лодки летит странное кодированное сообщение...

Ну ладно, это эмоции. Давайте в свободную минуту откроем Куприна. Роман «Юнкера»: «Из отпуска нужно было приходиться секунда в секунду, в восемь с половиной часов, но стоило заявить о том, что пойдешь в театр, — и отпуск продляется до полуночи. По большим праздникам конюеров, оставшихся в училище, часто возили в цирк, в театр и на балы. Отношения с начальством утвердились на правдивости и широком взаимном доверии. ...Никогда ни один начальник не решался закричать на юнкера или оскорбить его словом...»

А не включить ли роман в учебный курс военных училищ для обязательного прочтения? И не вернуть ли понятию «офицер» его истинный смысл: это человек высочайшей культуры, блестящего образования, рыцарь чести, мужества, благородства!

Разида Кутлиахметова, г. Уфа

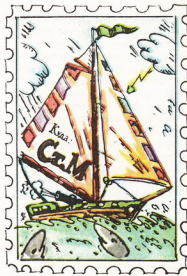
О рубрике «Письма...»

Одна из самых популярных рубрик вашего журнала — «Письма заинтересованных лю-

дей». Но после того, как вы отвели ей дополнительный лист, она стала засоряться письмами от «просто людей». Может, заинтересованных стало меньше или вы их друг от друга отличить не можете?..

Кстати, могу объяснить феномен ее популярности. Это единственный мостик, который связывает с жизнью студентов. Сколько раз убеждался, что вы не знаете, что творится в вузах. А если и печатаете какую-либо информацию, то с опозданием на несколько месяцев. Поэтому предлагаю ввести специальную рубрику — «Из жизни вузов» — и перепечатывать туда наиболее интересные статьи из вузовских многотиражек.

Андрей Просвилин, г. Казань

Графика А. Лобашинского

Мы и демонстрация

Вот чего, считаю, не коснулась демократизация, так это проведение таких массовых политических мероприятий, как демонстрации.

Почему люди выходят на демонстрацию? Если ответить буквально — свободно демонстрировать свою солидарность, скажем, со всеми трудящимися мира. Но почему до сих пор практикуется принуждение к выходу? Чаще всего экономическими методами: отказавшихся

рабочих и служащих лишают премии, студентов — стипендий. Правда, могут воздействовать иначе — выговорами...

Человека ведь нельзя сделать политически активным и грамотным в принудительном порядке! Зачем вся эта показуха? Кому мы продолжаем «втирать очки»?

Дмитрий Нюхалов,
г. Талды-Курган

История с экологией

Что такое экология? Это то, что «там» разваливается, усыхает на Байкале, на Арале, на Волге, на Днестре, на Дунае, на Черном и Азовском морях? Это то, за что борются Заальгин, Распутин, Астафьев, «зеленые»?.. Это нечто «само по себе», хотя и глобальное, на всю Землю и на весь воздух вокруг Земли, но на практике получается, что экология стоит особняком от социальных вопросов: от экономики, физики, литературы, истории. От человека с его философией, понятиями, политикой...

А между тем экология — это то, что связывает всех и все на Земле в один организм и механизм видимыми и невидимыми нитями жизни. Если эти нити рвутся — даже в воображении, в понятии, в чувстве, — рвется и погибает все живое.

Не по-научному? Возможно, такое объяснение не соответствует «науке», и это естественно прежде всего потому, что ее цель — все раскладывать и обособлять: «гомо сапиенс» — это одно, а «природа» — другое; рыба — это одно, а то, где она родилась и живет — другое; море — это одно, а суша — иное... И потому: нужна рыба — ее надо выловить. Есть большой бассейн воды — его можно высушить, выкачать, отравить... Нужен урожай — получи его, а земля... Мы не только каждым делом и действием, но каждым словом и мыслью рвем экологию. Рвем ее всеми силами, средствами, способностями, потому как не воспринимаем Мир, Жизнь в целом.

А история? Ведь то же по

смыслу, что и «экология». История — это ведь не «исторические» даты, не только курс истории КПСС и т. п. Это вся наша жизнь — в неразрывном единстве...

А. Петренко, г. Днепропетровск

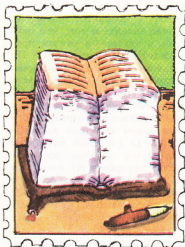
О литературе в школе

Соцреализм — это блеф, химера, которую придумали чиновники взамен подлинного искусства. Ну как может быть реализм «социалистическим» или «капиталистическим»? Реализм может быть только реальным.

А этот огнедышащий дракон — программа?! Бритва, которой «зарезали» Пушкина, Некрасова, Достоевского... Чудовище, отпугивающее последний интерес к литературе.

На мой взгляд, привить любовь к предмету важнее, чем вдавливать знания, которые вряд ли востребуются душой, потому как при их закладывании душа не присутствует...

Алексей Гребенников,
г. Новосибирск

Возлагаю... надежды

Вызвало сожаление то, что среди откликнувшихся на рубрику «Учимся говорить публично» в № 6 — всего 9 комсомольских работников. Ну да это беда не ваша, а наша.

Рубрику поддерживаю. Воз-

лагаю на нее кое-какие надежды (не говорю «большие», потому что попыток типа этой было много, и не все они удавались).

Позволю себе один совет. В журнале печатается очень полезная вещь — выдержки из книги Дейла Карнеги. Я знаю, что эти публикации с охотой читают, и согласитесь сами, научиться можно многому. Не знаю, есть ли дальше в этой книге что-нибудь по ораторскому мастерству, но в любом случае считаю, что использовать ее в занятиях следует...

Евгений Бочкаев, зав. отделом комсомольских организаций,
г. Ижевск

Не презирайте толпу

Мне очень нравятся публикации «О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе».

Думаю, что авторы очень талантливые, решительные (наверное, молодые), но и слишком уж презирающие толпу люди. Это сквозит почти в каждой их строчке, и очень вероятно, что это обстоятельство отталкивает от «Мальчика...» многих.

Авторы могут возразить, что, дескать, не для толпы и написано. Но в этом они будут не правы. Ведь их цель — насколько я поняла — помочь раскрыть свой талант. Можно ведь вспугнуть этих людей раньше, чем они что-то в себе найдут...

Татьяна Лыкова, г. Москва

Счастливые семьи, ау!

Мы считаем, что наша семья счастливая. И вот у нас возникла идея: а что, если собрать все счастливые семьи и провести конкурс на самую из них счастливую. Конкурсы-то в моде нынче!

У нас не только идея, но и разработка есть, сценарий возможного конкурса — вот только найти бы участников.

Как вы, читатели «Ст. М.», отзоветесь? Отзывайтесь!
Семья Гаркавенко,
г. Набережные Челны

АКТУАЛЬНЫЙ
РАЗГОВОР

Студенчество идет к форуму

Станислав Смирнов,
секретарь ЦК ВЛКСМ

Трудно припомнить другое такое время, когда бы стрелка барометра общественного внимания столь близко подошла к указателю, за которым стоит поистине сложный, уникальный и бурлящий мир, именуемый студенчеством.

Скоро в Москве соберутся делегаты Всесоюзного студенческого форума. Предваряя его, возрастает накал дискуссий о проблемах студенчества. В адрес подготовительного комитета форума, его рабочей группы ежедневно поступает немало конкретных идей и предложений.

Что скрывать: студенческие проблемы долгие годы находились на периферии общественного внимания. Даже считалось — ну какие проблемы могут быть у студента — учись, живи, радуйся, ведь о тебе за-

ботится государство. Правда, поскольку ты, как яркий представитель непроизводительной сферы, целиком находишься на содержании у рабочего и колхозника, то будь добр — терпи смиренно, когда тебя вместо занятий направят поработать на картошке, стройке или овощебазе.

Контраргументов, говорящих о том, сколь примитивны и далеки от реальности эти стереотипы, можно привести множество. Я же назову только один — очень немного найдется у нас сфер и отраслей, где, подобно образованию, каждый вложенный сюда рубль приносит 5,3 рубля прибыли. Печально, но факт — не смогли, не захотели мы прислушаться к мудрому ленинскому наказу: «...В первую голову должны быть сокращены расходы не Наркомпроса, а расходы других ведомств, с тем, чтобы освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса».

Горькая, но сущая правда — известный принцип остаточного внимания к нуждам образования, к нуждам студентов с «пониманием» воспринимался и в комсомоле. А если кто из молодых людей пытался в нем усомниться, то рисковал получить обвинение в несознательности, иждивенчестве, эгоизме. Не здесь ли истоки снижения авторитета комсомола в студенческой среде?

Сегодня, кажется, мы начинаем наконец-то усваивать бесспорную истину — общество лишь тогда получит от молодого поколения и его учащейся части ожидаемую отдачу, если сумеет не в декларациях, а на деле обеспечить надлежащие материальные, социальные и духовные условия для профессиональной и жизненной самореализации, интеллектуального развития, нравственного совершенствования. По сути, это ведь тоже свидетельство нового мышления, маленькая победа перестройки.

Студенчество ждет, что форум сможет закрепить эту победу и пойти дальше. Реальны ли эти надежды, или окажутся правы скептики, предрекающие форуму участь бесплодной затеи, пустой говорильни? Я оптимист и верю в успех форума. Но где гарантии? — вопрошают пессимисты. Они, на мой взгляд, в том, что в ходе широкого обсуждения Закона о молодежной политике в общественном сознании зреет глубокое понимание насущных проблем молодежи, естественно, и студенческих. Путем коллективного поиска создается реальная концепция их решения.

И первая, пусть пока скромные результаты тоже налицо. Так, если еще несколько месяцев назад, когда только начиналась подготовка к форуму, чрезвычайно остро стояли вопросы отсрочки студентов от призыва в армию, занятий на военных кафедрах, изучения общественных наук, то сейчас ситуация здесь явно изменилась к лучшему.

Разумеется, было бы чистойшей утопией ждать от форума «снятия» всех вопросов, волнующих студенчество. И кто склонен считать, что нагромодившиеся за долгие годы монстры проблем можно решить каким-то одним волшебным актом или за-

коном, тот наверняка останется разочарованным.

Префорумные дискуссии, выступления в средствах массовой информации экономистов, публицистов и социологов, состоявшиеся в ряде вузовских центров встречи студентов с народными депутатами СССР, местными партийными и советскими руководителями помогли, как мне кажется, определить кратчайший путь улучшения социального самочувствия студентов. Сегодня мы отчетливо представляем, что успех зависит не только от усилий и мер по линии центра, но, что наиболее важно, от использования местных возможностей. А они действительно велики — особенно в деле ликвидации неурядиц, накопившихся в сфере быта и досуга.

Наверное, стоит повнимательнее присмотреться, скажем, к опыту, появившемуся в Ташкенте. Здесь начала осуществляться комплексная программа социального развития вузовских городков.

Отсутствие необходимых финансовых ресурсов у государства, конечно же, делает весьма проблематичным немедленное осуществление популярной и значительной части студенчества идеи о стопроцентном обеспечении стипендий, причем в размере, равном прожиточному минимуму.

Впрочем, в ходе дискуссий нередко звучала и другая точка зрения. Не приведет ли такой шаг к уравниловке? Не лучше ли будет позаботиться об усилении стимулирующей роли стипендии, сделать ее еще более дифференцированной, строго отражающей результаты учебного труда будущих специалистов? Согласитесь, все это непростые вопросы, дебаты по которым наверняка продолжатся и на самом форуме.

Но вот в чем я абсолютно уверен, так это в том, что нужны срочные меры по социальной защищенности студентов из малообеспеченных слоев населения, тех, кто живет, расчитывая в основном только на стипендию. Справедливо ли, что студент, не имеющий родителей, может на законных основаниях получить материальную помощь только один раз в семестр на сумму до 100 рублей? Если и дальше закрывать глаза

на это, то есть все шансы уже в недалеком будущем превратиться нашим вузам, как образно заметил один социолог, в своеобразные «клубы состоятельных людей», малодоступные юным талантам из малообеспеченных категорий населения.

При всей безусловной важности и актуальности социальной стороны жизни студентов, никак не могут быть отодвинуты на второй план вопросы улучшения профессиональной подготовки. Очевидно, пятикурсники уже почувствовали, как впервые кадровики предприятий перед распределением стали присматриваться к дипломам, оценкам и уже в зависимости от этого решать — брать выпускника, заплатив за него отнюдь не символическую сумму, или же обойтись без молодого специалиста. Эта новая ситуация, конечно же, не может пройти мимо внимания участников форума. Одна из его задач, как мне видится, состоит в том, чтобы попытаться аккумулировать интересный опыт в плане совершенствования профессиональной подготовки студентов.

Примечательная деталь — в самом начале префорумных дискуссий были замечены примерно такие настроения — наше, мол, дело предложить идеи — желательные самые смелые, самые оригинальные, самые нестандартные, — а вот осуществить их должен кто-то со стороны, «добрый дядя». Теперь же, в канун форума, обстановка меняется, ребята не только выдвигают предложения, но все чаще сами берутся за их реализацию на практике.

Сейчас уже не редкость услышать непривычное словосочетание — «студенческая экономика», которое вбирает в себя многопрофильные кооперативы и молодежные центры, трудовые объединения и хозрасчетные школы менеджеров. Появляются первые студенческие предприятия. В Уральском университете, например, создано комсомольское экспериментальное научно-производственное управление, а в Грузинском политехническом институте действует студенческое учебное проектно-строительное управление.

Не буду скрывать: вовлечение студентов в хозяйственную деятельность, экономические отно-

шения вызывает неоднозначные суждения. Доводы тех, кто видит в этом нужное и полезное дело, помогающее будущим специалистам тверже стать на ноги, пополнить свой бюджет, опровергаются голосами сомневающихся: сам дух коммерции, дескать, отрицательно влияет на формирование нравственных основ личности. Эти аргументы кажутся не такими уж и беспочвенными, если принять во внимание, что подчас действительно материальный расчет закладывается все остальное.

Что и говорить — новые веяния и явления, происходящие в нашей экономике, затрагивают и студенческие интересы. Превиджу, что на форуме по этому поводу ждут жаркие баталии.

Отрадно, что, судя по всему, проходит времена, когда ребята стеснялись своей активности, боялись показаться смешными на общем фоне равнодушия и безразличия. Какие страсти кипят на отчетно-выборных комсомольских конференциях во многих вузах! То же самое можно сказать и о выборах студенческих представителей в состав ученых советов в ряде учебных заведений Москвы, Ленинграда, Перми, Красноярска. И что особенно характерно, сегодня уже не воспринимается как нечто неестественное такой порядок вещей, когда не только общественные организации выдвигают кандидатов в ученые советы, но и сами ребята, уверенные в своих силах, прибегают к самовыдвижению. Да, это ново, необычно и непривычно. Но это как раз то, что поможет сделать студенческие фракции в руководящих органах вузов по-настоящему боевыми и инициативными, истинными выразителями и защитниками своих интересов.

«В спорах рождается истина» — гласит пословица. Форум покажет, насколько она права применительно к тем острым дебатам, которые идут сейчас по поводу перестройки вузовского комсомола, создания новых структур в системе студенческих общественных организаций. Ясно одно — верх должны взять не эмоции или чьи-то амбиции, а трезвый, мудрый и взвешенный подход, который **наполнит** жизнь студенческих организаций реальным содержанием.

Приказ о перестройке

В редакцию приходит много писем с предложениями, суждениями, мнениями и оценками (не всегда бесспорными, но тем они и хороши!). Среди них немало касающихся сегодняшних проблем высшей школы. Конечно, решить все проблемы высшего образования — а их у нас хватает — в одночасье нельзя. И уж вовсе невозможно без учета мнения студентов нынешних и будущих.

Как наладить учебу, чтобы подавляющее число студентов не получало незаработанную стипендию? — такой вопрос волнует студента из Киева Сергея А., и, судя по почте, не только его. «Мало того, — пишет он, — что недобросовестные студенты-троечники не приобретают нужных знаний, такое положение в конце концов сказывается на формировании человека, развращает его. Государство тратит большие деньги на приобретение ненужных и даже вредных «специалистов», которых само же и породило».

По мнению автора, в конце каждого месяца нужно выводить средний балл, по которому — в равной степени, как и по экзаменационной оценке — судить об отношении к учебе.

Возможно, это заставит студента быть более добросовестным, но не будет ли такая ежемесячная оценка еще одним кнутом? Куда важнее создать условия для того, чтобы студент сам захотел учиться. Да только как это сделать?

Игорь Авчухов из Перми считает, что добиться этого можно. «Хочу предложить тов. Ягодину в приказном порядке перевернуть всю систему высшего образования с головы на ноги. Не бойтесь, что начнут обвинять в возвращении к командной системе. Обвинят как раз те, кому выгодно нынешнее «плавание по демократии». Те, кто готов все утопить в словесном море.

Я лично не хочу ждать, пока мы перестроимся «по-демократически» через несколько лет. Не хочу быть в числе тех, кто

составляет только определенное «количество специалистов».

Может быть, перестроиться самому и отнестись к учебе просто-напросто добросовестно? Но при этом я буду белой вороной, потому что сейчас в почете троечник. Это — ГОСТ! Не смей на него покушаться, ведь вся система высшего образования держится на нем. Стоит ли удивляться, что мы сейчас в глазах всего мира живем «на тройку»...

Необходимо сделать так, чтобы все работало только на отличника. И если это немедленно ввести в приказном порядке (чтобы не заглохло «по-демократически» в кабинетах), то уже в ближайшие годы качество «нокаутит» количество. До полного нокаута, конечно, будет далеко, но существенный сдвиг произойдет.

Не согласны? Отдает максимализмом и жадной администрирования, от которого мы все так устаем? Дело ваше. Но, ей-богу, иногда хочется, чтобы «наверху» стукнули кулаком по столу и все-таки навели порядок...

«То, как нас оценивают, — пережитки старой, дореволюционной школы, которая только и требовала зубрежки, — пишет Р. Курмашев из Казани. — Надо переходить от слов к делу, расшевелить институтскую бюрократию. Не принять ли нам такую систему оценки, которая совсем не требует заучивания, а показывает умение студента пользоваться научной литературой? Пришел на экзамен, взял билет — и в библиотеку. Нашел там подходящую информацию, законспектировал ее и сдал экзамен, пользуясь справочным материалом. Где полезного больше: в том, что ты просто вызубрил, или в том, что смог показать, как умешь работать самостоятельно? Помоему, полезнее второе»...

Тут уж хочется стукнуть кулаком по столу и мне: а по-моему, бесполезно и то, и другое! Имей я возможность пользоваться во время экзамена справочной литературой, я до

экзамена вообще ничего не учил бы. Зачем ночей не спать, если все можно преспокойно прочитать в книжке прямо на глазах у преподавателя?

Зубрежка, конечно, тоже не выход. Куда полезнее просто учить добросовестно, понимая то, что учишь. Жаль только, что тех немногих дней перед экзаменом как-то не всегда хватает, чтобы выучить, да еще и понять.

Не знаю, много ли общего у нас с Сергеем Мельничуком из Минска, но, по меньшей мере, в одном мы с ним схожи: «...Пора пересмотреть гаупту систему приема документов. Ведь характеристику можно написать любую, что толку от национальности, пола; какая разница, член ВЛКСМ или КПСС? Для чего выписка из трудовой книжки, военного билета? В институт принимаются не благодарности, звания, принадлежности к чему-либо. Даже хороший комсомолец может стать лодырем...»

И правда, может. Но метаморфоза с комсомольцами не так интересна, как ответы на вопросы «Что толку? Какая разница? И — для чего?». Не лучше ли в самом деле ограничиться заявлением на имя ректора, аттестатом и паспортом. При большом желании можно присовокупить и медицинскую справку, но — не более того!

Очень бы хотелось выполнить просьбу Сергея и переадресовать его письмо в Госкомитет СССР по народному образованию. Но еще больше хотелось бы самолично подергать дядю за рукав: «Что толку? Какая разница? Для чего?»

Предвижу некоторую недоумение: «То ему (то есть — мне) не так, это ему не эдак; то плохо, это — нехорошо. Да кто ты (опять же — я) такой, чтобы судить о наших студенческих проблемах?» Охотно отвечу:

*Андрей Советов,
студент факультета
журналистики МГУ*

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
УХОДЯЩИХ
РОССИЙСКИХ ДЕРЕВЕНЬ

На аварийном табло страны

За год в адрес рубрики пришли письма, которые могли бы составить увесистый том. Читатели не только поддерживают идею всеобъемлющего описания сельских поселений, но и вносят свои предложения, высказывают замечания. Начну с критики в наш адрес. Константин Павляк из г. Черкассы пишет: «Извините, но, как мне кажется, вашему журналу не хватает чувства такта. «Студенческий меридиан» — журнал ЦК ВАКСМ и Госкомитета СССР по народному образованию, то есть общесоюзный. Вы же открыли рубрику «Энциклопедия уходящих русских деревень». У нас на Украине исчезают с лица земли «неперспективные» села, у нас тоже было затоплено днепровскими «рукотворными» морями много селений. У нас, в конце концов, был Чернобыль, и все деревни, находящиеся в

30-километровой зоне, ушли от нас практически навеки... И есть, наверное, исчезающие, уходящие кишлаки, аулы!.. Так что уходят не только деревни. Предлагаю расширить рубрику и говорить обо всех уходящих населенных пунктах».

Я сам украинец, родился и долгое время жил на Украине. Окончил там сначала среднюю, а затем летную школу... Еще в конце шестидесятых — начале семидесятых годов мне приходилось отмечать на штурманской карте характерные световые ориентиры в сельской местности: они были необходимы для ориентировки в ночное время. Вскоре открылась их ненадежность по причине непредсказуемого «выключения» целого ряда сел и деревень. Позже узнал: их «выключали» всегда согласно печально известному постановлению как неперспек-

тивные. Кстати, не отмененного до сих пор! Чудовищность этого деяния я открыл для себя в деревне Вязигино (Калининская обл., Молоковский район), из которой на войну ушло 30 мужиков, а вернулся один. Картина оказалась характерной: в «неперспективные» зачисляли те деревни, из которых репрессии и война выбили мужиков. Тогда же вырвались строки: О! Если б мог я из могил Поднять все рати отчих сил И их привести в согласованье, Чтоб с теми, кто разлад вносил, Кто очи деревням гасил, Устроить очное свиданье.

Задолго до Чернобыля я участвовал в перегонке вертолетов из Симферополя в Ленинград. Летали и вдоль Днепра на предельно малой высоте. Невольно приходилось сравнивать. Своими глазами видел: эпицентр гибели сельских поселений приходится на Центральную Россию. Вертолетчики рассказывали о царстве мертвых деревень вдоль Волги. Возможно, сегодняшнему взору картина представится иной, ибо многие опустевшие сельские поселения в России спешно сжигали и запахи, словно следы заматали. Благо акта об их смерти с пол-

ным описанием исконных местных названий (в деревне все вокруг было названо) никто не требовал. А средства информации были всецело увлечены охотой за «прогрессом». О масштабах истинной всенародной трагедии говорит тот факт, что только за десять лет, с 1959 по 1969 год, в стране погибло 236 тысяч сельских поселений — в 3,5 раза больше, чем за всю Великую Отечественную войну! Когда в «Комсомольской правде» за 10 марта 1989 года мне «посчастливилось» опубликовать эту цифру, я думал, в нашем Отечестве будет объявлен всенародный траур. Ведь был же объявлен 3-дневный траур после смерти А. И. Брежнева, при котором деревенскую Россию запахивали и сжигали, как дрова. Всего за последние тридцать лет наша страна оплакала слезами сельских старожил 532 тысячи сел и деревень. Конечно, все республике понесли свои потери. Но, повторяю, эпицентр трагедии пришелся на РСФСР. И если, например, на Украине уже издана на русском языке 26-томная «История городов и сел Украинской ССР», в создании которой активное участие принимал и московский Институт истории СССР АН СССР, то о сельских поселениях РСФСР непостижимым образом забыли. Сведения о них по традиции передавались из уст в уста. Но сегодняшним сельским старожилам передавать их некому. Умирая, они навсегда уносят с собой тайну деревенского мира России, в который исторически влилось много наций. Нужно немедленно бить в колокола. Так что рубрика «Энциклопедия уходящих русских деревень» родилась не вадур, но как сигнал тревоги на аварийном табло страны. Ведь РСФСР не имеет своей Академии наук. А разгромленные в 30-х годах институты краеведения не возрождаются. Открывая данную рубрику, мы втайне рассчитывали на нее, как на вытяжной парашютки, благодаря которому раскроется купол деревенского мира всей страны, всех республик как единое целое. Поэтому предложение Константина Гавляка расширить рубрику и говорить обо всех уходящих населенных пунктах, включая кишлаки, аулы и т. д., принимаем.

Кстати, Георгий Первых из г. Орджоникидзе, который в этом году с отличием окончил исторический факультет Северо-Осетинского университета имени К. Л. Хетагурова, предлагает в будущую Энциклопедию включить самобытную историю казачьих станиц Северного Кавказа. Он пишет: «Она не менее интересна и актуальна. Наличие архивного материала в нашем регионе позволяет исследователям серьезно изучить затронутую проблему. Но сложность состоит в публикации исследований. Поэтому предлагаю начать издавать на средства членов общества при поддержке всех заинтересованных предприятий и организаций печатное издание, хотя бы небольшим тиражом. Распространение его в изучаемом регионе не вызовет проблем. Думается, что есть необходимость на базе исторических факультетов создать региональные секции общества».

«Во-первых,— пишет Николай Морозов, ассистент кафедры истории СССР Ульяновского пединститута,— необходимо, хотя бы в общем виде, наметить контуры работы Общества. Силами одних только историков сделать это будет очень сложно. Поэтому представляется вариант «кооперации»,— допустим, в педвузах — сил студентов, историков, литераторов. Это — на первое время... Ваш журнал будет хорошим координатором работы краеведов как в пределах отдельных регионов, так и в целом по всей стране. Нужно думать о формах сотрудничества, обмена опытом и т. д.»

Разумеется, приведенные выше предложения можно реализовать только при наличии и организации зрелых сил на местах. Пусть это будут региональные секции вузов или их факультетов. Но нельзя исключать и единоличного участия в Обществе. В. Тингаев из Оренбуржья, который один собрал сведения о мордовских деревнях Бугурусланского района — тому пример.

В конце апреля нынешнего года благодаря инициативе московских писателей и ученых в зале ВАСХНИЛ (бывшем Юсуповском дворце) состоялось учредительное собрание общества «Энциклопедия российских деревень». В числе

учредителей Общества — Московское отделение Союза писателей РСФСР, Союз писателей РСФСР, ВАСХНИЛ, издательства «Молодая гвардия» и «Современник», журналы «Наш современник», «Москва», «Студенческий меридиан», газета «Сельская жизнь». Участниками общества стали Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Центральный государственный архив древних актов, Центральный государственный военный исторический архив.

В последующих номерах журнала мы намерены информировать читателей о дальнейшей деятельности Общества. Нам представляется, что каждая область (а может быть, и район), исходя из своей как исторической, так и географической самобытности, будет составлять свои тома Энциклопедии, в которую войдут и умершие, и живые села и деревни, сведения о которых сохранились хотя бы в легендах. Не исключено, что придется прибегнуть и к градации достоверности. Одно несомненно — предполагаемое издание должно заключить в себе весь деревенский мир, не исключая его взаимодействия с городами, которые вплоть до конца XIX века наполовину состояли из сельских окраин.

В настоящее время наряду с организацией секций: географической, исторической, картографической и т. д., общество приступило к созданию большой комплексной программы будущей Энциклопедии с учетом накопленного опыта. Так, программа сбора этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная еще князем В. Н. Тенишевым и его сподвижниками, значительно облегчит поставленную задачу. С первых шагов мы оказали перед необходимостью иметь полные сведения о наработанном до нас. Поэтому предлагаем читателям принять участие в составлении «Справочника члена Общества «Энциклопедия российских деревень». Он должен стать своего рода самоучителем, путеводителем, библиографическим указателем для всех желающих принять участие в создании предполагаемой Энциклопедии.

Григорий Калужный

«Медвежий угол»

Николай Морохин

Человек окончил биофак. После практики в Институте психологии Академии наук СССР блестяще защитил диплом по психофизиологии творчества. «Светила» аспирантура в академическом институте... Но на распределении он выбирает местом работы глушь, становится сельским учителем.

Вообразите себе такой урок: в класс входят сразу два учителя, оба садятся за учительский стол и, вместо того чтобы «объяснять материал», затевают между собой спор. Несколько минут, и в спор вовлечены уже все. И проблема интересная, и каждый из учеников, приняв сторону одного из учителей, предлагает все новые и новые аргументы.

Собственно, тут-то и выясняется, как они готовы к уроку. И вдобавок оказывается, что «объяснять» ничего не требуется. Каждый уже узнал все, что планировалось на уроке.

И сам урок длится не привычные 45, а 35 минут. Подсчитано: у детей все возрастов последние десять из сорока пяти минут обычно «нерабочие».

Кстати, и в неделю всего пять рабочих дней: четверг — выходной. Вернее назвать четверг не выходным, а «необязательным» днем. Учителя в школе. Приходите — можно позаниматься в кружках, можно просто о чем-то поговорить. А можно остаться дома помогать родителям. Крестьянское хозяйство — это всегда работа.

Время освободилось — от каждого урока набирается по десять минут! И можно выбрать — дополнительные уроки. Обычно ребята просят музыку, рисование, литературу... Самые интересные...

В этой школе предусмотрены экстерн и индивидуальные занятия для тех, кому сдавать экзамены в техникум или вуз — то же репетиторство.

Так вот, педагог Высоковской восьмилетней школы большинством голосов не просто одобрил, а принял к исполнению проект, который предусматривал все, о чем я рассказываю.

Для такого смелого решения

педагог должен был быть необычным. Так оно и есть. Учительский коллектив в Высокове более чем наполювину состоит из единомышленников, которые договорились и приехали в самый что ни на есть медвежий угол работать. Именно работать — не отбывать распределение. Насчет медвежьего угла тоже вполне серьезно: к Высокову медведи из леса выходят.

Володя Карповский — первый молодой учитель, приехавший сюда несколько лет назад, произнес как-то загадочную фразу: «Вообще-то, я и сам медведь. Только белый...» — «Почему?» — «Сам бы хотел знать. Но вот однажды мои дети рассказали в классе плакат с «краснокишными» животными и говорили, кто на кого из учителей похож. И все сошлись на том, что я — белый медведь... А однажды в седьмом классе я был муравьиной маткой. Ну, все шло более или менее ничего. Они кормили меня, ухаживали за мной. Но тут начался пожар. И что ты думаешь — никто не стал меня спасать — все бросились враспынную. Вот тут я на них обиделся!»

С Володей ехали мы в шестом часу утра в районном «пазике» из одного его дома в другой. Родительский остался в Горьком. Свой собственный он купил в двухстах километрах отсюда, на самом краю области.

«Целых две зарплаты отдал», — говорил он с какой-то грустной гордостью.

...Человек окончил биофак. После практики в Институте психологии Академии наук СССР блестяще защитил диплом по психофизиологии творчества. «Светила» аспирантура в академическом институте. И

уже к великой радости облеченных учеными степенями родителей, он получил туда рекомендацию.

Тем временем человек, к великому же их ужасу, выбирает на распределении глушь, становится учителем биологии и химии в селе Понурове. Потом перебрался сюда, в Высоково. До Понурова хоть автобус ходил, а в Высоково пробраться только зимой можно.

...Вехали мы в деревню перед рассветом. Два фонаря. Маленькая бревенчатая школа промелькнула — единственный тут двухэтажный дом. Изба Владимира Евгеньевича Карповского — на пригорке возле остановки. В избе нет того, что можно было бы назвать уютом. Зато различные книги и пластинки.

— Зимой я собирал бабушек слушать русские колокольные перезвоны и Шаяпина. Первый раз не пришли — я объяснение тогда в магазине повесил, думал, как написать, решил — «в доме учителя». Но оказывается, надо было с каждой поговорить, позвать. Во второй раз все пришли. Сидели мы долго, говорили о жизни. Потом — снова. Мне их так жалко было. Подумал — только на поминках они сейчас и встречаются...

Детей в Высокове не наберется и десятка (в школе их 33 за счет соседних деревень). До райцентра Ковернино 35 километров, до правления колхоза по бездорожью — 20. Два десятилетия назад Высоково объявили бесперспективным и запретили строить тут дома. Сейчас запрет снят, но желающих что-то все равно не видно.

— Вот у нас столько сейчас говорят, пишут — плохо дело с деревней. Но часто все словами и кончается. А кто там работать будет, чтобы было лучше? Это не упрек тебе. Просто объясняю, почему я сюда попал и почему не собираюсь отсюда уезжать...

Многих я спрашивал: что вы думаете о молодом учителе?

Людмила Борисовна Беляшкина, бригадир фермы, которую здесь считают самым авторитетным человеком, сказала так:

— Не была я на его уроках, с ним самим тоже говорила немного. По детям сужу. Так к нему и липнут ребятники, так за ним и ходят. И плохому он

До райцентра 35 километров, до правления колхоза по бездорожью — 20. Два десятилетия назад село объявили бесперспективным и запретили строить дома. Сейчас запрет снят, но желающих что-то все равно не видно...

их ничему не научил — только доброму. Не было у нас еще таких учителей, чтобы к ним тянулись.

Владимир Евгеньевич дал мне почитать записки о своих учениках. Их поступки, их слова, разговоры с родителями. Поразила разрыв — он так добр с ними в классе, а здесь вдруг находишь жесткую оценку кого-то. Сетование на собственные просчеты. Четко сформулированные задачи: «за год выработать у такого-то то-то и то-то». Поиск путей — на что опереться. В записках то и дело мелькает: «педагогика сотрудничества», «борьба с пожарной психологией»...

— Все просто. Деревня «горит», у нее нет будущего. Мы спасаемся... Многие рассуждают так. Вот они тоже (достает две фотографии). А я им не дам! Мы будем работать вместе, и нам станет здесь интересно. Авторитарная педагогика на чем строилась: были только слова, только красивые призы. Дорогого они стоят, если сам учитель тем временем собирает вещишки... А я не исчезну. Я буду здесь. Я их товарищ, с которым можно поговорить о том, что интересно им, а не мне. И самое главное, мы вместе живем и работаем.

Почти четверть школы (а это семь человек!) у Владимира Евгеньевича живут дома. Идти четыре-шесть километров по глубокому снегу (метель тут не оставляет от дороги и следа) — небольшое удовольствие. Парней из других деревень Владимир Евгеньевич пригласил к себе домой, купил матрацы и простыни. А места много — и в комнате, и на печи. Вечерами вместе готовятся к урокам (это еще вопрос, у кого подготовки больше!), по очереди дежурят по кухне, печатают фотографии, слушают музыку, спортом занимаются. Между прочим, Владимир Евгеньевич еще и учитель физкультуры. Топят баню. После бани — с осени брусничная вода.

Иной раз к Владимиру Евгеньевичу приходят ученики из Понурова. Добираться до учителя — пешком двадцать километров...

В Высокове нет клуба. До ближайшего — полтора десятка километров бездорожья. Вече-

ром в его доме — почти вся молодежь. Разговоры, танцы, книги...

Или — самогон в грязной избе на другом конце деревни?..

Впервые он ощутил противодействие начальства, когда хлопота о лошади.

Майка — лошадка смиренная, уная.

Владимир Евгеньевич прогнозировал администрацию, когда повел класс «проходить» лошадей по зоологии. Хватило бы и картинки!

Но в лошади Карповский видел не учебное пособие, а помощника, с которым вместе будет одолевать «пожарную психологию». Все на лошади завязывалось. А мечтал он о том, как вместе с ним школьники научатся у опытных людей плотничьему ремеслу. И поставят в соседней деревне Наумово за лето дом. Первый за десятилетие. Председатель колхоза Тарасов уже и брени на сруб пообещал. Другая мечта — вечерняя школа, хотя бы консультпункт. Лошадь бы и на стройке помогла, и всех бы после уроков домой развезла.

Я говорил с крестьянами Высокова, Наумова, Успенского выселка. Любят они свои места, к работе привыкли. Поэтому и не уехали отсюда, как многие. Только как вот с детьми быть? За последние годы почти никто из молодых сюда не вернулся. Идеи Карповского впервые давали надежду — реальную, а не демагогическую — целым пяти деревням. Они всем готовы помочь...

— Да вы представляете, если на стройке с детьми что-то случится? Пусть полют градки на пришкольном участке. Нам не нужны такие авантюры, такая ответственность, — объяснила мне заведующая роно Т. В. Храмова.

Карповский доказывал: вот подписи родителей, что они готовы сами нести ответственность за все, вот список взрослых опытных людей, которые нам помогут и будут делать всю тяжелую работу...

— Ах, там будут еще и взрослые? А надежные ли это люди? Может, вы все это затеиваете, чтобы нажиться на детском труде?

Настоящий труд вместо игры в него предлагал своим учени-

кам с одобрения колхоза Карповский. Труд с нелегким рублем, с подлинной и оттого только и радостной победой в конце. Труд, который бы дал постоянную крестьянскую профессию и застраховал бы от «проесчетов» на будущее. Только очень уж неудобный для инструкторий. И выбрали — профанацию труда...

...Размышляя о детском фонде, думаю — часть его средств должна быть достаться сельским интернатам. Много их перевидал. Холод, голые, в казенной ядовитой краске стены, крысиные норы. Попадая туда, физически чувствуешь, до чего больно подростку отрывать от дома.

— Мы бы учились, мы бы не прогуливали, — обещали мне тогда восьмиклассники, которым предстояло уехать из Высокова за отсутствием средней школы. И просили помочь с вечерними занятиями в девятом классе — таков был замысел Карповского.

— Консультпункт для тридцати двух человек? — почти с улыбкой сказали в роно, делая ударение на «тридцати двух».

Но почему не на «человеке»? Разве школьники в Высокове не люди, не личности оттого, что их мало?..

Светлана Кулакова, Надежда Махова ждали вечерних занятий и пошли работать на ферму. В Наумове впервые за последние годы появился почтальон — Ирина Беликова...

Владимир Евгеньевич оформлял документы для вечерней школы, обивал пороги, верил в успех.

Но накануне занятий в Высокове звилось грозное начальство из райцентра. Немедленно всех уволить! Это же дети! До шестнадцати лет им еще несколько месяцев, значит, они не имеют права работать. А раз они не работают, они не имеют права учиться вечером.

Были слезы, были уговоры: девочки говорили, что работа физически не тяжела, им нравятся. Но начальство это не тронуло. Родителям Кулаковой грозили трехсотрублевым штрафом за нарушение закона. Девочек увезли в ПТУ: на художню хохломской росписи учиться. Придется им выбирать в будущем — или новая профессия,

или родина, ферма, и тогда напрасно учили их три года.

Вечером я ходил на наумовскую ферму. Детей я там насчитал семь человек. Говорил с братом Светланы Колей. Он и его сверстники работают здесь после уроков каждый вечер. Во всем разбираются. Все умеют. Только денег не получают, потому что не имеют права работать. Летом Коля пас стадо — за это ему дали грамоту, денег много заплатили, все отдал родителям. Тут работа тоже ответственная, большая, но...

Дома воду можно носить, а здесь — нельзя.

Дома навоз можно из-под коровы убирать, а тут ни-ни.

— Этого не должно быть, мы об этом ничего не знаем, — говорили в роно.

О Володе Карповском, о Высоковской школе в молодежной областной газете была напечатана заметка. Спустя несколько месяцев пришел ко мне домой сам Володя — извлек из рюкзака целую пачку писем.

Ему писали молодые педагоги из разных районов области — рассказывали о себе, советовались.

Рита Валенцова, молодой тренер из спортшколы в поселке Штормовом, ждала в горьковском аэропорту вечернего рейса самолета к себе, в Крым. В Горьком была пересадка, надо было скоротать время, и она купила газету. Спустя полчаса она уже стояла с этой газетой в руках на автостанции и покупала билет в Ковернино. Только в автобусе ей сказали: обернуться до Высокова и назад — минимум двое суток. Пришлось с подорожи пересаживаться на встречный, спешить к самолету... Но все же вскоре они познакомились: молодые педагоги Рита и Евгений Валенцовы пригласили Володю Карповского на каникулы в Крым. Теперь они друзья, а скоро должны познакомиться и их ученики.

И были письма, совершенно для меня загадочные... К Володе сразу и как к психологу, и как к педагогу обратились за советом уже немолодые люди из Ессентуков. Как быть с сыном? Как его понять? Похоже, школа приучила его к легким победам, заставляла верить в пресловутую «широкую дорогу жизни» и

«открытые двери». Где они, эта дорога и эти двери? Не сломаются ли парень, увидев, как все трудно на самом деле?..

Было даже письмо из Болгарии: молодая учительница из села Силен, затерянного в Родопах... Зимой перевал закрывается, и... Ну что пересказывать — проблемы маленькой сельской школы так похожи.

Алиия Вадова, студентка Горьковского пединститута, появилась в Высокове с рюкзаком. Объяснила — турпоход по тайге. Но что-то уж очень интересовалась школой. И вот — письмо от нее: скоро распределение, она будет просить назначение сюда. Распределения в Высоково от комиссии попросила и выпускница Горьковского университета Елена Ломтева, историк, — сослалась на газету: в Высоковской школе есть вакансии. Прочитав статью, в Высоково окончательно решил ехать Андрей Стариченков. Володя Карповский — его друг и одноклассник — давно звал к себе. Андрей — горожанин непонятно в каком поколении, кончил радиофак университета, работал в НИИ инженером... Но что может быть лучше, чем жить рядом с другом! Он ведет в школе физику и музыку: из Горьково взял с собой скрипку, на которой учился играть в музыкальной школе. Все начальные классы взяла себе тоже приехавшая по распределению, чтобы работать с единомышленником вместе, выпускница Лукозязовского педучилища Анна Крутова.

У всех учителей теперь свои дома, и там допоздна горит свет — есть куда прийти ученикам. Кстати, у Лены и Андрея дом с зимы общий — они поженились.

Среди молодых интеллигентов, которые решились приехать в Ковернинский район, есть и не только учителя. С Карповским списалась Елена Осюкина, горьковчанка, экономист. Объяснила — хочет помогать школе, создавать новое село. К сожалению, в самом Высокове для нее подходящей работы не нашлось, но рядом, в Больших Крутах, колхоз предоставил ей место по специальности...

Школа в Высокове становится сейчас центром, вокруг которого собираются самые разные люди. Объединяет их то, что им

дорога судьба малой родины, что они хотят работать с детьми... Учат ребят плотничьему делу братья Каштановы, отличные мастера. Это дело на селе — одно из первых. Все с дома начинается. И будет теперь в Высокове школьная артель. И еще Карповский убежден — многое изменится к лучшему, если школа станет своего рода экологической инспекцией и лабораторией. А сделать это учителям вполне по плечу. Недалеко от Высокова в сороковые годы ленинградские лесоводы заложили экспериментальную еловую плантацию. Опыт этот — для нескольких поколений ученых: используя весь лесоводческий опыт, вырастить еловый лес в рекордно короткий срок. Если это получится, изменится облик всех лесов России. Пока их умеют восстанавливать только сосной. Но ель — куда ценней — бумагу, например, из сосны не сделаешь. Беда только в том, что высоковский лес может вообще не вырасти — он возле в самый пожароопасный возраст. Школьники в сухое время смогут следить, чтобы там и в самом деле ничего не загорелось. А потом — как-то вечные болота... Вечная проблема варварского сбора ягод, незрелых еше.

«Возрождение всех нарушенных связей человека с окружающим миром». «Красивая школа в красивом месте». Эти формулировки я взял из документа, именуемого концепцией Высоковской сельской школы. Эта концепция защищена Карповским на учительском конференции в присутствии большинства педагогов района.

За Высоковым проследок сворачивает к лесу. Отсюда хорошо видна старая колокольня монастыря.

Полтора века Высоковско-Успенскому монастырю. Небольшая событиями его история, но, выйдя из леса к берегу тихого Утруса, поражаешься — как гармонично он вписался в неяркую северную природу. Скромные аскетичные кельи, торжественный храм, колокольня...

— Мы сюда ходим с ребятами и думаем — заработаем денег, научимся кое-чему и займемся консервацией. Сам видишь — кое-где уже нет крыш,

колонны упали. Завтра руины останутся.

«Утопия!» — было провозглашено, когда Карповский высказал эту мысль впервые. Вновь зазвучало знакомое: «Что-нибудь случится, а нам отвечать!» Кто-то пустил слухок, что Карповский хочет открыть действующую церковь. Но есть и такие, кто готов помочь — деньгами, работой, — размышляет об объеме работ, о том, с чего начать...

Пока что Высоковская школа живет в старом, тесном и холодном здании. Точнее — зданиях. Скоро для строительства новых выделят деньги государство, колхоз и лесхоз. Замысел — перенести школу сюда, в окрестности монастыря. Самое красивое место в округе — школа должна быть именно в таком. Вдобавок — самые удобные подходы ото всех деревень, где живут ученики.

Тех, кто придет в эти места посмотреть старинные памятники или просто за ягодами, за грибами, будет принимать школьная кооперативная гостиница, музей. При школе — спорткомплекс, детхоз с необходимой техникой. Труд будет настоящим.

...Мы поднимались на верх колокольни по шаткой лестнице без перил.

— Страшно? — оглянулся Владимир Евгеньевич. — Да я сам долго не мог себя пересилить... Но знаешь, оттуда все так здорово видно. Даже Костромскую область.

Была проверка, и детей в выходной день пригнали в школу все мыть, приводить в идеальный порядок. Своих, которые должны были мыть его кабинет, Карповский отпустил: хватит показухи, хватит потемкинских деревень. Приедут проверять — пусть посмотрят, как все выглядит на самом деле. Кстати, все неплохо.

Нет у нас двух жизней — одной для себя и другой — для комиссий. Есть просто жизнь — для детей...

«МЕЛОЧИ ЖИЗНИ?»

Графика С. Расторгуева

Кто для кого существует?

(Фельетон с картинками)

Все знают, что студенты народ неблагонадежный, легко попадают под дурное влияние, несамостоятельный и ни к чему в этой жизни не готовый. Особенно семейные студенты. Их надо подготовить, воспитать и создать из них нечто.

А Москва — город известный. Люди едут и едут сюда в любое время года. Приезжают и, помыкавшись, уезжают, и слава богу! Дай им волю, они и насовсем здесь поселятся. Мало того, что все раскупают, они будут действовать разлагающе на сплоченное московское общество, да и свои порядки устанавливать.

Но это — в общем. А мое повествование о случаях част-

ных. И о том, как надо оберегать, охранять семейных студентов от несемейных, от студентов и прочих людей, объявляющих себя их родственниками. (Заодно оберегать Москву от опустошающих набегов «гостей столицы».) Особенно, если этим родственникам взбредет в голову приехать к своим, обремененным учебой и семейными заботами чадам, да по хозяйству помочь, и с внуком посидеть. Ни-ни, как же иначе они приучатся к самостоятельности?!

Возьмем, к примеру, семейное общежитие МГУ, что находится на улице Кравченко. Доблестная армия вахтеров во главе с заботливой администра-

ций блюдет покой неразумных студентов. У которых и ума-то пока хватает только на то, чтобы учиться, и на то, чтоб жениться. Правда, милиционеров на вахте, как в главном здании университета, здесь нет, а жаль! Больше было бы порядка и, может, не произошли те недоразумения, о которых хочу вам рассказать. Но до этого надо упомянуть еще одну категорию нерадивых студентов, вернее, студенток. Господи, ну сидели бы они себе дома в своих язаных, Ярославля, одессах. Так нет, едут учиться, да еще детей рожают. Да еще родных-близких в гости приглашают. С большим ребенком, видите ли, некому посидеть, а родственникам разрешено проживать в общежитии только пять дней, в исключительных случаях больше. А где взять исключительный случай? Когда администрация во главе с директором общежития В. В. Чхартишвили и на простой смотрит весьма подозрительно. Например, вот так.

Картина первая. Пришла к директору как-то молодая пара. Еще не искушенная, еще не успевшая больно оцарапаться о частокла бюрократических трудностей, окружающих владения местной власти. Пришла эта пара с простым и наивным вопросом: как оформить пропуск приезжающей матери жены.

— По какому делу она приезжает? — деловито спросил Чхартишвили. Молодая пара несколько растерялась и задумалась. Действительно, по какому делу может приехать мама?

— По делу поддержания тесных родственных отношений, — нахлещая молодой супруг, — он уловил, что в этих стенах понимают только сугубо деловой тон. И это их спасло. Директор ограничился малым — ребятам предостало собрать с полдесятка подписей-разрешений: у старосты этажа, у председателя студкома, у самого директора, заплатить бухгалтеру, представить квитанцию об оплате, — и все, въездная виза готова. Если вы не очень заняты, то это займет немного времени — день.

Ах, как не вспомнить прежние времена, когда ничего этого было не нужно. Когда на вахте сидели дряхлые старушки и пропускали всех, кого хотели и кого не хотели, если послед-

А

названия! В глазах рябит от аккуратных табличек. «Директор общежития», звучит, а! А вот еще: «Дежурный администратор», «Инспектор по быту», «Комендант вахты» — коротко и сердито. Вот уж поистине — умеем мы маленький труд облечь в красивую обложку.

ние совали какую-нибудь мелочь. Одна такая, не скажу чтоб старушка, но женщина неопределенного возраста, до сих пор служит на вахте и, наверное, тоже с тоской вспоминает славное время и приятные подношения.

На вахте сейчас свой брат — студент. Но от перемены вахтеров сумма усилий администрации по воспитанию студентов и их родственников в духе строгого паспортного режима не изменилась. Не дает директору покоя ни днем, ни ночью забота о благе студентов. Когда на душе его особенно тревожно, он звонит на вахту и не взятые после 23 часов документы просит занести к нему в кабинет. И дело может принять, например, такой оборот.

Картина вторая. Приехала к одной студентке мать. Поздно вечером. Не предупредив о своем визите ни дочь, ни местное начальство. Оставила на вахте паспорт. А наутро он был уже у директора. Студентке, пришедшей за паспортом, было сделано строгое внушение. Но когда она, по простоте душевной, выразила удивление по поводу странных методов охраны порядка и сомнение в их нужности, то получила предупреждение о том, что будет наказана. Так вот, ее раз за разом стали вызывать в студком для проработки. (Да, поверите ли, в ДСК, кроме администрации, есть и студенческий комитет.) Нервы у бедной студентки были напряжены до предела: болен трехлетний сын, мать после конфликта была вынуждена уехать, а тут еще вежливый староста этажа регулярно стучит в дверь и зовет на заседание студкома.

Вслед за второй картинкой напрашивается и третья, правда, перо не поворачивается написать «картинка». Ибо случай,

происшедший недавно со студенткой математического факультета, не вменяется в рамки фельетона. Веру поселили с мужем (тоже студентом) в комнату, рассчитанную на троих. «Трешку» им дали потому, что они ожидали ребенка. Но внезапно муж умер. И Вере предложили переехать в «двушку», комнату поменьше. Недолго думая, директор общежития подписал ордер на ее комнату другим молодым супругам, ожидающим ребенка в далеком будущем. Но какой может быть переезд — у женщины вот-вот роды. К горю прибавилась обида, когда председателем студкома Хажомия стал усленно уговаривать ее переехать, обещая помочь в устройстве. Да где ж вы, дорогие студкомовцы, были раньше? Когда столько материальных, душевных страданий обрушились на беременную женщину!

Что уж говорить об администрации, которой и так хватает хлопот. Да и как не быть хлопотам, когда в общежитии на 400 семей только полтора десятка административных работников, незаметный кропотливый труд которых для студентов остается загадкой. Они так увлеченно работают, так отдаются любимому делу, что порой забываются — дома они или на службе. Уютная домашняя обстановка с чаепитием и бесконечными разговорами, казалось бы, должна удерживать работников на своих рабочих местах. Но если вы попытаетесь прийти ко времени, указанному в расписании, вы вряд ли застанете на месте бухгалтера или паспортистку. Все в заботах, все в бегах... К тому же каждый раз приходится решать такие сложные вопросы, как, например: разрешить ли мужу, приехавшему погостить на месяц к жене-аспирантке, жить весь

месяц или только пять дней? И вообще, это исключительный случай или обычный — приезд мужа к жене?

А названия! В глазах рябит от аккуратных табличек. «Директор общежития» — как звучит, а! А вот еще: «Дежурный администратор», «Инспектор по быту», «Командант вахты» — коротко и сердито. Вот уж поистине — умеем мы маленький труд облечь в красивую оболочку.

Семейное общежитие МГУ, пожалуй, самое лучшее из общежитий университета. В ДСК есть оборудованные игровые комнаты для детей, прачечная, прокат, спортзал с тренажерами, видеосалон... Но к чему эти блага, если нет главного — свободы! Свободы принимать у себя без мелочного учета и надзора родных и друзей. Ведь общежитие — это тот же дом, и студент такой же равноправный человек, как все. Он оплачивает все из своего кармана. И неизвестно, за что должны платить еще и родители (по 50 копеек за сутки). Если бы им, как в гостинице, предоставляли отдельную комнату, было бы понятно. Но этого нет — ютятся как могут и этому рады, лишь бы не тиранила вахта, да не проверяла бы прочность родственных связей администрация. А может, взимание платы с родителей помогает поддерживать материальную базу университета? До чего же он беден, бедный, раз докатился до такого. А деньги-то вот они, рядом ходят. Сколько зарплат не надо было бы платить, если оставить из всех работников ДСК одного Чхартишвили. Да организовать настоящую работу студкома.

Мне недавно рассказывали, как решили эти проблемы в Ленинградском университете. Там на все общежитие один директор. Если к студенту приехал родственник, временный пропуск ему, например, сроком на месяц выписывает председатель студкома. Плата с родственника не берется, а, наоборот, ему еще выдают и раскладушку, для больших, значит, удобств.

А в Московском университете, наверное, еще долго будут решать, кто же для кого существует: студент для общежития или общежитие для студента? Елена Камагорова, студентка факультета журналистики МГУ

ЛИРА-89

Валентин Голиненко

Старое фото

Словно мальчик, который читает
В первый раз о запретной любви,
Этот ветер украдкой листаёт
Расплетенные косы твои.

Он сбегает по свадебным вишням,
Рвет на юбке цветы, теребя.
Я — за кадром,
Я чувствую лишним
В это давнее утро себя.

Мы юны. Мы навек однолюбы.
Мы такие на свете одни.
Обернулась —
И дрогнули губы,
Да не слышно, что шепчут они.

Игорь Елеонский

Возвращение

Неясные, как блики,
Бредут, потупясь ниц,
По улицам безликим
Прохожие без лиц.

На них не стоит злиться —
Тебе нельзя помочь.
Пусть иней на ресницах,
Шутя, надышит ночь.

У рта клубится паром
Беззвучно: «Помоги!»
По снежным тротуарам
Скриняют твои шаги.

Застыла Каланчевка
Узором мерзлых шпал,
Ворочаясь неловко,
На лавках спит вокзал.

И, горбясь по привычке,
Шагаешь без конца
До первой электрички,
До первого лица...

Валентина Коростелева

Дом

Жизни путь не столь уж долог,
Чтоб собирать утех гроши.
Не спеши расстаться с домом,
Распрощаться не спеши!

Чуть помедли у порога:
Не слуга метель кружит.
Ах, не всякая дорога
Прямо к солнышку бежит!

И не всякий долг — в отраду,
И не всякий вপুরю дождь...
Так бывает, что обратно
И следочков не найдешь!

Михаил Полуёга

* * *
Как страшно и непостижимо
все то, что с нами происходит:
казалось, жизнь неудержима,
а смерть уже в прихожей
бродит.

В душе Вселенную постигнув,
значенье некое измыслим, —
а смерть, как истина из истин,
разрушив все это, наступит.

И смысл окажется никчемным
перед развернувшейся
бездной:
лишь участь — не
предназначенье,
падение со скалы отвесной.

Но где-то посреди падения,
как отрицание отрицания, —
забрезжит робкий луч спасенья:
о прожитом воспоминанья.

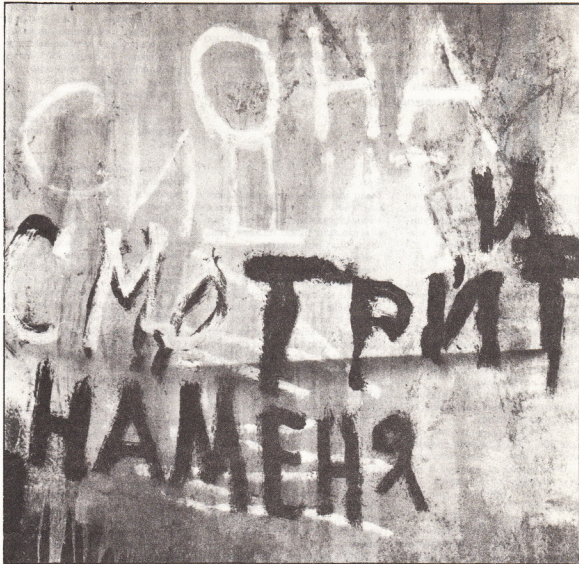
Владимир Корнилов

Первый поэт

Взьерошенный пращур
в пещерном дыму,
Следя за бессмертием огня,
Свои письменна высекал он кому
За тысячи лет до меня?

Тревога ли сердца пылала
в крови?
Пытаивость ума или бред?
А может быть, это о первой
любви
Вещал самый первый поэт?

Была это песня, мольба или
крик? —
В них страх или души
торжество?
...И был ли понятен тот
странный язык
Косматым собратьям его?!

УРОКИ ЭТИКИ

Человек пропал

Александр Висляев

Человек пропал, человек! Молодая женщина... А с ней — сыннишка девятимесячный — сгнули без следа, а потому, что «не наступил еще в Молдавии процесс перестройки. Все делается тайно, скрытно...»

И много чего загадочного Артур Бондаренко, студент Молдавского института искусств, разбросал по листкам своего

письма: и из института вышибить пробуют, и в тюрьму упрятать...

Скверное дело, из привычного ряда выбивающееся, отлагательств, судя по всему, не терпит и, значит, ехать надо, разбираться...

Но нет, слава богу, дело не в перестройке, как выяснилось на месте, и ни при чем здесь «тайное» и «скрытное» — все куда как проще, тривиальней: «нормальная» супружеская жизнь происходит. Коллизии ее

в традиционный треугольник вписаны: Он, Она и Теща. Он хороший, она замечательная, теща — ирва ангельского... Он — мерзавец, она — гадина подколодная, теща — стервова... меняются краски характеристик в зависимости от того, из какого уголка треугольника наблюдать за перипетиями супружеской жизни.

А стоит ли? Все так знакомо: скдоки, голоса на крик срываются, муторность...

А может, и стоит: человек пропал, человек! Запомним, с чего все началось.

Артур. Брачная ночь и все такое прочее... «Когда свадебное застолье окончилось, теща предложила нам с Аурикой пойти

олювал другой вопрос: как педагогу, учителю русского языка и литературы, то есть специалисту, стоящему особенно близко к душе человеческой, удалось воспитать дочь, готовую безо всякого стеснения прилюдно вылить на мать ушат помоев?

переночевать к ней. Мол, у нее удобней — места много, горячая вода есть. Но только переступили порог, она заявляет: а знаете, что у вас 400 рублей пропало?

Мы удивились: куда они могли пропасть, если после того, как их прямо на свадьбе пересчитали, к ним никто не прикасался? Нам было известно, что подарили 9 тысяч 7 рублей. Стали проверять. Полночи сидели, деньги пересчитывали. Действительно, ровно четырехсот рублей не хватило.

Ладно, решили, бог с ними. Только собрались ложиться, теща снова заявляет:

— Имейте в виду, вы еще мне 800 рублей за вино должны, я его на свои деньги покупала.

Отдали мы ей деньги. А она все успокоиться не может:

— Ты, — говорит, — три рубля украл!

— Какие три рубля?!

— А помнишь, тебе на свадьбе дали, чтобы ты музыкантам заплатил. А ты их не передал никому, я же видела...

Так вот наша первая брачная ночь и проходила. Плонул я на это дело, деньги бросил на пол, оделся и пошел к себе домой. Аурика у матери тоже не осталась — меня по дороге догнала.

Через некоторое время понадобились нам деньги. Ведь из всего подаренного на свадьбе мать жены нам ни одной копейки, ни одной вещицы не отдала и давать не собиралась. Тут кто-то Аурику надумил в суд на мать подать. Я ее отговаривал, а она — ни в какую: как она со мной, так и я с ней!

В суде наше дело целый год мурыжили — то якобы одной бумажки не хватает, то другая не в порядке. Ничего иного и не ожидал! Ведь в этом же самом суде теща — народный заседатель. Наконец суд состоялся.

Было вынесено ничейное решение: что это такое, остается лишь догадываться — на руки нам никаких бумаг не дали, сказали, получите потом.

15 июня Аурика вместе с ребенком отправилась в Сороки за этим самым решением. Я с ней поехать не смог — были дела в Кишиневе. В суд жена пошла вместе с моим отцом — он был ее доверителем. Но и на этот раз судья Аурике бумаги на руки не дал — не готовы. Впрочем, пообещал: к завтрашнему дню они будут готовы. Зайди утром. Обязательно зайди!..

Вечером того же дня домой к моим родителям, где остановилась Аурика, зашли две ее подруги и очень настойчиво и, как говорят родители, грубо стали звать на улицу. Аурика сказала, что выйдет вместе с смышлой на часок подышать свежим воздухом. И с того самого момента, как за женой закрылась дверь, их никто больше не видел...

Когда начался бракоразводный процесс, жену на нем представляли лишь посланные ею письма и телеграммы. Но по телеграмме не определишь, кто ее отправил, а судя по почерку, письма написаны не рукой Аурики.

В общем, теща сдержала слово. Ведь еще раньше она в моем присутствии предупреждала Аурику: «Если хочешь с ним жить, забудь и о свадебных подарках, и о наследстве отца. Вы молоды, еще наживете. А иначе жизни у вас не будет...»

Людмила Алексеевна (теща).
Из письма ректору: «Бондаренко хуаиганит, пьянствует, поет в церковном хоре, что находится напротив гостиницы «Интурист»... Все лето Бондаренко шантажировал моих родственников... Аурика бы-

ла неоднократно им избита в общежитии, а в декабре 1986 года Бондаренко покалечил ей ногу и не захотел вызвать «скорую». Экспертизой было установлено, что нанесено телесное повреждение. Вот так процветает садист и хам в вузе культуры... и так далее и тому подобное — всего шесть страниц хорошим почерком.

Артур. «Компромат» на жену.
Бумага, озаглавленная устранив: «Показания и к нему объяснительная записка».

«Встретаться они начали (Артур и Аурика) на осенних работах в колхозе Старые Дубосары на первом курсе, затем в феврале поженились. Нам странно было, что, живя со своим мужем, Аурика получала письма от ребят и просила нас не показывать их Артуру и ничего ему не говорить, а передавать ей лично в руки. На втором курсе у них родился сын Александр, он жил с ними в общежитии.

Были такие случаи, когда Артур находился на работе, Аурика отдавала нам ребенка, иногда и голодного. Артур, придя с работы и не застав ее дома, шел расспрашивать нас, где Аурика. Когда она возвращалась, то говорила, что объяснит ему наедине, где была. По ней было видно, что она довольна прогулкой, и от нее пахло спиртным...»

Подписи — староста, комсорг и профорг группы.

Артур. «Компромат» на себя:
«Было такое дело — сорвался. После того как теща Аурику заманила к себе и посадила под замок, я ее вызволил думал. Ну, выпил с друзьями перед этим. Погорячился... Окно выбил, в стенке пару стенок расшиб. В милицию попал, штраф уплатил 20 рублей, потом суд товарищеский был...»

(Нюанс, оставшийся за рамками покаяния: в представлении, направленном милицией в товарищеский суд, указывается, что «погорячился» парень аж на пару тысяч рублей — таков ущерб! — и жене досталось на оре-

хи, и все это приключилось накануне родов.)

Аурика. Она теперь далеко, бросила все, уехала... Живет в одном из городов Тульской области, вышла там замуж.

— Артур, расскажи про жену... Привязанности ее, характер, склонности...

— Денги любит, очень... Машину хотела иметь свою. — Это все?..

Фрагменты из писем, заявлений, жалоб Аурики в разные инстанции (заявлением в суд дочь не ограничилась: «компромат» на маму пошел в райком партии, районную газету...): «ковер за 300 рублей, подаренный мне бабушкой в честь (?) смерти отца...», «отец умер в 82 г., а покрывал тогда было не одно, а два...»

Вехи жизни...

Артур. «Компромат» на жену, раздел второй: «Свадебные подарки: покрывала австрийские, ковры, сберкнижки, аккордеоны и еще много, много чего... В перечне между «покрывалом салатным за 60 руб.» и «золотым кулончиком с камушком за 140 руб.» пристроилась пометка: «художественная литература на сумму 500 руб.».

Финал искового заявления в суд: разделить поровну общее имущество на сумму 18 тысяч 222 рубля.

От автора. Нет, в Сороки я собрался не за тем, чтобы выяснять, кто и кому должен. Волновала другой вопрос: как педагогу, учителю русского языка и литературы, то есть специалисту, стоящему особенно близко к душе человеческой, удалось воспитать дочь, готовую безо всякого стеснения прилюдно вылить на мать ушат помоев? Но разговор начался иначе. Случилось так, что предварительно договоренную встречу с Людмилой Алексеевной пришлось перенести на сутки. О цели визита к ней сказано не было. Увидев корреспондента, Людмила Алексеевна всполошилась: «Знаете, я так волновалась, всю ночь не спала. В чем дело, думаю, может быть, кто-нибудь из

моих учеников что-то натворил...»

Об Артуре и Аурике не было сказано ни слова. Я рассказал о цели приезда и через несколько минут попросил показать фотографию дочери — хотелось увидеть главную героиню. В ответ на это Людмила Алексеевна протянула целую пачку: «Вот, смотрите, я еще вчера все приготовила, и снимки, и документы...»

Может быть, не все фотографии были удачными и в чем-то, возможно, и не показывали характер Аурики. Они были, как отметила сама мать, подобраны по другому принципу — показать, как одевали девушку дома, какие ценные — импортные, ничего отечественного! — вещи окружали ее. «В отличие от этого «голового» бандита, свалившегося на нашу голову!» — подчеркнула мать.

Сама того не сознавая, Людмила Алексеевна ответила на еще не заданный мною вопрос о воспитании.

— Думаете, где у нас свадьба была? В лучшем ресторане города! И расписывались они не там, где все, — прямо в ресторане. Вы что думаете, обо всех девушках так матери забываются?..

Мы долго говорили... И почти все время — про деньги, деньги...

Он, Она, Теща — все вместе. И летят, летят «телеги»... Из Кишинева в Тульскую область — на место работы Аурики. Из Сорок в Кишинев — Людмила Алексеевна пишет. Возможно, и Аурика в долгу не останется, подбросив «свежего» материала. Людмила Алексеевна в журнал «Человек и закон» письмо составила...

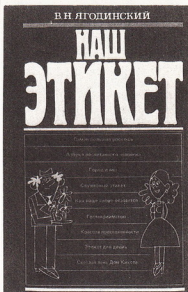
И все вместе: нет перестройки, правовой механизм не работает, инстанции не спешат с наказанием, где справедливость, где?!

Но при чем тут «правовой механизм»?

Полно вам — пусть себе мечутся в своем треугольнике, калькулируют справедливость и совесть с карандашиком в руках, перекалдывая их на сотни и тысячи...

Но вспомним, с чего началось: человек пропал. Человек!

ОРИЕНТИР

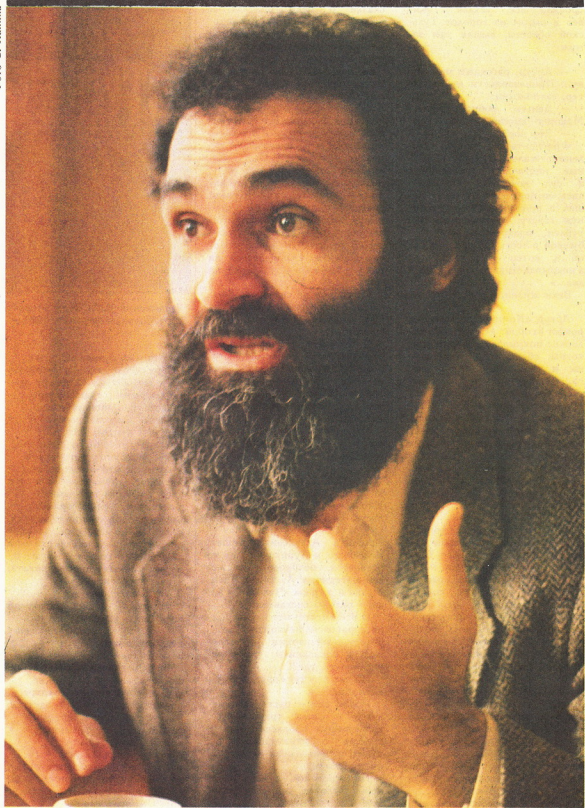
Ягодинский В. Н. Наш этикет. М., «Молодая гвардия», 1988. — 238 с.

Как это ни прискорбно, но, говоря сегодня об общественном уровне культуры в целом и молодежи, студенческом, в частности, приходится с грустью констатировать его крайний упадок. Это и малограмотность, и незнание своей истории, литературы, языков, и что немаловажно, массовое одичание во всем, что касается норм поведения, манер, традиций. Утрачено элементарное умение общаться, вести себя в обществе, за столом, правильно есть, то есть простейшие (не говоря уж о более сложных) знания этикета, этики поведения.

Зная настоятельную потребность наших читателей восполнить пробелы в воспитании (просьба эта звучит во многих письмах), рекомендуем вышедшую в «Молодой гвардии» книгу «Наш этикет»: как вести себя на улице, в транспорте, театре, в гостях, как со вкусом одеться, как организовать праздник, встретить гостей, наконец, каковы должны быть взаимоотношения людей на работе, в учебном заведении — на эти и многие другие вопросы вы сможете получить вполне определенный ответ.

Ст.М представляет: Андраник Мигранян

Фото С. Панина

Что с нами произошло? Насколько это закономерно? Что ожидает нас впереди?

Над этими и другими вопросами размышляет ведущий научный сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР Андраник Мигранян.

ДИСКУССИОННЫЙ
КЛУБ

Возможны варианты...

Сегодня мало только отвечать на вопросы, даже такие интересные и важные, как о Сталине и сталинизме. Необходимо решать обширные теоретические задачи создания принципиально новой модели социализма. Никто уже не может сказать со всей определенностью не только о том, была ли в нашей стране деформация социализма, но и был ли вообще социализм... Как далеко назад в области теории нам нужно идти теперь: к Ленину или к Марксу, или, быть может, ни к Ленину, ни к Марксу возвращаться не надо? Читая нынешнюю экономическую полемику, неизбежно задумываешься об этом.

Многие ведущие публицисты, такие, как О. Лацис, И. Клямкин, А. Бутенко и другие, говорят: социализм сложился в целом уже в 20-е годы и был подвергнут деформации в период культа личности Сталина. И. Клямкин считает, что Сталин и сталинизм — это результат особенностей социально-экономического развития России. Иного мнения придерживается, скажем, А. Ципко, который в своих статьях «Истоки сталинизма» (журнал «Наука и жизнь») достаточно аргументированно доказывает, что Сталин — прямой политический потомок Маркса, логичное продолжение доктрины, которая сама по себе требовала именно такого общества, и ничего другого в результате ее применения не могло возникнуть.

На мой взгляд, и те и другие грешат односторонностью.

По всей видимости, в России произошло наложение друг на друга множества разнообразных фактов. Поэтому, чтобы

проникнуть глубже в суть того, что же произошло в России после 1917 года, необходимо принимать во внимание и объективные предпосылки, заложенные в доктринальных особенностях марксизма, так же как и уровень социально-экономического развития страны и субъективные аспекты психологии народа, допустившего становление такого режима, при котором стали возможны насильственная коллективизация, репрессии и т. д. Но все эти дискуссии, сосредоточиваясь лишь на вопросах сталинизма или, скажем, напад, ведутся на слишком узком историческом пространстве и не позволяют как следует разглядеть всеобщую суть того, что мы сейчас называем социализмом, — его корни, предпосылки и возможности дальнейшего развития.

Необходимо рассмотреть весь ход процесса модернизации на широком фоне развития других европейских держав, и прежде всего Англии, Франции, Германии. Только в сравнении можно определить, какое место в их ряду занимает наше Отечество и что представляет собой тот необычный образец организации власти, экономики, социальной и культурной жизни, который мы дали миру.

Как правило, все добуржуазные общества имеют свои устойчивые, статичные формы со сложившимися традициями и связями, и в момент, когда происходит их ломка, общество переходит в динамическое состояние, возникает некое раскрепощение и создаются различные новые интересы. Они — эти интересы — вступают в непримиримое

противоречие друг с другом, и некогда целостная общественная структура распадается. Конфликт, как убеждает история, неизбежно выходит за легальные демократические рамки, нередко приобретает формы насилия или фронтальных столкновений между различными группами людей. Для разрешения и примирения этих противоречий в обществе возникает потребность жесткой власти, способной силой удержать общество от распада. Так рождается диктатура. Общество, имеющее глубокие традиции демократии, может пойти другим путем. Ведь что такое демократия? Прежде всего — умение придать общественному конфликту легальную форму, разрешить его бескровным способом.

Подобный механизм невозможно создать быстро и без серьезных общественных осложнений. Пожалуй, единственная страна, где процесс демократизации общества происходил более или менее безболезненно, — Англия. В силу уникальных особенностей развития этой страны, ее истории, культуры, общественных отношений он длился на протяжении 500—600 лет. В других же странах, где подобные процессы были не так сильно растянуты во времени, они приобретали форму достаточно резких столкновений и катаклизмов.

Особенно характерен и поучителен для нас опыт Франции, ибо обновление России пошло впоследствии сходным путем. Французская революция, если воспользоваться терминологией А. Токвиля, носила характер квазирелигиозный — в общественном сознании в предреволюционный период сложилось доктринальное кредо, утверждающее возможность при помощи революционных преобразований утвердить всеобщее равенство, свободу и счастье и спасти таким образом все человечество разом. Однако даже беглый анализ французской революции показывает, что в результате сложилась ситуация, прямо противоположная обещаниям. А развязанный вскоре в стране якобинский террор показал, к чему может привести попытка подогнать действительность под абстрактно-рас-

судочную схему. Над живым обществом нельзя ставить эксперименты, в основе которых лежит идея полного разрушения с перспективой создания на руинах чего-то принципиально нового. Во французских событиях негативную роль сыграл Руссо, выдвинувший в «Общественном договоре» идею о том, что если в обществе, созданном на всеобщем согласии и единой воле, кто-нибудь не захочет быть свободным, то его заставят быть свободным. Якобинцы на практике внедряли этот постулат, попытавшись всех заставить быть счастливыми, равными и свободными.

Попытка обернулась крахом, еще раз доказав, что единственной возможностью ее реализации, увы, является постоянный террор, при помощи которого обрубаются все, непредвиденные с точки зрения изначальной абстрактной теории, ростки новых интересов. По этому поводу можно вспомнить платоновскую утопию создания идеального государства, в соответствии с которой общество должно принять полностью статичное, неподвижное состояние. Такая схема возможна только в том случае, если кому-то удалось бы остановить, арестовать время, прекратить любое развитие, неизбежно разрушающее идеальную модель. Иначе говоря, идеальная модель может быть реализована только в том случае, когда из нее выбрасывается жизнь.

Немедленного всеобщего спасения во Франции не случилось, и процесс демократизации продолжался около 200 лет, завершившись, по моему мнению, лишь несколько лет назад. Та самая Франция, которая еще декабристам казалась недостижимым идеалом, только в 1981 году с приходом к власти последней крупной антисистемной силы — блока социалистов и коммунистов — стала двухполосной, демократической, цивилизованной политической системой. Такой же, какой, по сути дела, в 1689 году стала Англия. Замечу в связи с этим еще один, очень важный и имеющий непосредственное отношение к нашей истории момент, а именно то, что англичане удивительно быстро и про-

зорливо осознали, что сложный демократический политический механизм: разделение власти, парламентская форма правления, принцип сдержек и противовесов, индивидуальные свободы — не может быть одновременно доступен всему народу. И поэтому первоначально они, хотя и дали всем пассивные гарантированные права, активные политические возможности открыли очень дозированно, по самому высокому цензу. На начальном этапе своего становления демократические структуры еще настолько хрупки, что если в политический процесс разом врываются огромные массы людей, не обученные культуре демократии, не имеющие представления о ее ценностях, то они неизбежно рушат эти хрупкие, сложно устроенные построения. Очень короткий период нашей истории доказал правоту таких опасений.

С февраля по октябрь 1917 года в России, не имевшей никаких демократических традиций, не знавшей, по сути дела, даже индивидуальных прав и свобод, возможность активного вовлечения в политический процесс получили практически все классовые и социальные группы людей. В течение всего нескольких месяцев политический режим России подобно огромному маятнику проделал путь от правого авторитаризма, минуя демократию и не сумев на ней закрепиться, к разгулу охлократических¹ страстей, и, как следствие, возникла необходимость сильной жесткой власти, способной каленым железом навести порядок. Таким образом, страна пришла к левому тоталитаризму, то есть к еще более недемократической, централизованной власти, чем та, которая существовала до начала процесса.

То, что происходило с нашим обществом дальше, сходно уже с развитием процессов демократизации в Германии, и поэтому позволю себе еще один небольшой экскурс в историю.

Пережив крушение кайзеровской власти, а затем гражданскую войну и революцию, страна все-таки сумела спра-

¹ Охлократия — власть «толпы» (лат. «охлос» — толпа, «кратос» — власть).

виться и создать слабую, но демократическую структуру западного образца — многопартийную систему, парламентские процедуры, республиканские институты и учреждения. Хотя в течение предшествующих сорока лет шел процесс приучения народа к легальным процедурам разрешения конфликтов в обществе сверху под руководством Бисмарка и его последователей: но — увы — этого оказалось недостаточно, и после тяжелого и затяжного экономического кризиса общество резко поляризовалось. В результате левые и правые получили возможность захвата власти. Как известно, воспользовались этой возможностью национал-социалисты, установившие в стране фашистскую диктатуру. В Германии создались мощные тотальные структуры в духовной и культурной сфере, не допускающие никакого двоемыслия, разумеется, и в области политики и идеологии. Однако экономическая структура хоть и оказалась сильно зажатой, но не была разрушена и сохранила почти все свои органические связи.

В России тоже могла сложиться подобная ситуация, если бы большевикам не удалось взять власть. Сейчас существует такая концепция — ее неоднократно высказывали некоторые историки и, скажем, драматург М. Шатров, — суть которой в том, что при поражении большевиков победили бы военные. Корнилов — это своего рода русский национал-фашизм.

Действительно, в процессе модернизации России могла бы сложиться (как это случилось с другими обществами) правоавторитарная система, в рамках которой сохранились бы, вероятно, все органические экономические связи общества. Внутренняя его жизнь и система государственных институтов также остались бы нетронутыми. В сфере собственности, в области культуры при авторитарном режиме власти требуют лишь определенной лояльности по отношению к официальной политике, не затрагивая при этом глубинных структур. Так должно было быть по логике развития исторических процессов. В действитель-

ности произошло нечто, что никак не вписывается в мировую историю и что собственно говоря, придает нашей политической и общественной системе уникальный характер.

Цель левых сил, которые осуществляли переворот, состояла не только в том, чтобы взять власть, но и реализовать при этом определенную доктрину, в основе которой лежала ликвидация частной собственности. В результате произошло всеобщее отчуждение от собственности, а значит, и всеобщее отчуждение от власти, ибо человек, лишенный собственности, не имеет никаких гарантий на осуществление своих индивидуальных прав и свобод. Он абсолютно беззащитен, и все индивидуальные права и привилегии в этом случае поучает тот институт, в руках которого сосредоточивается собственность, — государство и его аппарат. Этот тоталитарный политический режим, не претерпевший за все годы своего существования существенных изменений, сохранялся у нас до самых последних лет. Что же принес людям этот режим? Не только полное и всеобщее отчуждение от собственности и от власти, но и, что гораздо страшнее, отчуждение человека от его сущности. Даже внутренняя жизнь оказалась огосударственной, была как бы национализована духовная суть. Произошло полное порабощение человека государственными структурами. И если принять все это во внимание, то становится ясно, что сегодняшние дискуссии, конфликты, споры относительно нэпа, периода культа личности или застоя с точки зрения политологического подхода в значительной степени теряют смысл. Ведь все это спор о частностях.

Сегодня многие (и я, признаюсь, здесь не безгрешен) пытаются найти в нэпе своеобразную подпорку, говоря о том, что именно в этот период и был настоящий социализм. Но, тщательно и последовательно изучив историю этого вопроса, я совершенно однозначно должен сказать — нэп не имел никакого отношения к марксистскому доктринальному социализму.

Новой экономической политике предшествовал период

военного коммунизма, а на деле попытка реализации коммунизма как такового, приведшая к абсолютному противоположным доктрине результатам. К 1921 году в стране обнаружился самый настоящий кризис власти, и Ленин — в этом, безусловно, вновь проявилась его гениальность — понял ведение времени, необходимость найти какие-то срочные и радикальные способы для спасения власти. Таким спасением стал нэп. Но что же произошло дальше?

Поставим себе ряд вопросов и попытаемся дать на них ответ с точки зрения всех тогдашних политических руководителей, включая тех, о ком сегодня говорят как о несбывшейся надежде партии — Бухарине, Кирове и других. Вопросы таковы: хотели ли они создания гражданского общества? Дифференцированных интересов? Постепенного отказа партии и государства от монополии власти и передачи ее другим структурам, которые должны были возникать в обществе?

Ответ напрашивается сам собой и находит немедленное подтверждение и в литературе того времени, и в самой исторической реальности. Стоило в деревне середняку или бедняку хоть немного улучшить свое экономическое положение, как из разряда социально близких он тотчас же переводился в разряд социально дальних или даже социально чуждых. Затем его лишали гражданских прав и заносили в списки врагов народа. Иными словами, как только нэп и его определенные достижения становились элементами дестабилизации сложившейся экономической и социально-политической системы, это незамедлительно вызывало категорическое неприятие и сокрушительную ярость не только со стороны Сталина, но всех без исключения властей предрежащих в партии и государстве.

Объяснение этому чрезвычайно простое — экономическая самостоятельность отдельно человека настолько гарантирует степень его независимости, что он может любому и каждому, вплоть до Генерального секретаря, ответить отказом и неповиновением, если по

отношению к нему пытаются осуществить произвол. Он от них вообще никак не зависит. Становится понятно, насколько опасны такие люди для системы, требующей жесткого подчинения.

Система, естественно, стремится удержать монополию власти и поэтому — хочет того или не хочет — должна ликвидировать потенциальную угрозу. Не случайно ведь наш знаменитый лозунг: «Кто не работает, тот не ест», по сути, звучал: «Кто не подчиняется, тот не ест». Это действительно так, потому что все средства распределения, все необходимые компоненты жизни не только предприятия и колхоза, но каждого человека сосредоточены в едином центре, в одной руке, и в любое время канал питания может быть перекрыт. Государство — единственный работодатель и единственный распорядитель благ, а значит, оно всех держит в абсолютном подчинении себе и своим законам.

В итоге мы получили политический режим, не имеющий аналогов в мировой истории. Создали тот тип государственной власти, который переяли наши последователи в Восточной Европе, в Китае, а затем он был доведен до своего логического завершения в Кампучии, где, по-моему, был реализован полный коммунизм. Там удалось даже то, что не удалось нам — ликвидировать разницу между городом и деревней и различие между умственным и физическим трудом: всех горожан выгнали в джунгли, а всех представителей интеллигенции уничтожили.

Однако не хотелось бы завершать разговор на такой грустной ноте. Все дело в том, что, как ни странно, несмотря на все вышесказанное, наша политическая система пережила некоторую эволюцию и имеет свои нераскрытые потенциальные возможности. Правда, история человечества пока не знала примеров успешной модернизации общества с этапа тоталитаризма, но зато имеет немалый опыт перехода к демократии с этапа авторитаризма.

На первый взгляд, наверное, кощунственно выглядят мое твердое убеждение в том, что

наша задача сегодня — перейти от тоталитаризма к авторитаризму, а не к демократии. Прямой переход к демократии в нашей ситуации был бы слишком большим скачком, что всегда кончается очень печально.

В некоторых сферах жизни, прежде всего в духовной, мы уже перешли к авторитаризму, и переход этот осуществлялся постепенно — от своеобразного молчаливого заговора с властями, взаимного согласия на двояком: одно мнение — публичное, официальное, другое как бы для домашнего пользования. Немногим раньше за это второе мнение мы могли поплатиться жизнью, но после XX съезда партии подобное двоякое в сфере идеологии перестало быть опасным и утвердилось уже достаточно прочно. Создалась возможность понемногу возвращать в нашу жизнь достижения культуры, литературы и искусства прошлого и начала нынешнего века, объявленные в свое время вне закона. К интеграции русской философской мысли мы вплотную подходим только сейчас. Одновременно с этим ослабевает постепенно и наша культурная изоляция от Запада, достигшая к 50-м годам грандиозного разрыва.

К апрелю 1985 года нам удалось создать в духовной сфере подобие гражданского общества, и, надо сказать, именно эта неофициальная культура во многом подготовила перестройку, способствовала формированию группы просвещенных государственных политических деятелей, которые хоть и действовали в рамках старой системы, но уже качественно вышли на иной уровень.

Все это — несомненные завоевания, но, конечно, недостаточные и малоэффективные в том случае, если не будут осуществлены попытки перехода к модернизации в экономической и политической сферах.

Этот процесс идет, имеются некоторые успехи, но в целом, увы, нам еще рано радоваться.

Что же нужно для того, чтобы придать необходимый динамизм процессу перестройки? Главное, как я себе представляю, необходимо настроиться на долгую работу, не ждать скорых

и радикальных результатов. Нужно еще больше укрепить власть в центре для того, чтобы она могла оказывать постоянное и неослабевающее давление на все промежуточные бюрократические структуры. Одновременно такое же давление должно осуществляться и снизу, со стороны вновь созданных общественных и гражданских институтов.

Вся полнота власти наверху должна быть сосредоточена в руках, как я называю, просвещенного автократора. Однако вовсе нет никакой необходимости, чтобы ниже этого самого высшего звена система замыкалась также на отдельных лицах, держащих всю полноту власти местной, как это предполагается при том порядке совмещения постов председателя Совета и первого секретаря партийной организации соответствующего уровня. Мне кажется, это большая и, может быть, решающая ошибка. Ведь если учесть тот факт, что партийным руководителям никто еще не отменил полномочий по подбору и расстановке кадров, контролю над деятельностью государственных органов власти, то возникает забавная ситуация — один и тот же человек, чередуя обязанности, сам себя назначает, сам себе дает задания, сам себя контролирует, сам у себя принимает отчет, награждает и т. д. Никакого разделения власти при такой системе не просматривается. А необходимость подобного разделения для осуществления дальнейшего прогресса очевидна. Я думаю, что в самой партии наиболее эффективный путь сейчас — это разрушение номенклатуры, которая буквально пронизывает все структуры общества и омертвляет их. Единственный путь ее разрушения на начальном этапе — прямые выборы первых секретарей райкомов и горкомов. Причем выборов при наличии многих кандидатов, при участии всех коммунистов. Через некоторое время выбранные люди выступают с отчетами, и те, кто голосовал за них, могут определить, что реально сделано и стоит ли этого человека оставлять на его посту. Необходимо добиться такого положения, при котором никаких назначений и продвижений за

спиной общественности происходить не может.

В то же время, контролируя механизм продвижения к власти, необходимо воспитывать чувство ответственности и у тех сил, которые нарождаются в недрах общества и готовятся конструктивно сотрудничать с властями. Силы эти не должны забегать вперед своего времени, ибо такая поспешность приведет к резкой поляризации общества, которая неизбежно даст самые отрицательные результаты. В этом случае процесс модернизации либо выйдет из-под контроля, возникнет охлократия, и страна отбрасывается далеко назад, либо происходит дестабилизация ситуации, возникает политический кризис, и от власти отстраняются люди, осуществляющие реформы, именно их обвиняют в создании хаоса и разрухи.

И тот, и другой варианты не в интересах перестройки и дальнейшей демократизации нашего общества — тех процессов, которые приведут нас к победе здравого смысла. Ответственное, критическое и конструктивное сотрудничество всех прогрессивных сил страны — залог такой победы.

От редакции. Дискуссионный клуб. Эта рубрика будет все чаще появляться на наших страницах. Иначе не может быть. Дискуссия, диспут, спор — самые яркие знаки нашего времени, знаки жизни и развития.

Со школьных времен мы повторяли не задумываясь: в споре рождается истина. Справедливость этой аксиомы не нуждалась в подтверждении, но жизнь вокруг нас не принимала спора. Наше общение происходило по формуле казармы: я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак. При такой форме взаимоотношений общество все ниже опускается на четвереньки.

Давайте спорить! Нам ведь есть о чем.

Давайте вместе искать истину. А так как по этому коренному вопросу у каждого свое мнение, то мы просим вас сообщить, что вы думаете о только что прочитанной статье. Очень желательно, чтоб вы назвали людей, с которыми вам хочется поспорить или свести в дискуссии на страницах журнала.

ЧЕЛОВЕК
И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ

О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе

Игорь Акимов,
Виктор Клименко

Обыкновенный «черный» человек (ученик на уровне чувств — продолжение)

Он убеждается, что игра на выигрыш любой ценой не стоит труда и немедленно приносит

Продолжение.
Начало в № 10—12 за 1988 год и
№ 1, 3—7 за 1989 год

дивиденды. Разумеется, ему это нравится.

Но игра на выигрыш имеет отличительную особенность: она выключает нравственное чувство. Игрок рассуждает так: что для меня самое главное? Выигрыш; так стоит ли быть переборчивым в средствах? Ведь это же только игра!.. Вот если бы это касалось принципиальных вещей, жизненно важных, тогда имело бы смысл посмотреть — нравственно это или нет; а игра

позволяет маленькие вольности; ну, схитрил, выиграл не совсем чисто — ну и что? Ведь это же только игра...

Не думайте, что Пете приходится часто себя подобным образом обламывать. Впервые это произошло — когда решился на игру; другой раз — когда предстояла игра в особо крупных размерах, и ущерб партнеру был не совместим ни с какими нравственными нормами. А третьего, пожалуй, и не было. Потому что игра на выигрыш не просто доминантна; по самой своей сути она требует подавления нравственного чувства (а поскольку оно у Пети слабенькое, это происходит как бы само по себе).

Итак, он хитрит, обыгрывает всех подряд: учителей, родителей, друзей, посторонних. Первые острые ощущения быстро притупляются. Чем же поддерживать интерес? — Новизной. — А за счет чего? — Есть два пути: повышение изощренности и повышение ставок. То есть с каждым разом Петя становится все более умелым и все более дерзким игроком, и это происходит до тех пор, пока он не исчерпает возможности своего — к счастью, ограниченного — энергетического потенциала. Пока синусоида его энергетического потенциала не достигнет своей максимальной амплитуды.

Новизна теперь недоступна — и Пете становится скучно. Скучно играть. Потому что образовалась привычка. Привычка хитрить, привычка любое дело решать окольным путем, привычка вытаскивать каштаны из жара чужими руками, привычка двух маток одновременно сосать...

Привычка убивает игру, вынимая из нее сердце — новизну.

И тут Петя получает неприятный сюрприз: всплывает на поверхность его нравственное чувство.

Пока шла игра, ее доминанта легко оттеснила все прочие нравственные колебания в тень. Теперь вдруг доминанта пропала, а у привычки доминанты нет, она — автомат, не мешает быть самим собой, — и Петя почувствовал себя очень неудобно. С одной стороны, он по привычке любую ситуацию решает

с помощью хитрости (уже только хитрости — игра кончилась), с другой — понимает, что это безразлично. От хитрости положительных эмоций не дожидаясь, она только средство, инструмент, значит — энергетически бесплодна, а нравственные муки (даже если нравственное чувство слабенькое) — сплошной энергетический убыток.

Вот беда! Ведь так недолго растерять все на свете. И оглянуться не успевая, как очутиться на дне...

К счастью, Пете это не грозит. Вспомните, кем он был до роли игрока? Мотыльком, перепархивающим с гармонии на гармонию. От источников отрицательных эмоций он шаркался как от огня. И где эти источники — вне или в нем — не имеет значения. Следовательно, его естественный порыв — задавить создающее дискомфорт нравственное чувство...

Вот вам противоречие: Петя живет нектаром с гармоний, и нравственное чувство гармонично; а он ради собственного спасения поставлен перед необходимостью эту гармонию уничтожить. Сделает ли себя противоестественное.

Неужели это возможно?

Запросто! — скажут самые памятливые из вас. — Ведь для этого есть проверенный способ, безотказный прием: облагораживание зла.

Браво. Если вы это поняли сами, еще до того, как прочли, — получите пять с плюсом: вы уже разбираетесь в механике человеческой души.

5

Как же Петя облагораживает зло?

Для любой деятельности нужен инструмент. Чтобы видеть — нужен глаз; чтоб рубить дрова — нужен топор; чтобы доказать, что «белое — это черное» — нужны отменные эстетические и интеллектуальные чувства. Первое — чтобы уверенно различать, где белое, а где — черное (цинизм — это кровь работы по облагораживанию зла!), второе — чтобы производить саму работу.

Например, Петя по привычке схитрил. Нравственное чувство заикнулось: ай-я-я! Эстетическое чувство отлетело:

прежде в душе было хорошо — теперь стало плохо: разрушена гармония (скажем, гармония общения). Но дискомфорт длится недолго, интеллектуальное чувство уже действует, с помощью послушной логики облагораживает зло. Вот варианты:

1. Обидел? Да нет, вроде бы Марья Ивановна ничего не заметила.

2. Оскорбил? Ничего; я маленький, она мне простит; и не такое переживала.

3. Унизила? Да ничего подобного! — поставил на место. В следующий раз будет знать, с кем имеет дело.

Что при этом происходит?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, что такое душа. Это целостность, возникающая от слияния памяти, совести и мысли. Как сосуществуют, как взаимодействуют души Марьи Ивановны и Пети? У них общая память (в границах их общей деятельности — учебы) и общая мысль (как порождение общей деятельности). Общие — значит, слянные, бесконтактные. Следовательно, контакт душ происходит только на почве третьей компоненты — совести. Если они равнодушны друг к другу, то контакт один — фиксирующий: «он есть» (при этом чувство отсутствует, поэтому нет и эмоций; контакт информативный — и только). Если же их отношения расцвечены чувствами (безразлично — положительными или отрицательными), то контактов может быть сколь угодно много.

Что же происходит, когда Петя — облагораживая зло — подавляет свое нравственное чувство?

Он разрывает свой контакт с Марьей Ивановной.

Если контакт был один, между ними сразу развернется пропасть. Если контактов было несколько — пропасть развернется через неделю, через месяц — когда Петя порвет последний контакт.

Но ведь так же — подчиняясь силе привычки — он действует и в общении с другими учителями, с родителями, с приятелями; с классом, с обществом. Вы уже поняли, к чему мы ведем? Ведь эти контакты суть наша совесть, и чем меньше их остается, тем совет

становится менее чувствительной... Нет, не так; тем совети становится меньше — вот так будет точно.

Петя знает, что его действия безразличны?

Конечно.

Но нравственное чувство у него слабенькое, а привычка к безразличным действиям (пока — только к хитрости) сильна. И привычка раз за разом — без исключений! — берет верх.

Все вроде бы получается, как он хотел; и успех есть, и самоутверждение победой над другими и над собой, а желанного комфорта нет. Потому что — даже побежденное — нравственное чувство своим коготком нет-нет да и скребанет по живому. Значит, нужно создать такую ситуацию, чтоб нравственное чувство ушло в тень. А это мы уже проходили: нужна доминанта!

Нужна игра.

И Петя — теперь уже сознательно — начинает игру во «все дозволено».

Его новая, рукотворная доминанта сложена из таких элементов:

цель его деятельности — комфорт,
метод — игра,
средство — ложь.

6

Почему хитрости теперь недостаточно? Почему потребовалась ложь?

Хитрость подразумевает, что Петя — непосредственный участник действия, один из двух полюсов системы: он — и жертва. Игра эта явная, все на виду. И вот эта личность, очевидность авторства и является ограничителем Петиних действий. До — можно; до — это шальность, проказа, уловка, пусть не всегда безобидная, но безболезненная для других, но она — в пределах допустимого, в пределах традиции; «так делают все». За ограничитель — нельзя, потому что за ограничителем начинаются действия, которые осуждаются общественным мнением. Переступишь черту — больше потеряешь, чем приобретешь. Значит, пострадает твой собственный территориальный императив, то есть игра окажется проигранной, а вся

Живопись А. Кузнецова. «Индийский танец»

затя — бессмысленной, ведь Петя, как вы помните, хитря — играл на выигрши.

Ложь удобна тем, что она как бы выводит Петю из игры. Петя отказывается от аплодисментов, которые в прежней игре доставались ему, как главному герою, и скромно уходит за кулисы. И оттуда, держа за веревочки, он руководит всеми действующими лицами, которые на сцене исполняют 1) написанную им пьесу, 2) по его же режиссуре и с 3) запланированным им результатом.

Теперь он — демиург.

Его задача осталась прежней, как и в тот далекий теперь день, когда он решился на свою первую хитрость. Эта задача — сохранение территории. Тогда он сделал вид, что отказывается от всех своих прав; он был готов на любое унижение — только бы сохранить свой энергипотенциал. Теперь обстоятельства изменились:

1) он приобрел опыт партизанской борьбы;

2) он научился подавлять в себе нравственное чувство;

3) он стал неформальным лидером.

Именно неформальным! — и на другое он сейчас не согласится. Иначе — зачем были унижения, которые он перенес? Зачем была жестокая школа, которую он прошел? Зачем было ломать себя по самому больному и приучать себя к этой боли, притуплять ее привычкой — зачем? Явному лидеру все эти навыки ни к чему. Он все делает сам. Сам создает некий эталон гармонии и тратит свой энергипотенциал, чтобы заставить остальных воплощать эту идею. Ему не нужен Петин горький опыт!..

Но если этот опыт есть, отказаться от него — просто глупо. Пете это и в голову не придет. Он знает цену своим козырям — и играет ими. Только ими! — потому что таких нет больше ни у кого вокруг.

План его простой: вместо того, чтобы собственными руками уничтожить тех, кто находится в пределах его территориального императива, нужно их свести, столкнуть лбами, заставить передрасться, и когда они ослабеют, окажется, что он, наблюдавший драку со стороны, теперь самый сильный на этой территории.

Этот Яго знает, что наем сильнее утверждения, что любая реальная (сколь угодно безвинная!) деталь выдержит самый чудовищный груз интерпретаций; что перед тщеславным нужно хвалить его соперника, что гордцу нужно сочувствовать по поводу надуманного оскорбления, что упрямца нужно поддержать в его верности себе, что самолюбивого нужно соблазнить погоней за миражем, погоней, в которой он спорит без всякого смысла... Наконец, в его арсенале есть слухи, сплетни, подметные письма, анонимки...

Вам это кажется чудовищ-

ным, не так ли? Вы думаете: зачем? Зачем ему все это — вся эта грязь?..

Жаль, что вы не пытаетесь вжиться в ситуацию и осмыслить ее, поддаваясь вместо этого эмоциям.

А ведь несколькими абзацами раньше мы дали ясный ответ: ему нужен комфорт; на территории, которую Петя считает своей, он хочет быть единственным хозяином и жить с удовольствием. И разве его вина, что этой цели можно добиться единственным способом — натравив друг на дружку всех этих собак, чтоб они перегрызли друг другу глотки?..

Поймите! — был бы у него энергопотенциал примитивного типа, Петя затаился бы в раковине — поди същи его. Его не тронь — и он не укусит.

И при нынешнем его энергопотенциале — оставайся он обычным потребителем, — от него бы не было окружающим ни малейшего зла.

Но привычка хитрить и на-

копленный опыт игры на выигрыш не могут быть — и не работать. Не могут! Раз оно есть — оно должно действовать. Как человек на уровне чувств, Петя неустанно ищет новизну (в форме гармонии), как человек, привыкший облагораживать зло, он в этой новизне ищет самое чувствительное место (сердце гармонии) — и поражает его, получая от этого положительные эмоции.

Петя начинает с малого. Получается. С одним получается, с другим... Петя находит цели безошибочно: ведь он прописан на уровне чувств, гармонию он даже под землей почувет; даже в раковинах своих приятелей, давным-давно обжившихся на уровне эмоций, он находит гармоничные структуры. А как же! — ведь только благодаря этим следам гармоний эти приятели обладают потенциальной плавучестью. Значит, именно здесь — самое чувствительное место, сюда и

надлежит бить, чтоб раковина — бульк! — надежно и надолго улеглась на дно.

Почему Петя не удовлетворится мелкими пакостями?

Да все потому же! Сущность потребителя не в том, что он потребляет (потребляют все), а в том, что — в отличие от раба

(для которого потребление — ритуал, поэтому, создав нечто, его удовлетворяющее, раб стремится к постоянству, чтобы сегодня потреблять то же самое, что и вчера, и завтра то же, что и сегодня; он не знает скуки! — для него важно, чтобы было надежно и удобно),

и от творца

(для которого потребление — десятое дело; он даже не замечает, когда, как и что потребляет)

потребитель живет самим процессом потребления, следовательно, именно в потреблении проявляется динамика его жизни, значит — потребление

Гармония и энергия

Произведения художника Аббаса Кязимова экспонировались на многих выставках в СССР и других странах, некоторые его работы находятся в музеях и частных коллекциях. Для Аббаса смысл бытия в гармонии. Все люди, считает он, стремятся к гармонии, и художники призваны помогать им в этом. Кязимов пишет свои картины для конкретных людей, как бы посвящает их им. Пластический ключ живописи, ее язык он выбирает в зависимости от задачи, которую нужно решить на холсте. Картины из цикла «Гармония и энергия», представленные в журнале, художник написал для своего сына. Аббас Кязимов убежден, что искусство лечит человека, что произведения искусства — это аккумулятор энергии, что главное в искусстве — гармония и энергия.

Ирина Ивашкина

должно развиваться. Вспомнишь? — ну конечно, новизна! Чтобы не утратить вкус к потреблению (вкус к жизни), потребитель все время должен ощущать новизну. Либо острее, либо ярче, либо больше, что угодно — только другое!

Значит, если Пете удастся погасить все свечки, которые горят в пределах его территориального императива, он, конечно же, получит удовлетворение, но не полное. Просто погасить — мало! Петя должен гасить каждую как-то иначе, с каждой подходить индивидуально — только так его чувство новизны будет удовлетворено полностью, то есть ему мало быть просто лжецом, он должен стать лжецом артистичным. Зачем? — Разумеется, чтобы получить от этого удовольствие.

От малых пакостей он переходит ко все большему и большему. Раскачивает качели. Вот она, игра во «все дозволено!» С каждым днем Петя становится смелее и наглее. При этом — напоминаем — он остается за кулисами. Высовываться у него нет потребности: он знает, что, высунувшись, рискует своим комфортом, — такого он никогда себе не позволит. К тому же он находит особую прелесть быть вершителем чужих судеб, не шевельнув при этом пальцем.

Так все ли дозволено?

Как далеко он может взлететь на своих качелях, не рискуя (а Петя — вроде бы рискуя на каждом шагу — не рискует никогда!), что веревки порвутся?

Ведь где-то же есть ограничитель, предел, за которым Петя бессилен...

Есть.

Этот ограничитель — Петин энергопотенциал. Это он очерчивает предел и Петиних притязаний, и Петиних художеств. Проявляя феноменальную изворотливость в сохранении и упрочении своего энергопотенциала, Петя, к счастью, не способен повысить его настолько, чтоб выскочить на уровень интуиции. Причина вам известна: раз Петя замкнул

на потребление (доминанта!), решение задачи представляется ему недостойным внимания. Пусть их решают другие. Когда же наступит срок собирать плоды — вот тут уж Петя своего не упустит, и приглашать его не придется — сам первым придет.

7

Внимательный читатель, должно быть, заметил, что наш Петя уже доигрался... до очередного кризиса. Внешне у него полный ажур: раскачивается на качельках, страваивает кого хочет, сеет вокруг склоки и несчастья — но нет ему от этого какой радости. Ни от замыслов, ни от режиссуры, ни от исполнения. Скучно ему. Только подумает: вот бы... — и ничего не делает, потому что все дальнейшее заранее известно. А ведь ему нужна новизна. Только новизна: свежатинка! — а се-то и нет...

Скучно, братцы, жить на белом свете.

Не вспомните ли? — кажется, не так давно он уже переживал нечто подобное... Ну конечно же! — это когда хитрость превратилась в привычку — и привычка умертвила доминанту игры на выигрыш. Сходная ситуация и теперь: ограниченный возможностями энергопотенциала, раскачав качельки до предела, Петя перешел на равномерный режим — влево-вправо, влево-вправо, — и хотя работа идет на пределе, отсутствие новизны сперва притупляет ощущения, а потом и закрепляется в привычке лгать. которая умещает игру. Игру во «все дозволено»

Чтобы понять Петини дальнейшие действия, посмотрим, в каком состоянии сейчас его хозяйство.

1. Его первоначальный энергопотенциал сохранился, а может быть, даже и упрочился.

2. Энергопотенциал людей, которые входят в круг его общения, значительно уступает Петининому.

3. Значит, в пределах своего территориального императива Петя сильнее всех.

4. Но сама территория ему пока не принадлежит.

5. Он освоил и полностью перешел на новый для себя способ действий — реактивный. (Сперва действует — потом думает. Как говорила одна наша приятельница: «откуда мне знать, о чем я думаю, пока не скажу».)

6. При этом компас у него сохранился прежний: новизна. Следовательно, его поступки диктуют потребность новизны.

7. Наконец, привычка ко лжи, автоматизм лжи освобождает его от необходимости в сознательном облагораживании зла. Теперь ему не нужно себя убеждать: так надо; теперь ему не нужно отгораживаться от уловок совести пользой дела. Весь этот труд, весь этот промежуточный процесс теперь не нужен, потому что привычка ко лжи убила нравственное чувство.

«Черный человек» выпулсил.

Но прежде чем рассмотреть, как Петя действует в этих обстоятельствах, необходимо разобраться с противоречиями, на которые вы, конечно же, обратили внимание.

Похоже, что их два (они на поверхности).

Первое: энергетически и территориально Петя остался на уровне чувств, по способу же действий (реактивному) он стал человеком на уровне эмоций.

Второе: его интенция (имманентная направленность сознания на свой предмет) осталась прежней — нацеленность на гармонию; но если прежде он гармонию потреблял, чтобы нормально жить (при этом гармонии — отдавая энергию — не истощались: уж таково их свойство, как и у всякой бесконечности),

то теперь — чтобы нормально жить — он гармонию разрушает.

Для тех, кто предадутый текст читал невнимательно, разъясняем: каждый человек — это гармония, и нормальные отношения между людьми — гармоничны. А Петя (в меру своих сил) с помощью лжи эти гармонии разрушал, получая положительные эмоции и как

зритель и как демиург. И чем больше были чужие страдания, тем полнее он ощущал свой успех. Снова и снова повторяем: Петя не видел в этом злодейства, напротив, он ощущал себя десницей божьей, верховным судьей, вершителем справедливости, искателем правды — вот сколь высоко он может вознестись благодаря несложному искусству облагораживания зла.

В чем же второе противоречие?

А в том, что он рубит сук (гармонии), на котором сидит.

И тут наш самый любимый читатель — любимый потому, что уже усвоил наш понятийный аппарат и систему нашего мышления, — опять ловит нас за руку: постойте, дорогие авторы, но ведь из вышесказанного вытекает и третье противоречие (и он уверовал в триаду, и потому искал третье — и нашел):

Петя был и остался потребителем — но ведь потребитель не способен на саморазрушение?!

Как освободиться от трех противоречий сразу?

Ответ простой: найти целостность. Найти такую целостность, чтобы противоречия были в ней скрепами, цементом; чтобы именно благодаря этим противоречиям целостность жила; чтобы ни одно из противоречий нельзя было убрать без того, чтобы не распался этот живой сгусток.

Вот эта целостность: Петя опустился на уровень эмоций (отсюда у него забота о раковине и продиктованный этой заботой реактивный способ действий), но при этом сохранил энергопотенциал и территориальный императив человека на уровне чувств.

То есть, если прежде он хитрил и ага, претендуя на территорию, то теперь он считает, что вся территория находится в его раковине. Это его собственность.

Продолжение следует

ДОСЫА В НОМЕР

В связи с рецензией Б. Акимова и О. Терентьева в № 3 журнала на книгу В. Высоцкого «Избранное», подготовленную к изданию Н. А. Крымовой, В. О. Абдуловым, Г. Д. Антимонию редакцией получено письмо Игоря Константиновича Шевцова.

По этому поводу состоялся разговор, в котором приняли участие сотрудники редакции, авторы рецензии и составители книги.

В рукописях В. С. Высоцкого, которые мы рассмотрели в ходе обсуждения спорных вопросов, разобраться неспециалисту вовсе не так просто, как это утверждают авторы рецензии. И таким образом, поучающе-ироничный тон высказываний Б. Акимова, О. Терентьева следует признать неуместным. В связи с этим как редактор журнала считаю необходимым принести составителям книги Н. А. Крымовой, В. О. Абдулову, Г. Д. Антимонию свои извинения за тон статьи. Журнал не должен становиться ареной споров в том случае, когда на первом плане не поиск истины, а личные притязания, амбиции.

Кроме того, пришло то время, когда филологическая наука не может стоять в стороне от творческих рукописей В. С. Высоцкого. К работе над текстами Владимира Семеновича необходимо привлекать всех, кто занимается изучением его литературного наследия.

Если нам дорого имя В. С. Высоцкого, то все мы должны сделать все, чтобы не нанесли ущерб его памяти. Изучение наследия Высоцкого — это общий труд многих людей, которые обязаны работать сообща, помогая друг другу.

Комиссия по литературному наследию, Государственный культурный центр-музей Высоцкого должны стать объединяющей силой для этой деятельности.

Юрий Ростовцев

Когда погибнет последний житель Москвы?

О вреде, который наносит здоровью человека загрязнение городской среды, мы попросили рассказать доктора медицинских наук, руководителя отдела изучения здоровья населения НИИ общей и коммунальной гигиены имени А. Н. Ситина АМН СССР, профессора Д. К. Соколова.

Мне, как бывшему директору службы здравоохранения Европейского бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), приходится заниматься расчетами, смысла которых, пожалуй, ужаснет непосвященного: мы определили даты, когда умрет последний житель крупных городов, стран, всей планеты, если нынешние закономерности отношений человека с природой не удастся изменить в самом ближайшем будущем, — говорит Дмитрий Константинович. — ВОЗ располагает данными, когда погибнет последний москвич, киевлянин, ленинградец...

— Почему же мы не бьем тревогу?

— Эти проблемы осознаны во всем мире. В большинстве стран приняты специальные постановления, призванные оградить население от негативных факторов урбанизации. К сожалению, у нас в стране такого постановления пока нет. До 1973 года даже в Генеральном плане развития столицы не было раздела, посвященного охране среды, а до 1983-го не оценивались научно те воздействия на здоровье людей, к которым мо-

гут привести сегодняшние градостроительные решения.

Последствия такого пренебрежения к нуждам природы и человека, который, несмотря на все свои достижения, все-таки остался биологическим видом, не замедлили сказаться. Столичная агломерация ныне одна из самых загрязненных в центральном экономическом регионе. Врожденных уродств у москвичей в полтора раза больше, чем в среднем по стране, а продолжительность жизни на 4—6 лет короче, чем у жителей других регионов. Около 700 тысяч человек проживает в районах, где состояние окружающей среды создает прямую угрозу для здоровья. Вот карта Москвы, на которой ярко-красным цветом отмечены наиболее неблагоприятные в экологическом отношении места.

— Как страшно это видеть. Кричим об опасности цветом польхают зоны, примыкающие к кольцевой автодороге, Красногвардейский район, Садовое кольцо...

— О том, что на Садовом когда-то цвели сады, напоминает только название. Теперь здесь автострада, которая пропускает в час «пик» тысячи транспортных средств. Тяжелое положение и на других магистралях...

Автомобильные выбросы, шапкой зависающие над дорогами, составляют большую часть всех загрязнений в городе. Влияние их на человека воистину трагично. Компоненты этих выбросов, угарный и сернистый газ, оказывают отрицательное воздействие на центральную нервную, половую системы, передачу генетической информации. Не случайно у горожан, проживающих вдоль

перегруженных трасс, возрастает число нервно-психических расстройств; здесь чаще, чем в других местах, рождаются дети с массой отступлений от нормы, в том числе умственно неполноценные.

Станет ли транспорт более экологичным? Сколько говорится сейчас о контроле за выхлопными газами, о переходе на менее токсичное газовое топливо! Неужели мы будем дожидаться нового всплеска заболеваемости, который, исходя из проведенных в нашем институте расчетов, не заставит себя ждать, если все останется по-прежнему?

В крупнейших городах Европы ради чистоты воздуха и здоровья людей власти решились на строгие меры, регламентирующие движение личного транспорта: по четным числам разрешен проезд машинам с четными номерами, по нечетным — остальным. Кое-где действуют системы городских зон, попасть в которые можно только путем многочисленных объездов.

Еще большую опасность, чем загрязнение атмосферы, представляет загрязнение водных систем, поскольку самоочищение вод происходит гораздо медленнее. Но как текли, так и текут в Москву-реку, ее притоки и малые реки стоки промышленных предприятий. Большая часть вредных выбросов автомобилей в конечном итоге тоже попадает из воздуха в воду...

Сейчас станциям очистки приходится очищать не нормальную речную воду, а практически сточную. Чтобы довести ее до ГОСТа, в ход идут огромные количества реагентов: хлорной извести, сернистого алюминия. Это, конечно, вынужденные меры. Хлорирование, например, далеко не безвредно, поскольку при этом образуется соляная кислота.

— На фоне многочисленных публикаций о продуктах, перенасыщенных нитратами, о некачественной воде, проблемы, связанные с шумом, кажутся безобидными...

— Отнюдь. Шумовой синдром стал сейчас одной из основных причин неврозов.

Но даже если «потерпевший» явным образом не реагирует на шум, последствия обязательно скажутся. У людей, занятых

умственной работой, дело может дойти до серьезного упадка сил. Существует прямая зависимость между уровнем шума и распространенностью ряда заболеваний нервной системы, органов чувств, сердечно-сосудистой системы и желудочно-кишечного тракта. В 30 случаях из ста именно шум становится причиной преждевременного старения.

А ведь в столице на площади акустического дискомфорта проживает каждый третий житель. Социальный ущерб, причиненный шумом, огромен, и потому разумнее пойти на затраты, которых потребует установка шумозащитных рам, строительство домов с повышенной шумоизоляцией стен, прокладка путей транспорта в тоннелях, чем лечить издерганных шумом жителей. Одним из способов решения проблемы могло бы стать и озеленение городских территорий, поскольку полоса насаждений шириной 10—15 метров снижает уличный шум на 10 децибел, а загрязненность воздуха — на треть.

Конечно, все эти меры окажутся довольно дорогостоящими, однако, по мнению специалистов, они не только окупятся в несколько лет, но и дадут экономическую эффектив-

ность, исчисляемую миллионами рублей.

Нет, не «экономная» экономика нам нужна, — на поверку она оказывается для общества разорительной, — а социальная. Всякий раз мы должны ставить перед собой вопрос: чего хотим добиться — сиюминутных выгод или здорового будущего?

— Дмитрий Константинович, может ли человек хоть как-то себя защитить?

— Конечно, повысить сопротивляемость организма вредным факторам помогает правильный образ жизни. Не спешите иронически улыбаться. Воздействие многих вредных веществ, находящихся в воздухе, воде, пище, значительно усиливается при употреблении алкоголя и курении. Например, содержание свинца в крови возрастает даже при небольшой дозе алкоголя...

Противостоять негативному влиянию среды помогают и регулярные занятия спортом. Но отнестись к ним нужно серьезно. Сколько раз мне приходилось видеть, как люди совершают пробежки вдоль оживленных автомагистралей! Такие тренировки опасны, ведь во время занятий человек вдыхает в три раза больше воздуха со всеми его вредными примесями. Лю-

бителям бега лучше тренироваться в парке или окрестном лесу в утренние часы.

Тому, кто решил всерьез заняться тренировками, нужно знать розу ветров своего района, чтобы иметь представление, куда чаще всего сносятся выбросы предприятий, и соответственно этому выбирать маршруты.

Как вы понимаете, я говорил о мерах «индивидуальной защиты». Глобальных проблем загрязнения среды они, конечно же, решить не могут.

Ныне для всех нас настало время действий. Разговор об охране среды было много, но как только доходит до дела, заниматься им находится не слишком много желающих. А промедление воистину смерти подобно.

Мы оставим в наследство своим детям ядовитые вещества в грунтовой воде, вымирание лесов, беспрецедентное загрязнение почв пестицидами, озоновые дыры над головой. Если мы заслуживаем звания разумного вида, то должны немедленно, сегодня, сейчас изменить стиль жизни, свою привычку брать у природы в долг, не задумываясь о последствиях. Завтра будет поздно.

Беседу вела
Ольга Пляхотникова

АНКЕТА «Ст. М.»

1. Считаете ли Вы проблемы экологии сейчас одними из наиболее важных в стране?

- да
- нет

2. Считаете ли Вы себя экологически грамотным человеком?

- да
- нет

3. Есть ли у Вас в вузе специальные предметы, направленные на экологическое образование?

- да
- нет

4. Считаете ли экологию наукой?

- да
- нет

5. Каким, на Ваш взгляд, должно быть экологическое образование, воспитание в стране?

---

6. Считаете ли, что экологически нормальная обстановка в стране зависит и от Вас?

- да
- нет

7. Есть ли у Вас в вузе дружина охраны природы? Приносит ли ее деятельность ощутимые результаты?

- да
- нет

8. Благополучна ли экологическая ситуация в Вашем городе?

- да
- нет

9. Ощущаете ли неблагоприятные экологической обстановки непосредственно на себе?

- да
- нет

10. Какая деятельность человека в экологическом плане вызывает у Вас наибольшие опасения (в городе, в стране)?

---

11. Где Вы учитесь, работаете?

Редакция будет благодарна, если Вы обобщите свои ответы, а также сообщите о себе более полные сведения.

и сам становился лучше...

Так давайте вернемся к источкам. И вспомним о поэте...

Родился Иннокентий Федорович Анненский в середине прошлого века — 20 августа 1855 года — в Омске. Потом семья вернулась в Петербург. Окончил историко-филологический факультет со званием кандидата по специальности классическая филология и затем преподавал в гимназии древние языки — латинский и греческий. Со временем стал директором гимназии. Умер скоропостижно от паралича сердца 30 ноября 1909 года. Художник А. Я. Головин вспоминал: «Похороны его собрали огромное количество учащейся молодежи, которая искренне любила Анненского».

Можно посетовать на дурную тягу к символическому, но все-таки есть некий смысл в том, что всю свою жизнь поэт Анненский был больше известен как прекрасный учитель.

Ольга Огнева

Иннокентий Анненский

Среди миров

Среди миров, в мерцании
светил
Одной Звезды я повторяю
имя...

Не потому, чтоб я Ее люблю,
А потому, что я томлюсь
с другими.

И если мне в сомненье тяжело,
И у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло.
А потому, что с Ней не надо
света.

Декорация

Это — лунная ночь
невозможного сна,
Так уныла, желта и больна
В облаках театральных луна,

Свет полос запыленно-зеленых
На бумажных колеблется
кленах.

Это — лунная ночь
невозможной мечты...

Но недвижны и странны черты:
— Это маска твоя или ты?

Вот чуть-чуть шевельнулись
ресницы...

Дальше... вырваны дальше
страницы.

Сиреневая мгла

Наша улица снегами залегла,
По снегам бежит сиреневая
мгла.

Мимоходом только глянула
в окно,
И я понял, что люблю ее давно.

Я молил ее, сиреневую мглу:
«Погости-побудь со мной
в моем углу,

Не мою тоску ты давнюю
развей,
Поделись со мной, желанная,
своей!»

Но лишь издали услышал я
в ответ:
«Если любишь, так и сам
отыщешь след.

Где над омутом синее тонкий
лед,
Там часочек погощу я, кончив
лёт,

А у печки-то никто нас
не выдал...
Только те мои, кто волен
и удал».

Две любви

Есть любовь, похожая на дым:
Если тесно ей — она дурманит,
Дай ей волю — и ее не станет...
Быть как дым, — но вечно
молодым.

Есть любовь, похожая на тень:
Днем у ног лежит — тебе
внимает,

Ночью так неслышно
обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь
и день...

Старая шарманка

Небо нас совсем свело с ума:
То огнем, то снегом нас слепило.
И, ощерясь, зверем отступила
За апрель упрямая аста.

Чуть на миг сомлеет
в забытии —
Уж опять на брови шлем
надвинут.
И под наст ушедшие ручки,
Не донев, умолкнули и застынут.

Но забыто прошлое давно,
Шумен сад, а камень бел
и гулок,
И глядит раскрытое окно,
Как трава одела закоулок.

Лишь шарманку старую знобит,
И она в закатном малень мая
Все никак не смеет злых обид,
Цепкий вал кружа и нажимая.

И никак, цепляясь, не поймет
Этот вал, что ни к чему работа,
Что обиды старости растут
На шипах от муки поворота.

Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой
участь,
Разве б петь, кружась, он
перестал
Оттого, что петь нельзя,
не мучась?..

Лунная ночь на исходе зимы

Мы на полустанке,
Мы забыты ночью,
Тихой лунной ночью,
На лесной полянке...
Бред — или воочью
Мы на полустанке
И забыты ночью?
Далеко зашел ты,
Паровик усталый!
Доски бледно-желты,
Серебристо-желты,
И налип на шпалы
Иней мертво-талый.
Уж туда ль зашел ты,
Паровик усталый?
Тишь-то в лунном свете,
Или только греза
Эти тени, эти
Вздохи паровоза
И, осеребрённый
Месяцем жемчужным,
Этот длинный, черный
Сторож станционный
С фонарем ненужным
На тени узорной?
День-день-день — и мимо,
Мимо грезы этой,
Так невозвратимо,
Так непоправимо
До конца не спетой
И звенящей где-то
Еле ощутимо.

Весенний романс

Еще не царствует река,
Но синий лед она уж топил;
Еще не тают облака,
Но снежный кубок солнцем
допил.

Через притворенную дверь
Ты сердце шестестом
тревожишь...
Еще не любишь ты, но верь:
Не полюбит уже не можешь...

Я люблю

Я люблю замирение эхо
После бешеной тройки в лесу,
За сверканьем зазорного смеха
Я истомы люблю полосу.

Зимним утром люблю
        надо мною
Я лиловый разлив полутьмы,
И, где солнце горело весной,
Только розовый отблеск зимы.

Я люблю на бледнеющей шири
В переливах раставший цвет...
Я люблю все, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

Лишь тому, чей покой таим

Лишь тому, чей покой таим,
Сладко дышится...
Полотно над окном моим
Не колышется.

Ты придешь, коль верна мечтам,
Только та ли ты?
Знаю: сад там, сирени там
Солнцем залиты.

Хорошо в голубом огне,
В свежем шелесте;
Только яркой так чужды мне
Чары прелести...

Пчелы в улей там носят мед,
Пьяны гроздами...
Сердце ж только во сне живет
Между звездами...

Миг

Столько хочется сказать,
Столько б сердце услышало,
Но лучам не пронизать
Частых перьев опахала,—

И от листьев точно сеть
На листке толкуются тени...
Всё,— но только не глядеть
В том, упавший на колени.

Чу... над самой головой
Из листьев вспорхнула птица:
Миг ушел — еще живой,
Но ему уж не светиться.

Что счастье?

Что счастье? Чад безумной
        речи?
Одна минута на пути,
Где с поцелуем жадной встречи
Слилось неслышное *прости?*

Или оно в дожде осеннем?
В возврате дня? В смыкании
        вежд?

В благах, которых мы не ценим
За неприглядность их одежда?

Ты говоришь... Вот счастья
        бьется

К цветку прильнувшее крыло,
Но миг — и высь оно взлетает
Невозвратно и светло.

А сердцу, может быть, милей
Высокомерие сознания,
Милее мука, если в ней
Есть тонкий яд воспоминанья.

***

Я думал, что сердце из камня,
Что пусто оно и мертво:
Пусть в сердце огонь языками
Походит — ему ничего.

И точно: мне было не больно,
А больно, так разве чуть-чуть.
И все-таки лучше довольно,
Задуй, пока можно задуть...

На сердце темно, как в могиле,
Я знал, что пожар я уйму...
Ну вот... и огонь потушили,
А я умираю в дыму.

Петербург

Желтый пар петербургской
        зимы,
Желтый снег, облапайший
        плиты...
Я не знаю, где вы и где мы,
Только знаю, что крепко мы
        слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем
        у нас
Только камни да страшные
        были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш
        двуглавый,
В темных лаврах гигант
        на скале,—
Завтра станет ребячьей
        забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес,
        ни святынь,
Ни миражей, ни слез,
        ни улыбки...

Только камни из мерзлых
        пустынь
Да сознание проклятой
        ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравя бесплодных
        хотений.

Последние четыре стихотворения
не были известны при жизни
поэта: нетрудно догадаться,
что могло быть причиной тому.
Но давайте подумаем о другом:
почему поэт вообще не спешил...
А ведь здесь тоже разгадка
его тайны. Потому что все
истинное — негромко. И под-
линная жизнь души человече-
ской, — которая страдает и об-
ретает себя, каждый раз заново
открывая мир, — она неслышна
в будничном шуме. Нужно уметь
прислушаться.

Инокентий Анненский от-
крыл нам поэзию мига, магию
постоянного изменения мира —
и человека: в твоём чувстве мо-
жет быть спрятано несколько
«я», порой совершенно «несог-
ласных». Похожее открытие
уже было сделано: Достоевский
писал, что в прошлом чело-
век был проще, «об одной
идее»... Но это сказано о разу-
ме. А мысль, выраженная сти-
хом, да еще говорящая о потаен-
ном, воспринимается серд-
цем, — а значит, навсегда оста-
ется в сознании.

Да, Анненский завершил це-
лую эпоху в русской поэзии, а
значит — и в познании самого
себя человеком. И открыл но-
вую — тихо так, незаметно от-
крыл, настолько незаметно, что
не все это поняли. Так давайте
прислушаемся к голосу Анны
Ахматовой.

Учитель

Памяти Иннокентия
Анненского

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не
        оставил,
Весь яд впитал, всю эту оудру
        выпил,
И славы ждал, и славы не
        дождался,
Кто был предвестьем,
        предзнаменованием,
Всех пожалел, во всех вдохнул
        томленье —
И задохнулся...

Индеец Кутехин

Рассказ

Перед ноябрьскими Сергею Кутехину приснился сон.

Он был индейцем и скакал в безрадостную глубину равнинного пространства. И не было ни погони, ни перестрелки, только бесконечная, изнуряющая скачка и такая же бесконечная, захолодевшая прямо под сердцем тоска. Расстилаясь по сторонам присыпанные нищенским снежком поля, сбоку осталась свалка металлолома, а в другой стороне чернел облетевший осинник.

Сон не ушел из памяти, и, еще лежа в постели, Сергея усмехнулся — ну какой он к черту индеец, если всю жизнь на тракторе и даже в детстве не садился на лошадь? Но не рассеялся с усмешкой холодок в груди. Только закашлялся Кутехин и, нагнав ногами валенки возле кровати, встал.

— Хреновина какая-то приснилась... — пожаловался он на кухню жене. — Понимаешь, мать, приснилось, будто индеец я... Ну и скачу, значит...

Он потер руками впалую грудь, словно надеясь растереть застоявшийся внутри холодок.

— Да ты что?! — ехидно всплеснула руками жена. — Неужто индейцем стал?! А я вчера думала, в китайское состояние превратишься. Глаза-то налил, что в разные стороны смотрели.

— Ну серьезно тебе говорю... — Кутехин взял со стола заварочный чайник и глотнул прямо из носика холодной заварки. — А вчера чего? Вчера получку давали, так что все законно, мать. Сон просто такой приснился. Скажу, понимаешь, индейцем. И такая тоска, что и сил нет. Неужто, мать, у индейцев одна тоска вместо жизни?

— Дах тебе виднее, раз ты индеец теперь у нас... В Сосновке вон, говорят, мужики нахлебались какой-то гадости, так и почернели все, будто негры.

Не любил Кутехин, когда на жену находило такое... Жалила она, язвила и не могла остановиться...

— Дура ты! — вздохнул он. — Я тебе про сон толкую, а ты пьяницей сосновских прилела. Лучше объясни: к чему такой сон привиделся, да еще перед праздниками?

— А к хотеньеву дню, наверное... — не задерживаясь, ответила жена, и от ее глухоты, от невозможности докричаться со своей тоской до самого родного человека совсем тоскливо сделалось Кутехину.

— К хотеньеву дню, говоришь? — спросил он. — Ну-ну... Может, и правда, к хотеньеву...

Кутехин посмотрел на сковородку, на которой шкворчало сало с поджаренной картошкой, и передунал завтракать.

— Ты куда это, не жравши, пойдешь?! — всполошилась жена, увидев, что муж натягивает пропитанные мазутом ватные штаны.

Но было уже поздно. Теперь уж Кутехин не хотел давать обратный ход.

— На хрена жрать! — зло ответил он. — Индейцам, может, и не положено утром. Привыкать надо!

Ночью прошел снежок... Припорошил грязь на дороге, превратил в сугробчики груды битого кирпича, куски засохшего бетона... Но еще безрадостней сделалась присыпанная снегом земля. Уныло торчали из-под снега сухие стебли травы, палки бурьяна. Выпятился из снежной белизны покосившийся сарай, поленица дров. Тоскливо возвышалась над всем этим хозяйством кривая скворечня, в которой давно, уже которое лето, не селились никакие птицы.

Кутехин плюнул и зашагал в сторону мехдвора.

Никто в предпраздничный день там, конечно, не работал. Механизаторы сидели в сарае мастерской и курили, обдумывая, где бы достать выпивки. Можно было, конечно, сходить к Акуле Степановне, но та драла теперь за самогонку как за настоящую водку, и ходить к ней стало накладно. Тем более что причапал в сарай и старик Летунков...

Летунков ушел с колхоза еще в конце пятидесятых. Ушел он без справки и сейчас неторопливо рассказывал про свою беспаспортную жизнь. Кутехин знал, что Летунков батрачил и в кошаре у казаха-чабана, и на винограднике у старой абхази — изработался совсем и, устаревший, вернулся назад в Забелье. Времена, слава богу, изменились, и Летункову удалось даже выплопотать пенсию, поскольку до своей беспаспортной жизни, до побега из колхоза, успел он на вполне законных основаниях повоевать и даже заслужил на фронте два ордена солдатской Славы. Определили Летункову пенсию — целых двадцать восемь рублей. Деньги, что и говорить, немалые, но к Акуле Степановне не больно с ними сходишь. А выпить Летунков любил... Для этого и терся возле механизаторов. Потому как хотя и очерствели сердца механизаторов в развернувшейся борьбе с алкоголизмом, но окаменеть еще не успели, и нали-

вали они Летункову. Немного наливали, но наливали. Уж очень жалостливо рассказывал дед про свою жизнь.

Сейчас тоже рвал Летунков сердца мужиков. Худой, изработанный, сидел он на старой покрывке и рассказывал о своем первом хозяйне.

— У его сыновья в аспирантурах учились... — слюнявая папироску, говорил Летунков. — Вот и жал он нас. Ему же и взятки давать надо, и сыновьям на жизнь посылать. А сам работать не любил. Только водку с начальством трескал... Вот у него и постигла я свои беспаспортные права. Один раз и сказала поперек. Рассердился, расчиховался, что он важенек велел забить. Ну и началась, конешное дело, наука. Приехали миллионеры якутские, связали меня и давай ногами топтать. А потом свезли на станцию и бросили. Да, ребята... Слава богу, что не знаете вы такой жизни.

— А на хрена тебе, дед, было с колхозу бежать? — плонув, спросил тракторист Петруха. — Жил бы здесь на законном основании.

— Ты, парень, той жизни не нюхал... — вздохнула Летунков. — Тут с голоду тогда народ пух, а на работу хуже чем в немецком концлагере гоняли. Никита Сергеевич тогда коммунизму решил построить. Не, не знаешь ты, парень, этова... — Я не знаю! — возмутился Петруха. — Да я в армии недавно служил. Нас по первому-то году, знаешь, как «деды» мордовали?! Ну и чего? Отпалак свое, а потом сам молодыми командовал. Тебе, дед, тоже надо было терпение проявить.

И хотя Кутехин годами недалеко обогнал Петруху, но рассердился он на эти слова.

— Сагаа ты! — сказал он. — Нашел чего сравнивать: тую жизнь и армию.

И, присев на короточки рядом с Летунковым, нагнулся, чтобы прикурить от его папироски.

— А мне, мужики, сон сегодня, между прочим, приснился... — затянувшись дымом, сказал он. — Да ты что?! — встревоженно удивился Летунков.

— Ну... — кивнул головой Кутехин. — Приснилось, что индеец я. И скачу, значит, хрен знает куда. И так тоскливо, что хоть криком кричи, а не выкричишь.

Он замолчал и сразу почувствовал, что понял его мужики. Молчали все. Сочувственно так молчали... Даже Петруха и тот понял. Ковырял носком сапога грязь и молчал.

— И не проходит тоска-то? — сочувственно спросил Летунков.

— Не... — ответил Кутехин. — Вона тут стоит, как будто лед положили.

И он постучал по груди.

— Тогда выпить надо... — убежденно сказал Летунков. — Тогда тебе, парень, без этого сегодня никак нельзя.

И он сделал попытку привстать, как бы показывая, что с его пенсией к Акуле Степановне не пойдешь, а утягелять собою компанию — не миллионеры тут собрались! — он не собирается.

— Да сиди ты! — остановила его Кутехин. — Я, мужики, начал вчера червонец. Может, еще что добавит, да и расколем Акулу? Чего она, сохать самогонку будет?

Дружно затянувшись табачным дымом, механизаторы зашевелились. Посыпались на ящик смятые трешники и пятаки. Дрожаящими руками Летунков собрал складчину и принялся пересчитать

деньги. Сосредоточенно следили за ним мужики, и тут, в этот волнующий момент вдруг раздался незнакомый голос:

— А-а-а-а! Пельмени разлепить! Дым в трубу!

Удивленно обернулись все. В воротах стоял высокий крепкий парень в джинсах, вправленных в офицерские сапоги.

— Отбой, мужики! — весело повторил парень. — На кой вам черт мелочовка эта? Только мозги запачкаете, и все... А ежели часика два покальваете, я вам ящик выставлю. Видите? — Он вытаскил из кармана бутылку водки и поднял над головой.

Чистый луч солнца сверкнул на бутылке, и она вспыхнула изнутри, как путеводная звезда во мгле этого холодного сарая.

— Ящик? — сглотнул слюну, спросил Петруха.

— Ящик... — усмехнулся парень. — Двадцать бутылок, мужики, ставлю.

Усмешка парня не понравилась Кутехину — какая-то обидная снисходительность была в ней.

— А что делать-то надо? — спросил он.

— Да всего чехуа работы... Три избы из Домухина надо, мужики, сюда перетащить. С вашей техникой часа за два управимся.

Словно холодным ветерком дуяло в раскрытые двери сарая. Даже Петруха и тот отвел глаза от бутылки, узнавая парня.

Приехал этот деятель в Забелье полторы недели назад и сразу оформил в правлении аренду на откорм бычков.

Говорили про него, что в городе он собственный ресторан держит. Да... До сих пор об аренде слышали забельевцы только по телевизору и серьезно не соотносили ее с собой, думали, что арендаторы там, в телевизоре, и будут жить, где много чего живет, к Забелью никакого отношения не имеющего. Но не получилось...

— Чего уж... — узнав о договоре на откорм бычков, сказал тогда Кутехин жене. — Мозга у мужика, конечно, есть.

— Мозга... — накинута на него жена. — Это у нашего председателя мозги не хватает! И дом бесплатно дали, и землю... Теперь лопатой можно гроши грасти...

— А ты председатель нашего не знаешь... — усмехнулся Кутехин. — Он до обеда думает, как бы своих обжать, а после обеда — что самому украть можно.

На этом тогда, в сентябре, разговор и кончился, тем более что новоявленный арендатор исчез, чтобы снова возникнуть в этот предраздничный день в распахнутых воротах сарая, с бутылкой в руке.

— Из Домухина? — растерянно спросил Летунков. — Так ведь там всего три избы. Хоть и не живут в их, а все равно... Кладбище ведь... Дедка мой похоронен...

— При чем тут кладбище? — спокойно ответил парень. — Я не кладбище буду перевозить, а дома. Да вы не думайте, мужики, все на законных основаниях.

Он засунул бутылку в карман и спросил:

— Ну что? Договорились?

— Так чего уж... — как бы нехотя сказал пожилой механизатор Савушкин. — Раз у тебя с председателем договорено все, то чего...

— Договорено! — твердо сказал парень, и глаза его сделались жесткими.

А Кутехина вновь охватило оцепенение. Пока шла торговля, сидел он на корточках и неподвижно смотрел перед собой, мусоля уже потухшую папироску. Не сразу даже сообразил, зачем Летунков протянул ему десятку.

— Чего уж... — отводя глаза, сказал тот. — Раз такое дело, бери назад свою заначку. Может, детям чего на праздник купишь.

И вот погрузились, двинулись по подмерзшей дороге в сторону Домухина. На свежем снежке впереди четко отпечатались следы «Москвича». Как видно, с утра хозяин успел сгонять туда.

Это понравилось Кутехину, и он успокоился, но миновали заросший кустарником выгон, выехали к Домухину, и снова упало сердце. Все домухинские дома были раскатыми, и пространство сделалось чужим, неприютным... Между разбросанных бревен ходили незнакомые мужики.

Давно уже не жили в Домухине, и сам Кутехин знал, что и озолоти его, а не пойдет он сюда жить, но все равно жалко стало. Странное было чувство. Такая вот глупость, и поделаться с собою ничего нельзя...

Впрочем, не легче было и другим мужикам.

Хмуро стояли они в стороне и курили, наблюдая, как грузят незнакомые мужики на машину бревна. Чего и говорить, работать они умели. Мешал, правда, Петруха, но его прогнала, и за руль автопогрузчика сел сам хозяин.

В два часа, конечно, не уложились.

Пришлось сделать вторую ходку, кончили работу уже в сумерках... Но хозяин сверх обещанного ящика добавил еще три «сабониса», и никто не взбунтовался.

А пока загнали машины на мехдвор, уже проступили на небе редкие звездочки... Слышно было в вечерней тишине, как стучат топоры на усадьбе арендатора. Там, задавив звезды на небе, ярко горели прожекторы, и приезжие мужики торопливо складывали похуже на крепость стены будущего телятника.

— Во деловой, а! — сказал Петруха, когда выпили по первой и закурили. — Все Забелье теперь провоняет. И чего только председатель думает?

— А того и думает, что сунули небось... — зло сказал Савушкин и оглянулся вокруг, словно высматривая, с кем бы сегодня подрасть. Взгляд его уперся в старика Летункова. — А ты чего, дед, молчишь?

— Да как ведь Домухино жалко... — ответил старик и виновато шмыгнул носом.

— Вот гадство, а! — Петруха стукнул кулаком по ящику, на котором стояла бутылка. — Ведь знал, гад, когда подъехать к нам. Все высчитал: и что после полочки, и что перед праздником. Задарма, можно сказать, обтяпал дело.

— Дураки мы... — сказал Кутехин. — А на дураках все задарма ездят.

И он потер рукой внапугую грудь, словно хотел растереть скопившийся там холод.

— Ладно, мужики, — вздохнула Савушкин. — Чего уж говорить теперь...

Нагнувшись, он вытащил из ящика непотучую бутылку и зубами содрал с нее пробку.

— Ну что? Домухино помянем, что ли?

— Можно и помянуть... — принимая стакан, сказал Летунков. — Ишь, как повернулось все — своими руками и разорили деревню...

— Не мы ее разорили, дед! — перебил его

Савушкин. — До нас ее в разорение привели. Я же помню, там еще жили старики. Так они просили председателя огороды отдать, а он не хотел, зараза. Вам, говорит, только землю дай, так вы быстро богато жить станете. И слушать никого не будете.

— Да как ведь так... — Летунков посмотрел на свой стакан и вздохнул, собираясь с духом, чтобы выпить его. — А сейчас другая установка. Сейчас наоборот считают...

— А! — очнулся от оцепенения Кутехин. — У нас все делается, чтобы не народу лучше жилось, а чтобы начальству удобнее командовать было. Не... — Он отодвинул свой стакан. — Не буду больше. Не идет сегодня зараза эта.

— Это тебе, Серега, Домухино жалко... — задумчиво сказал Летунков. — У меня самого будто комок в горле...

— А чего ее жалеть-то, прежнюю жизнь? — захохотал совсем уже захмелевший Петруха. — Вы чего, мужики? Чего в нашей жизни хорошего было, чтобы жалеть?

— Хрен его знает чего! — не ему, а самому себе ответил Кутехин. — Вроде и не было ничего хорошего, а все равно жаль.

Он встал.

— Ну, я пойду, мужики, пожалуй...

— Ты, этого... — Савушкин вытащил из ящика две бутылки. — Ты долю-то свою заberi. Зря, что ли, выкалыва?

Кутехин махнул рукой, но отказываться от бутылки не стал. Засунул в карманы и молча направился к распахнутой в звездную ночь воротам сарая.

Возле переулка, в котором находился сельповский магазин, Кутехин остановился. Вспомнил о заначенной десятке и подумал, что, правда, неплохо бы чего-нибудь детшикам к празднику купить.

Но окна сельповского магазина, несмотря на обещанную по радио предпраздничную торговлю, были закрыты ставнями, и Кутехин повернул обратно. Снова его охватило нехорошее оцепенение. Вспомнилось вдруг, как приезжала два года назад родня из города и за выпивкой двоюродный брат начал разоряться про архитектуру, ругаться, что сейчас и не разберешь, куда попал — все везде одинаковое. Хоть на Украине, хоть и в нашей глухомани... И Кутехин тогда почему-то очень сильно обозлился на брата.

— А на фиг нужна эта архитектура? — сказал он. — Ты в магазин к нам зайди и сразу определишь, где находишься.

— При чем тут магазин?! Я про архитектуру, голова садовая, толкую.

— А я про магазин, что ни хрена нет. Одни полки пустые! — упрямо повторил Кутехин.

Братан тогда же после драки и уехал, но Кутехин до сих пор не жалел о ссоре.

Только вот сейчас вспомнил об этом, и еще тяжелее стало.

Ночью Кутехину снова приснился уже знакомый сон. Снова, переполненный жгучей индийской яростью, скакал он сквозь тьму, и в руке его полыхал факел. И все: и топот коней, и рвущийся из десятков глоток крик — сливался в единую, бешено мчащуюся массу...

А Кутехин, вырвавшись вперед, не видел ничего, только цель, только бревенчатую крепостную стену, вставшую впереди. И, осадив у стены коня, размахнулся и швырнул вперед факел.

И, как бывает во сне, пламя факела сразу выросло, разбежалось по стене, залило заревом небо. А вокруг суматошно толкались кони, и Кутехин едва удержался в седле...

Кутехин открыл глаза. Наклонив над ним испуганное лицо, его трясла жена.

— Пожар! — кричала жена. — Вставай, Сережа... Деревня горит...

Кутехин вскочил. Низкие окна были залиты заревом...

В одних подштанниках, только накинув на плечи фуфайку, выскочил Кутехин на крыльцо.

— Чего горит-то?! — крикнул он пробежавшей мимо соседке.

— Да арендатора нашего, говорят, подожгли!

— Кого?! — Кутехин мотнул головой, словно это могло помешать соединению жутки еще не остывшего сна и этой озаренной пожаром действительности. — Нет! Нет! — прошептал он, вспоминая, что не к крепости скакали они, а к похуже на крепость стене телятника.

Опустив голову, Кутехин вернулся в дом.

— Ну что там? — испуганно выглянула из комнаты жена, она успокаивала проснувшихся детей.

— Арендатора подпалили... — Кутехин взял с буфета бутылку, сдернул зубами пробку, но в стакан не налил, позабыл, поставил бутылку на стол.

— Потушат, может... — сказала из комнаты жена.

Кутехин не ответил. Приподняв краешек занавески, выглянул на улицу. Заревом стало еще сильнее, и на снегу в палисаднике косо лежала тень скворечни.

— Не знаю, мать, чего и делать, — сказал он. —

Опять приснилось, что индеец я, ну и вообще...

— Ну, чего ты? — Жена вышла из комнаты и осторожно погладила Кутехина по спине. — Ну и чего, что индеец? Индейцы тоже ведь как-то живут...

После праздников приехала в Забелье милиция, и молодой следователь ходил по домам, пытаясь выявить поджигателей. Подозрение падало на механизаторов, но все они, как выяснилось, во время пожара спали у себя в постелях, и поджигателя так и не нашли, пока не заглянули в покосившуюся избенку, где жил дед Летунков.

В избе было нетоплено, а на оставшей печи, мертвый, лежал и сам хозяин. Милиционеры нашли в избе пустую канистру из-под бензина и решили, что Летунков и совершил поджог. На этом и успокоились, тем более что сам Летунков уже ничего не мог сказать в свое оправдание.

В субботу Кутехин с женой ходили на кладбище хоронить старика. Назад они возвращались вдвоем.

Снежок опять стаял, и грязно серели вокруг раскисшие поля.

Кутехин шел молча.

Только чавкали выдираемые из грязи сапоги.

— А худые, мать, ноябрьские теперь стали... — неожиданно останавливаясь, сказал он.

— Так ведь худые, конечно... — вздохнула жена и тоже остановилась.

Кутехин посмотрел на нее и зашагал дальше по раскисшей дороге. Покорно зашагала за ним и жена.

А серенький, по-прежнему сеяся с неба дождь...

Татьяна Жмайло

Осенняя прогулка

Ногами буду ворошить
Осенних листьев сушь
и прелесть.
И тормошит покой души —
Какая в этом действе прелесть,
Какая в этом действе сушь,
Забота и печаль какая!
Пробуду целый день в лесу,
Своим желаньям потакая.

Ногами буду ворошить
Листву, шагая еле-еле.
И по ладони ворожить
Разлапистой мохнатой ели.
И вспоминать, и вспоминать...
Что было — явь, а что —
приснилось?
И понимать, и понимать
Судьбой дарованную милость.

Пробуду целый день в лесу,
О хлебе позабыв и соли.
В пустынный дом души
раздолье,
Наполнив до краев, внесу.
И сердце придержу рукой,
В содеянное днем вникая.
Какое счастье — непокой!
Безумство сердца — боль
какая...

Олег Томашевский

Она всегда приходит к ноябрю,
когда вся жизнь мне кажется
ничтожной.
И Ей не надо говорить
люблю —
Она не знает, как иначе можно.

Она печальна, как осенний лес.
Мую тоску своею пригодит.
Она не знает, что на свете есть
такая, что меня давно не любит.

Машаллах Мафтун

Весенний дождь

Падай на землю с вершин
Пологом синим, большим,
Бурным потоком спеша
В горную речку!

Благословенье весны,
Ты, что баюкаешь сны,
Вновь в твою честь зажжены
Белые свечки

Юных березок в горах...
Ты, кто ветрами пропах,
Ты, прозвеневший впотьмах
Утра уздечкой!

Видишь, тоскует Земля!
Слышишь — вздыхают поля!
Видишь, рванулись, пыля,
Ветры навстречу!

*Перевод с азербайджанского
Раисы Романовой*

Илья Гребенкин

Млечный Путь

Июньский вечер; в воздухе
прохлада;
Для всех земных трудов настал
отбой.
А Млечный Путь, как загнанное
стадо,
Спешит на свой небесный
водопой.

Шаг, поворот — и дальше снова
прямо.
Рожки призывно в даль веков
зовут.
Стучат копыта — и шагают
ламы,
Которые нас всех переживут...

Вадим Курлат

***
Я бы написал о мраморных
плитах,
где не видно собственного лица,
я бы написал о бегущих
планетах,
но не хватит тетрадного листа.

Я бы подарил тебе охалку ветра,
и шорох дождя, и гром у реки,
я бы подарил тебе надежду
и веру,
но у меня всего лишь две руки.

Я бы сказал тебе о том, что
не поздно,
только на небо больно смотреть.
Я бы спел тебе добрую песню,
только совсем не умею петь.

Наталья Вареник

***
«Трудно быть молодым» — из
расхожих

Эта фраза, как символ беды.
Только речь о какой молодежи?
И какие-такие труды?
«Трудно быть молодым...» —

как знакома
Эта фраза! За ней узнаю
Тех, кто родом из детского
дома,

Кто с семнадцати кормит
семью,
Кто прошелся по краешку
смерти,
Чьи в афганской могиле
друзья...

А про все остальное —
не смейте!
Про другое с надрывом —
нельзя!

Кто-то губы искривит
надменно,
Не понравятся строки ему.
Трудно быть молодым — это
верно.
Но давай разберемся — кому?!

Валерий Латынин

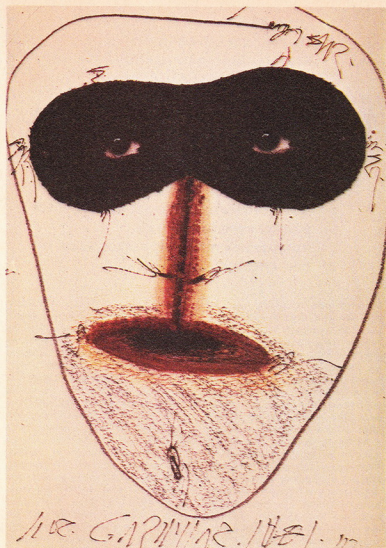
***
Суглинки вокруг, краснозем.
Известно, что взятки с них
гладки.
А мы их Россией зовем
И любим всю жизнь
без оглядки.

Вот эти поля и холмы,
Леса, что спревают бесхозно,
Деревни, что бросили мы,
Чтоб петь о них с жалостью
поздней.

Спешит транссибирский
экспресс.
Рвяют законные дали.
Туристский пустой интерес
И тот загорчит от печали.

Сто верст отъезжай от Москвы
И станешь участником тризны...
О, как же вития правы —
Мы сами же губим Отчизну!

Красиво ее нарекли,
Да долг позабыли свой быстро:
Все меньше сынов у земли,
Все больше в России туристов.

ОРИЕНТИР

Жестокий роман

Gian Carlo Spallanzani
 («IDIOTA») (Mondadori Editore)

Итак, в Италии есть молодой писатель, какого нам не хватало, — заговоривший полным голосом. А я опасался, что молодые заразят пессимизм знатоков, утверждающих, будто вся литература давно написана, и нам остается подбирать со стола бывших мастеров объедки, именуемые мифами или же архетипами. Эти апостолы литературного оскудения (мол, ничего уже нового под солнцем)

свою веру проповедают не с отчаянием, но так, словно картина пустых до окончания века столетий, тщетно зысующих Искусства, доставляет им непонятное удовольствие. Они вменяют в вину современному миру его технический взлет и предрекают самое худшее с тем же злорадством, с каким старые тетушки ожидают крушения брака, легкомысленно заключаемого по любви. Вот почему у нас есть шлифовщики и ювелиры (ибо родословная Итало Кальвино восходит не к Микеланджело, но к Бенвенуто

Челлини), а также натуралисты, которые, устыдившись собственного натурализма, дают понять, что пишут совсем не так, как могли бы (Альберто Моравиа), — и ни одного настоящего смельчака. Да и откуда им взяться там, где каждый может прикинуться лихим удалцом, обзаведясь разбойничьей бороდიцей.

Джан Карло Спалланцани дерзок до наглости. Прорицания знатоков он как будто принимает всерьез, чтобы затем показать им кукиш. Ибо его «Идиот» не одним лишь названием напоминает роман Достоевского: сходство гораздо глубже. Не знаю, кому как, но мне легче писать о книге, если я вижу лицо автора. Спалланцани на снимке несимпатичен: молодосос с низким лбом, опухшими веками, маденькими, черными, злыми глазками, а точеный подбородок вызывает чувство тревоги. *Enfant terrible*¹. Хитрющий негодяй и садист? Правдолюб в обличье невиннейшего младенца? Не могу подобрать подходящего определения, но остаюсь под впечатлением первого чтения «Идиота»: такое коварство само по себе становится делом искусства. Неужели он писал под псевдонимом? Ведь великий, исторический Спалланцани был вивисектором, а наш тридцатилетний прозаик идет по его следам. Трудно поверить, что совпадение их имен совершенно случайно. Молодой писатель — нахал; своего «Идиота» он снабдил предисловием, где с показной искренностью объясняет причины отказа от первоначального своего намерения — написать еще раз «Преступление и наказание» в виде истории («Соня»), рассказанной дочерью Мармеладова.

И с апломбом, не лишенным известной граници, он сообщает, что не сделал этого лишь потому, что опасался развенчать оригинал! Иначе (говорит он) ему пришлось бы, пусть мимо воли, пошатнуть монумент, который воздвиг Достоевский своей непорочной проститутке. Будучи «третьим лицом», Соня в «Преступлении

¹ Буки.: «ужасный ребенок» (фр.); человек, смущающий окружающих своим поведением, своей бесцеремонной непосредственностью.

и наказания» появляется от случая к случаю; в качестве «первого лица» мы видели бы ее постоянно, в том числе во время ее профессиональных занятий, которые разрезают душу, как никакие другие. Аксиома ее духовной девственности, незапятнанной опытом падшего тела, понесла бы немалый ущерб. Оправдавшись столь хитроумным способом, автор, однако, совершенно умалчивает о главном — то есть об «Идиоте». И это уже коварство; он добился, чего хотел, указал своего адресата, но ни словом не упомянул о настоятельной необходимости, заставившей его обратиться к этой теме — после Достоевского!

История — вполне реалистическая, жизненная — поначалу, казалось бы, разворачивается в сферах далеко не возвышенных. В самой обычной, среднего достатка семье, у заурядных, благополучных супругов — достопочтенных, но не хватающих звезд с неба, растет умственно отсталый ребенок. Как и любой ребенок, он обещал очень много; первые его слова, первые фразы, удивительно свежие в своей непосредственности (побочный результат освоения речи), свято хранятся в сокровищнице родительских воспоминаний. Милые младенческие наивности, обретенные нынешним ужасом, — таково расстояние между тем, что могло быть, и тем, что стало.

Ребенок растет идиотом. Жизнь рядом с ним, уход за ним — сплошное мучение, особенно жестокое как раз потому, что основано на любви. Отец старше матери почти двадцатью годами; иные семьи в подобных случаях пробуют еще раз, здесь что-то мешает, физиология или психология, неизвестно. Но все же скорее всего любовь. В нормальных условиях она никогда бы не выросла до таких размеров. Как раз благодаря своему кретинизму ребенок одаряет родителей гением. Он совершенствует их в степени, соответствующей его духовной ущербности. Это могло бы стать идеей романа, его ведущим мотивом, но оказывается лишь предпосылкой.

В контактах с окружающими (родственниками, врачами, юристами) отец и мать — обыкновенные люди, глубоко

итрующий негодяй и садист? Правдолюб в обличе невиннейшего младенца? Не могу подобрать подходящего определения, но остаюсь под впечатлением первого чтения «Идиота»: такое коварство само по себе становится делом искусства. Неужели он писал под псевдонимом? Ведь великий, исторический Спалланцани был вивисектором, а наш тридцатилетний прозаик идет по его следам.

озабоченные, конечно, но без аффектации, ведь все это началось не вчера; чтобы взять себя в руки, времени было достаточно! Эра отчаяния, надежды, поездок по разным столицам к светилам медицинской науки — давно миновала. Им уже ясно: надежды нет никакой. Они не питают ни малейших иллюзий. Визиты к врачу, к адвокату должны обеспечить идиоту в меру достойный, в меру терпимый модус вивенди, когда уже некому будет о нем позаботиться. Нужно найти душеприказчика, уберечь состояние; все это делается не спеша, зато серьезно, толково и осмысленно. Скучно и обстоятельно — что может быть естественнее? Но когда они приходят домой, когда они остаются втроем, все меняется, словно по волшебству. Я бы сказала: словно актеры выходят на сцену. Хорошо, но где она, эта сцена? Об этом речь впереди. Никогда не сговариваясь, не обменявшись ни словом (что было бы психологически невозможно), родители постепенно создали систему таких толкований поступков идиота, которая позволяет считать их разумными — во всякое время и в каждой детали.

Зародыш подобного поведения Спалланцани нашел в норме. Умняясь выходящему из грудного возраста младенцу, взрослому, как известно, толкует его слова и реакции на вырост: в случайном повторении звуков находят смысл, в неотчетливом лепете — сообразитель-

ность и даже юмор; непроницаемость младенческой психики представляет огромную свободу наблюдателям, в особенности ослепленным любовью. Именно так, наверное, и началось когда-то истокование поведения идиота. Должно быть, родители соревновались между собой в обнаружении доказательств того, что ребенок говорит все лучше, все отчетливее, и сам он становится все лучше, добрее и ласковее. Я говорю «ребенок»; но когда начинается действие, это уже четырнадцатилетний подросток. Насколько же искусную систему интерпретации нужно создать, к каким приемам и способам перетолкования — прямо-таки до смешного безумным — нужно прибегнуть для спасения фикции, которую действительность так безжалостно отрицает! И что же? Все это возможно — как раз в этих усилиях и состоит жертва родителей, возлагаемая на алтарь идиота.

Изоляция должна быть полной: мир ему ничего не даст, ничем не поможет, а следовательно, не нужен ему; да, да, мир — ему, а не он — миру. Истокование его поведения должно быть удаком лишь посвященных, то есть отца с матерью; тем самым все можно переиначить. Мы не узнаем, убила идиот или только добилась больную бабу; улик, однако, накапливается немало: бабка в него не верила (то есть в ту его версию, которая была обязательной для родителей, — впрочем, остается неясным, в

какой степени мог идить осознать это «неверие»); она страдала от астмы; ее придыхания и стоны проникали даже через обитую войлоком дверь; когда приступы обострялись, он не мог спать; они доводили его до бешенства; его нашли безмятежно спящим в спальне умершей, под кроватью, на которой уже остывал ее труп.

Прежде чем заняться собственной матерью, отец перенес его в детскую; подозревал ли он что-нибудь? Этого мы не узнаем. Родители ни разу не коснутся запретной темы: есть вещи, которые они делают, не называя их, словно поняв, что любая импровизация имеет свои границы; и когда уже нельзя избежать «этих дел», они начинают петь. Они выполняют все, что должно быть выполнено, но при этом ведут себя как папачка с маменькой, напевавшие колыбельную (если дело происходит вечером) или старые песни своего детства (если вмешательство необходимо днем). Пение оказалось лучшим выключателем интеллекта, чем молчание. Мы слышим его в самом начале романа, точнее, слышит прислуга, садовник; «грустная песенка», замечает он, и только гораздо позже мы начинаем догадываться, каким кошмарным поступком, должно быть, служила она аккомпанементом: это было в то самое утро, когда нашли труп. Что за адская утонченность чувств!

Идиот ведет себя ужасающе — с изобретательностью, свойственной нередко крайнему отупению, которое способно хитрить; но это лишь подстегивает родителей: ведь они должны оказаться на высоте любого задания. Иногда их слова точно соответствуют их поступкам, но это редкость; самые поразительные эффекты возникают, когда делают они одно, а говорят — другое. Выпады кретиноидной изобретательности неумоимо парирует другая — самоотверженная, любовная, преданная, и только лежащая между ними пропасть обращает жертвенность опекунов в кошмар. Но родители этого, наверное, уже не видят: ведь так продолжалось годы! Перед лицом очередной неожиданности (эвфемизм: идидот заставит их все испы-

тать) сначала нас вместе с ними словно поражает ударом молнии; какую-то долю секунды мы ощущаем парализующий страх, что это врежетесь сокрушит не только сиюминутное равновесие, но опрокинет все здание, заботливо возводимое месяц за месяцем, год за годом.

Ничуть не бывало: после первого — часто произвольно — обмена взглядами, после двух-трех лаконичных реплик в тоне самого обычного разговора родители взваливают на себя и этот крест, прилаживают его к своей системе интерпретаций; мрачный комизм и неожиданная высота духа проявляются в этих сценах — разумеется, благодаря их психологической достоверности. Слова, которые подбирают родители, когда уже нельзя наконец не надеть «рубашечку!» Когда неизвестно, что делать с бритвой; или когда мать, выскочив из-под душа, баррикадируется в ванной комнате, а потом, устроив в доме короткое замыкание, на ошупь, в кромешной тьме разбирает баррикаду из мебели, которая противоречит канонической версии ребенка и потому опаснее, чем авария электросети. В залитой водой прихожей, завернувшись в толстый ковер — из-за бритвы, конечно, — она ожидает прихода отца; до чего же грубо, коряво и даже хуже — неправдоподобно все это выглядит вне контекста, в беглом моем пересказе! Родители в глубине души осознают, что подобные происшествия, как бы ни истолковывать их, нельзя привести к норме, и потому шаг за шагом, сами не ведая, как и когда, переступили границу нормы и забрели в область, недоступную обыкновенным служащим и домашним хозяйкам. Не в область безумия, вовсе нет: неправда, будто каждый может свихнуться. Но каждый может уверовать. Чтобы не стать обесславленной семьей, им пришлось превратиться в святое семейство.

Слово это в книге не произносится; идидот, по вере своих родителей (ибо так это надо назвать), не является ни богом, ни божеством; он только иной, чем все остальные; он сам по себе, он не похож на любого другого ребенка, любого другого подростка, и в

этой своей непохожести он — их любимый и их единственный, бесповоротно. Не может быть? Тогда прочтите «Идиота» сами, и вы увидите, что вера не сводится к метафизической склонности разума. Ситуация всеми своими корнями настолько вросла в кошмар, что только нелепица веры может спасти ее от проклятия, то есть от психопатологических этикеток. Если святых психиатры принимали за паранормов, то, собственно, почему невозможно обратное? Идиот? Это слово встречается в книге, но лишь тогда, когда родители имеют дело с другими. Они говорят о ребенке языком этих других — врачей, адвокатов, родственников, но про себя они знают лучше; итак, другие они глуп, потому что их вере чуждо миссионерство, а значит, и агрессивность, которая домогалась бы обращения неверных. Впрочем, родители слишком трезвы, чтобы хоть на минуту поверить в возможность подобного обращения, и они о нем не забываются: ведь спасти надлежит не весь мир, а только три существа. Пока они живы — живет их общая церковь. Не о стыде, не о престиже, не о безумии стареющей пары (*folie en deux*¹) идет речь; нет, это всего лишь земной, минутный, совершающийся в доме с центральным отоплением триумф любви, девиз которой: «*credo, quia absurdum est*»². Если это безумие, то не больше, чем любая вера.

Спалланцани все время ступает по натянутой проволоке, ведь опасней всего для романа было бы превратиться в рикатуру святого семейства. Отец немолод? Значит, Иосиф. Мать на столько-то лет моложе? Мария. А тогда ребенок... Так вот, если бы Достоевский не написал «Идиота», я думаю, эта ассоциация вообще не появилась бы или была бы настолько неотчетлива, что почти незамечна. Если можно так выразиться, Спалланцани ничего абсолютного не имеет против Евангелия; он вовсе не хочет затрагивать святое семейство; если

¹ Безумие вдвоем (*фр.*).

² «Верую, ибо это нелепо» (*лат.*) — изречение, приписываемое раннехристианскому богослову Тертуллиану.

же, несмотря ни на что, возникает (чего нельзя избежать совершенно) именно такой смысловой рикошет, «вину» за это несет исключительно Достоевский со своим «Идиотом». Ну да, конечно: вот куда целит взрывчатый заряд романа — в гениального романиста! Князь Мышкин, святой эпилептик, молодой подвижник, непонятый окружением, Иисус со стигматами *grand mal*¹ — вот где точка соприкосновения, связующее звено. Идиот Спалланцани порою напоминает его — перестановкой знаков! Один оказывается бешеным двойником другого, и именно так можно представить себе взросление Мышкина, этого болезненного, бледного мальчика, когда припадку падучей, с их мистическим ореолом и скотскими судорогами, впервые разбирают англоподобный образ подростка. Мальчик оказывается кретинотом? Да, и на каждом шагу; но тушеть его порою граничит со взлетами духа — например, когда, ошалев от музыки Баха, он разбирает пластинку (при этом поранившись) и пробует ее проглотить вместе с собственной кровью. Ведь это же форма — пусть несовершенная — пресуществления! Как видно, что-то баховское дошло до его помраченного разума, коль скоро он попытался сделать Баха частью себя самого — поедая его. Если б родители предоставили все официальному господа богу или же попросту создали эрзац-религию для трех человек, что-нибудь наподобие сек-

¹ Большой судорожный припадок (фр.) — симптом эпилепсии.

ты с дефективным, занявшим место бога, их поражение стало бы очевидным. Но они ни на миг не перестают быть обычными, земными, измученными родителями; они даже не помышляют о чем-либо сакральном, вообще — о чем-либо таком, что не было бы необходимо сейчас, вот в эту минуту. Они, собственно, никакой системы не создавали: та сама, силой вещей сложилась у них и возвестила о себе — помимо их ведома и намерения. Они же никакого благоволения не имели; как были одни, так и остались одни до конца. Итак, земная, и только земная любовь. Мы отвыкли от такого ее могущества в литературе, усвоившей уроки цинизма; после того, как психоаналитические доктрины перебили ее романтический позвоночник, она ослепла к той части человеческого предназначения, которая питала ее и которая создала классику прошлого.

Жестокий роман. Сначала — о безграничном таланте компенсации, а значит, и творчества, которым наделен каждый, каков бы и кто бы он ни был, если судьба подвергнет его попытке подобным заданием. Потом — о формах, в которых существует любовь, лишенная всякой надежды, но не отрешаясь от своего предмета. В этом контексте слова «*credo, quia absurdum...*» звучат как земной эквивалент слов «*finis vitae, sed pop amoris*»¹. Наконец (и это уже антропо-

¹ Жизнь проходит, но не любовь (лат.)

логический эксперимент, а не трагедия несчастных родителей) — о том, как возникает, на микроскопическом уровне, чистая интенциональность называющего сотворения мира. А значит, не просто уход в потустороннее, нет: речь о том, что мир, не изменившийся ни на йоту в своем сколь угодно разительном безобразии и бесславии, можно переинанцировать, то есть о том, что выражается словом «преображение». Мы не могли бы существовать, если бы не умели преобразовать кошмары в подобие райских видений; об этом-то и написан роман. Оказывается, вера в потустороннее вовсе не обязательна — и без нее можно сподобиться благодати (или муки) теодицеи, ибо не в детальном познании обстоятельств, но в их столкновении человек обретает свободу. Если это не истинная свобода (ничего ведь не порабощает сильнее любви!), то никакой иной быть не может. «Идиот» Спалланцани — не бесплоя алеггория христианского мифа, но атеистическая ересь.

Подобно психологу, экспериментирующему на крысах, Спалланцани подверг своих героев испытанию, которое должно было стать проверкой его представлений о человеке. Вместе с тем эта книга — еще и выпад против Достоевского, как если бы тот жил и творил сегодня. Спалланцани написал своего «Идиота», желая доказать Достоевскому, что тот **никудышный** еретик. Не могу утверждать, что покушение оказалось удачным, но цель его мне понятна: речь шла о том, чтобы выйти из заколоченного круга проблем, в который заключил свою и нашу эпоху великий русский. О том, что искусство не может смотреть лишь назад, не может ограничиваться эквилибристикой; необходимо новое зрение, новый взгляд и прежде всего — новая мысль. Не будем к тому же забывать, что перед нами первая книга писателя. Следующего романа Спалланцани я буду ждать, как давно уже ничего не ждал.

Станислав Лем. Из сборника «Абсолютная пустота»

Перевод с польского
Константина Душенко

Жестокий роман. Сначала — о безграничном таланте компенсации, а значит, и творчества, которым наделен каждый, каков бы и кто бы он ни был, — если судьба подвергнет его попытке подобным заданием. Потом — о формах, в которых существует любовь, лишенная всякой надежды, но не отрешаясь от своего предмета.

Иосиф Бродский: я всегда ощущал себя свободным...

Иосиф Бродский живет на одной из удаленных от центра улиц, разыскать которую сложно даже старожилу Нью-Йорка. Недавно отреставрированный дом сохраняет черты первоначальной постройки. Бродский встречает меня у входа. Он в послеобеденном костюме — вельветовые брюки, голубая рубашка, зеленый свитер с V-образным вырезом. Мягкое выражение лица, еще более погруженного в свои мысли, чем на знаменитом портрете, известном мне с пыльной обложки его недавней книги очерков «Less than one». Но я знаю, что эта наиболее емкая, живая и неустрашная интеллигентность не может быть сведена

к одному-единственному образу.

Он торопиво объясняет, что говорит по телефону, и жестом приглашает в комнату, настолько узнаваемую в представлении о работающем художнике, что это уже стало штампом: книги в книжных шкафах, сложенные на полу, убранные в ниши; художественные открытки и открытки с видом знакомых мест; фотографии друзей, родственников, поэтов; письменный стол, заваленный бумагами. Я разглядывала этот беспорядок, расположившись на диване перед низким столиком, где стоял другой телефон, почти пустая бутылка виски и рюмка, служившая пепельницей...

Как поэт, Бродский строгий, можно сказать, неистовый формалист. Он писал, что «звук... это место времени в стихотворении», что поэзия «печально контролирована размером». Он настаивает, чтобы его студенты (он преподает литературу в колледже) знали наизусть порядка 1600—2000 стихотворных строк различных размеров; он полагает, что рифма представляет собой лингвистический источник, демонстрирующий соотношение между несравнимыми предметами. Бродский большую часть своих стихов пишет по-русски, хотя сейчас иногда пытается писать по-английски. Выйдет ли новая книга стихов на английском?

— В феврале, если все будет хорошо. Сборник называется «To Urania».

— Вы довольны им?

— Мне кое-что в нем нравиться. Но у меня нет окончательного отношения к любой моей книге.— Голос Бродского глубокий, приятный, с легким русским акцентом.— С одной стороны, кажется, что это понятная книга, с другой стороны — погрешка.

Последнее слово он произнес таким тоном, что я смогла представить погрешку.

— Ну, я думаю, поэт...— Здесь он делает паузу.— Да,— снова начинает он,— в конце концов, двадцать пять лет работы, видимо, позволяют себя так называть...

Я была удивлена его застенчивостью. Тот факт, что он только что получил самую престижную в мире литературную награду, казалось, не повлиял на его мнение о себе.

— Да, в каком-то смысле,— он добавляет,— поэтический сборник представляет собой противоречивые утверждения. Потому что книга не существует в мыслях поэта. Она существует в мыслях читателя. Это всегда работа в развитии, отбор. Я обычно объясняю моим студентам, что поэт — человек из породы Гераклов. Его подвиги — это его стихи. Вряд ли можно узнать, кто такой Геракл, исходя из одного подвига, или двух, или трех. Геракл — это все двенадцать!

Идея о поэте как Геракле не является чуждой Бродскому. Он пишет о поэзии и о поэтах, особенно о своих великих рус-

ских предшественника — Осипа Мандельштама, Аине Ахматовой и Марине Цветаевой — почти с благоговейным отношением. Он написал, что «поэма — это форма наиболее возможно взаимодействия между этикой и эстетикой» и «песня — это форма лингвистического неповиновения... она ставит под вопрос весь существующий порядок». В эссе об В. Х. Одене Бродский говорит: «Если у поэта и есть какой-либо долг перед обществом, это — хорошо писать. Будучи в меньшинстве, он не имеет другого выбора. Если он не справляется с этой обязанностью, его предадут забвению. Общество, с другой стороны, не несет обязательств перед поэтом.

Представляя большинство, общество думает о себе, как об имеющем право выбора, и может не читать стихи, как бы хорошо они ни были написаны. Отказ от чтения приводит к снижению уровня существования общества до такой степени, что оно легко делается жертвой демагога или тирана. Это присущий обществу эквивалент забвения».

Я заметила, что это заявление кажется мне перифразом выражения Эмерсона: «За коррупцией человека следует коррупция языка».

— Да, я в этом твердо уверен, — говорит он. — Большое число обслуживающей нас техники сокращает наши возможности говорения, сужает языковые возможности. Конечно, легче всего винить телевизор или бульварные газеты, но проблема гораздо глубже и опасней. Нас все больше и больше, и вследствие этого — как бы это выразить? — мы все менее и менее внимательно относимся друг к другу. Таким образом, все чаще мы стараемся идти напрямик или искать... — Общий знаменатель?

— Да, общий знаменатель. Отсюда опасность. — Лицо Бродского просветляется, когда он находит точное слово. Он обладает странным восприятием поэта слов как предметов, как найденных вещей или даров.

— И еще одна вещь не должна быть пропущена, — говорит он. — Политик, для того чтобы убедить народ в том, что он для них хороший, должен снизить свой уровень взглядов, ес-

ли, конечно, у него есть этот уровень взглядов. Он кроит свой словарный запас в расчете на избирателей. И именно с этого начинается лингвистическое преступление. Я думаю, это довольно ужасно. — Здесь Бродский делает паузу, откидывается в кресле. — Я стрелю у вас сигарету?

— Вы пытаетесь бросить? — Да, конечно. — В свои 47 лет он страдает от серьезных сердечных болезней. Я наблюдала за тем, как он восхитительно деликатным способом откусывает зубами фильтр сигареты. Я сказала ему о недавней прочитанной статье, где утверждалось, что причина того, что в настоящее время поэзию читают лишь немногие, состоит в том, что она недостаточно «народная». Делает ли он различие между личной и народной поэзией?

— Нет, — возражает он категорически. — Я думаю, поэзия не нуждается в прилагательных. Поэзия или есть, или ее нет. Не существует народной поэзии, личной поэзии, женской поэзии, черной поэзии... Слушатели поэзии в любом обществе составляют приблизительно один процент населения. Но если учесть количество прочитанных на ночь стихов на территории Соединенных Штатов, можно получить довольно утешительную цифру...

— Какая-нибудь поп-культура интересует вас? Фильмы? Музыка?

— Я не выношу музыки кантри, — выпаливает он. — Фильмы, вообще говоря, я думаю, парахало. Что интересно, так это поэзия, немного фантастика, хотя я ею не очень увлекаюсь. И, честно говоря, я совсем не выношу рок-н-ролл. Это от общедоступности этих вещей. Они практически повсюду. Вещи такого рода действуют мне на нервы.

— Ходите ли вы на балет?

— Я никогда не любил балет... хотя несколько моих друзей — знаменитые танцовщицы. — Он произнес это так сухо, что я засомневалась: или он слишком сдержан в общении, или же изысканно остроумен. Но опять Бродский становится искренним: — То, что мне нравится в этой стране, — это идея индивидуализма. Она

мне очень близка. Но весьма возможно, причина ответа в том, что довольно большой отрезок жизни — около 32 лет — прошел в коммунальной квартире. Я действительно люблю оставаться один. Но за этим есть еще кое-что. — Пока он говорил это, я почувствовала внезапное отдаление между нами, как будто бы он ушел в свое одиночество.

— А живопись? Любите ли вы живопись?

Бродский успокоился: мы затронули интересную тему.

— Я действительно люблю живопись. Очень нравится Фредрик Черч. И Икинс, и, конечно же, Джон Марин. И Хоппер, который мне очень напоминает Роберта Фроста.

— Абстракционисты? Они интересуют вас?

— Поллок! — восклицает Бродский. — Великий герой моей юности. И Ротко, и Аршил Горки. Трудно даже сказать, насколько это мне нравится — так во мне этого много.

Это заявление озадачивает меня. Я громко удивляюсь, откуда он мог так много узнать об американском искусстве, живя в Советском Союзе.

— Вы не понимаете, — говорит он настойчиво, и я представляю, каким он должен быть с ленивыми студентами. — Мы, мой круг, мы были больше американскими, чем, быть может, сами американцами... Когда я говорил об идее индивидуализма, это было то, о чем мы мечтали. И для нас единственным местом, где она воплотилась, были Соединенные Штаты. И мы хотели знать как можно больше, по крайней мере, об искусстве, и мы хотели быть американцами в том смысле, что хотели быть в какой-то степени индивидуальностями.

— Но как это случилось? Было ли это частично из-за того, что Америка и Россия были союзниками во время войны?

— Частично это было из-за послевоенного времени, частично из-за того, что на Америку клязбали, а то, что выставляются в неприглядном виде, — привлекательно...

Последней каплей был Фрост, который открыл мне абсолютно иное понятие о страхе. Ошибочно называть его трагическим поэтом. Он не трагичен, так как трагедия — это всегда «дейст-

ние завершённое», в то время как страх должен иметь дело с опасением. Это замечательная вещь, это абсолютно не по-европейски.

— И отличается от того, что вы видели у Одена?..

— Меня у Одена привлекает независимость. Его способность смотреть на знакомые или незнакомые явления под слегка изменённым углом зрения. То есть смотреть с сомнением даже на то, что уже известно. Чрезвычайно приятный интеллект. Оден намеренно пытается подавить лиризм, лирику. Всякий раз, когда он достигает высот, он отступает в сторону. Это то, что я нахожу особенно воспитательным.

— Под лирикой вы подразумеваете непосредственное отношение к себе — поэту?

— Я считаю нескромным ссылаться на самого себя. Я предпочитаю не говорить «я», не говорить о личности, а просто описать то, что происходит. Не быть восторженным или сентиментальным. Понимаете? Я действительно стараюсь обезличить первое лицо, насколько мне это удастся. Отдельно от всего другого оно поддается описанию.

— И это обеспечивает определенную форму свободы с точки зрения материала?

— Да, конечно. Это то, что является описанием, кроме всего прочего. И вы представляете себе это более отчетливо. Вы не просто сами по себе, а действующее лицо в пейзаже...

В произведениях Бродского абстрактные концепции времени и пространства обладают почти что осязаемой реальностью, а действующее лицо в пейзаже является центральным образом. Я спросила его: когда он пишет, у него чувство как у читателя или как у откликающегося эха. Ему понравился этот вопрос. Думаю, из-за того, что я воспроизвела мысль, придающую его поэтике. Он улыбнулся.

— Нет, это больше напоминает откликающееся эхо. Знаете, как Стравинский ответил на подобный вопрос: «Я пишу для себя и для предполагаемого альтер-эго». Так что, для предполагаемого альтер-эго к предполагаемому эху. — В комнате воцарилось молчание, как будто мы ждали, когда матери-

ализуется альтер-эхо. Бродский добавил: — Это напоминает отправление в воздух сигнала. И если существует принимающая станция, то она воспримет его.

Это побудило меня спросить Бродского, когда он впервые ощутил возможность свободы через язык. Его ответ был неожиданным:

— Я никогда не считал язык путем к свободе. Правда заключается в том, что я никогда не чувствовал себя несвободным. Я всегда ощущал себя совершенно свободным. Я не рассматривал язык как выход моему отсутствию свободы. Я знал, что я был зол, и я знал, что я был сильным. Я знал, что я всегда был упрямым. Я стремился развить в себе что-то, вероятно, очень маленькое, но очень крепкое, пропорциональное огромному давлению извне.

Я думаю, что это чувство человеческого достоинства, чувство значимости. Но написание стихов не было уходом от действительности. Ничего подобного. «Ну, это маленький мир, который я создал, и я свободен». Это означает, что вы пришли к выводу о том, что вы любите определенные слова или определенную тональность. И эта тональность необязательно может быть сердитой. Она может быть элегической, она может быть грустной, или же вы можете просто подражать какому-нибудь из прочитанных вами авторов. Это подобие вектора чьей-либо души. Что-то вроде направления...

Мы молчали. Затем Бродский добавил:

— Я не в состоянии сказать более определенно об этом. Или, возможно, даже не следует. — Он помолчал. — Если я и могу гордиться собой за что-то в русской поэзии, так это за период с 1961 по 1962 год, за одну из моих первых поэм — одну из моих первых хороших поэм. Я думаю — впервые в России за сорок лет или более того я употребил слово «душа».

— Неужели?

— Да. И я продолжаю употреблять его. Если однажды вы это сделаете, пути назад не будет...

Фрагмент интервью Анны Лаутербах из журнала «Vogue». Перевод с английского Татьяны Ведяшкиной

РЕЗОНАНС

Требуются энтузиасты

Этот год, как известно, «пушкинский». Мы, члены Пушкинского общества Киева, считаем, что именно сейчас великий поэт должен прийти в школу.

Мне, наверное, возразят: творчество Пушкина «проходят» на уроках литературы! Но именно «проходят» — в полном отрыве от того, чем жил великий поэт, на каких литературных произведениях воспитывал свой вкус. И поэтому мы хотим создать под эгидой общества нечто вроде Ассоциации друзей школы. В нее войдут (уже есть немало желающих!) артисты, художники, литераторы — все те, кто считает своим долгом помочь школе. Эти люди расскажут ребятам о поэте, прочтут его стихи, — и не на уроке, а, к примеру, вечером, при свечах... Но расскажут не только о Пушкине — прочтут, например, полностью «Илиаду», «Одиссею» — великие книги мировой культуры, которые в то время входили в круг обязательного чтения любого образованного подростка... Заманчиво, не так ли?

Сейчас мы разрабатываем методику таких встреч, подбираем необходимую литературу — словом, идет организационная работа. Но для того чтобы наша идея воплотилась в жизнь, нам нужны энтузиасты — студенты, которые готовы с помощью нашего общества заняться такой работой. Наверняка они смогут предложить еще что-либо интересное...

Со школами, которые готовы на такой эксперимент, уже есть предварительная договоренность. В новом учебном году нас ждут. И мы надеемся, что на наш призыв откликнутся все те, кто хочет попробовать свои силы в новом деле.

Михаил Дорозий,
председатель Пушкинского общества г. Киева

Владимир Альбинин

Месячник

Позволили тут к нам на работу. Спросили: «Как у вас, товарищи, проходит борьба с проституцией?»

Наш кадровик что-то промычал в ответ. А ему в трубку: «Месячник по борьбе с проституцией в разгаре, а от вас ни одного сигнала. Это как прикажете понимать?»

— А так и понимаете! — взял себя в руки наш боевой подполковник в отставке. — Еще работаем!

На утро следующего дня появилось объявление об общем собрании мужского контингента с повесткой дня: «Разное!» Явка, между прочим, обязательна!

Ну, как всегда, все сомнительное взяло на себя профком. В том смысле, что если ничего не получится, то и отвечать будет некому...

— Товарищи! — сказал председатель профкома. — Ни для кого не секрет, что в городе и в нашем тресте завершается месячник по борьбе с проституцией!..

— Вот те на! — удивился кто-то. — Значит, добрались?!

— А что! И правильно! — зашумели сразу несколько голосов. — Говорим одно, думаем другое, делаем вообще непонятно что... А денежки получаем! Надо с этой проституцией кончать!

— Это — раз! — тактично прервал дискуссию председатель. — Во-вторых, общественность ставит вопрос об искоренении женской проституции, так сказать, в корыстных целях...

— Правильно! — снова крикнули с места. — В рабочее время шмутками торгуют, вяжут, по магазинам гоняют... Домой чуть не с мешками продуктов уходят, а зарплата идет!..

Лидер профкома и тут нашелся:

— Это, — говорит, — два. И наконец — третий вопрос: в наше конкретное мнение — есть в

нашем коллективе женщины, торгующие своим телом, порочащие звание матери, дочери, жены, товарища и сослуживца?.. Прошу выступать конкретно...

Повисла тишина, которую в санаториях называют мертвой.

— Петрова жила два года у Адамова... — начал кто-то из проробов. — Но за деньги или так — неизвестно. К тому же, они теперь поженились... Вряд ли проговорятся...

— Надо женщин спросить, они друг про дружку больше скажут, — опять крикнули с места.

— Да вообще все это — чепуха! — вдруг встал главный инженер. — Они сейчас больше нас получают... Любители среди них, может, и есть, но больше из жалости, чем за деньги... Некоторые еще из интереса: им все кажется, что у других мужья лучше. Поэтому я предлагаю прекратить этот дурацкий разговор и — по домам!..

И мы разошлись, пряча глаза... А в конце месяца руководство треста получило нагоняй. Оказывается, в городе был месячник по борьбе с валютной проституцией. А мы, как всегда, ничего не поняли и копались в рублях, когда страна позарез нуждается в валюте!..

Михаил Логвиненко

Инерция

На один сверхсекретный завод пришел сверхсекретный приказ о том, что вся секретность с этого завода снимается и что вместо ракет средней дальности необходимо наладить выпуск стиральных машин повышенной надежности.

Директор экстренно вызвал к себе наиболее проверенных сотрудников и, зачитав приказ, спросил:

— Что бы это могло значить?

Все добросовестно задумались. И тут, как всегда, выр-

чил Иван Кузьмич, старший работник предприятия. Он имел огромный опыт — еще с тридцатых годов — по выявлению скрытого смысла приказов и всяческих постановлений.

— Стиральные машины, — сказал он, — это не иначе как машины, которые должны все стирать... с лица земли! К едрене фене! Суперновейшее оружие! Вот что это такое!

— Ура! — закричали все. А директор прослезился и, обняв Ивана Кузьмича, троекратно поцеловал его в торжественное лицо.

Срочно наверх был послан запрос-уточнение: на какой регион планеты ориентировать новую продукцию? На что последовал раздраженный ответ, — моа, прежде чем думать о выходе за рубеж, надо у себя навести порядок!

На заводе слегка заволновались. Но Иван Кузьмич, ссылаясь на свой жизненный опыт, успокоил:

— И не такое еще бывало!

И закипела работа, полная героизма и других проявлений сознательности трудящихся. Чудо-орудие было создано в рекордно короткий срок. После чего директор сообщил ТУДА о готовности опытного образца «стиральной машины» к испытаниям. ТАМ удивились такой оперативности и послали авторитетную комиссию с проверкой.

Сразу по прибытии комиссию на семи автобусах отвезли на полигон.

— К чему это? — удивилась комиссия. — Какая необходимость стирать на полигоне?!

— Ну что вы! Здесь мы ее только запустим! — объяснил директор. — А стирать она будет в Тихом океане!

После этих слов наступила напряженная тишина.

— Открыть ангар! — раздалась команда. И перед взором ошарашенной комиссии предстал странный агрегат внушительных размеров.

— Что это?! — удивились все.

— А это и есть наша СТИ-

РАЛЬНАЯ МАШИНА! — подмигнул директор. — Высококлассная электроника! Полная автоматика и автономность! Удивительное качество стирания!

— Прекрасно! — обрадовался председатель комиссии. — Вот бы на каждую семью выпустить по такой машине!

— Зачем же на каждую? — растерялся директор. — Если наша машина рассчитана на массовую стирку!

— Хорошо, об этом — потом, — сказал председатель комиссии. — А сейчас давайте начнем испытания!

И директор нажал кнопку...

На следующий день ТАСС сообщил об аномальных явлениях в атмосфере и об исчезновении нескольких островов у берегов Камчатки!

В тот же день дирекция завода в полном составе, по состоянию здоровья, вышла на пенсию.

— Мы переходим на выпуск

детских колясок! — заявил новый директор. — И прошу обратить внимание, что детские коляски — это не бронепоезда! Вам ясно?!

— Ясно, чего уж тут неясного! Едрене фене! — ответил за всех Иван Кузьмич.

И закипела работа, полная самоотверженности и других привычек трудящихся...

Константин Мелихан

Счастье

Жили-были четыре брата. Трое — умных, а четвертый — не дурак. Вот пошли они Счастье искать.

Шли-шли и вдруг видят — яма. А в яме Счастье сидит. — Чего, — спрашивает, — надо, ребята?

Первый брат говорит:

— Хочу все знать!

— Это можно, — говорит Счастье.

И журнальчик ему дает. «Знание — сила».

Второй брат говорит:

— А я самым сильным хочу стать!

— Об чем разговор? — говорит Счастье.

И дает ему гиру. Самую тяжелую.

Третий брат говорит:

— А я хочу быть самым богатым!

— Нет проблем! — говорит Счастье.

И дает ему двести рублей. Мелочью.

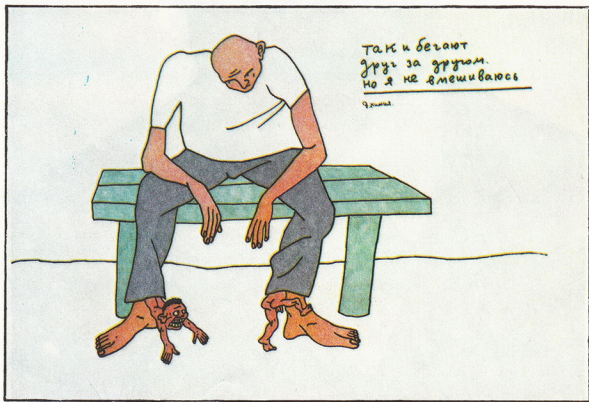
— А тебе чего? — спрашивает оно младшего брата.

— А тебе? — в свою очередь, спрашивает младший.

— А мне бы из ямы этой выбраться.

Ухватил младший брат Счастье, вытянул его из ямы и пошел своей дорогой.

А Счастье за ним побежало...

КАРИКАТУРА

Александр Дзика

СТ.М

представляет: Зигмунд Фрейд

Читайте Зигмунда Фрейда в следующем номере

Фрейд — из подполья

О Фрейте я узнал из Психологического словаря. Когда родители принесли словарь, я начал листать и наткнулся на словечко «либидо». Поскольку ниже строчкой было написано слово «фрейдизм», я посмотрел на «фрейдизм». Прочитав, что это «реакционное» течение Запада, заинтересовался. Естественно, никаких книжек по фрейдизму, а тем более сочинений самого Фрейда я не знал: они были — но не для меня. Однако слово «либидо» заинтересовало.

Либи́до — половой инстинкт, лежащий в основе всех наших влечений. Так утверждает Фрейд. Где-то я прочитал строчку из Мандельштама: «И море, и Гомер, все движется любовью»; где-то услышал об Эросе В. Соловьева, — этого было достаточно. В голове моей сложилась безумная идея. С помощью Фрейда я понял причину войн!

Представьте себе общество, в котором у каждого человека имеется такой особый механизм. Он реагирует на боль, как живой человек: так же корчится, кричит, доставляет также же сладострастное наслаждение. Какое идеальное общество, подумал я. Все чисто, потому что каждый грязен... Но мысль работала дальше. В современной жизни я увидел то, что предполагал только в будущем. Женщина — вот этот «механизм», эта емкость для славя энергии. Связь была еще подсознательная, не до конца понятая. И вдруг... Да если все так, то сексуальный инстинкт, выходящий, движет войнами. Ибо в том, «идеальном» обществе люди, привыкнув к потайному насилию, захотели бы его поповодовать и друг на друге. А мы уже — попробовали! Значит, мы привыкли к насилию, подпольному, охраняемому обществом, узаконенному насилию. Что же такое насилие? Насилие — это секс. Ведь не зря же бог войны Арей был любовником Афродиты. Фрейд заставил совершенно ново увидеть одну из потерянных истин. Инстинкт

продолжения рода движет историей...

«Открытие» потрясло. Проходит месяц, проходит два, и вот — публикация о Фрейте в «Литературке». Небольшое произведение Сартра. Вокруг Фрейда стали накручиваться новые имена. Фрейд «засветился»... Снова полез в словарь — философский теперь. Жадно проглотил все, что там было о венском психоаналитике, и повстречал еще одно мудреное словечко: «экзистенциализм». Посмотрел в том же словаре, что обозначает. И тут наступил решающий момент. Ницше и Достоевский — два столпа экзистенциализма. Ницше я не читал, поскольку нам в школе сказали, что это фашист, а в Достоевского был влюблен без памяти. Достоевский и Фрейд оказались соединены какой-то пока непонятной, но настоящей, нетерпеливо заявляющей о себе связью.

Фрейд — один из тех, кто смело посмотрел в глаза европейской культуре, находясь в самой этой культуре. Двое других были Ницше и Маркс. Вспомните о древнереческом гиганте, мучающемся в Аиде. Он лежит, придавленный горами, его охраняют молнии наказавшего Зевса, и он не имеет права подняться, обнаружить себя. На гиганте стоит божественное клеймо, и лишь изредка вопреки воле Отца он прорывается в виде вулканических извержений. В этом мифе есть огромный смысл. Так же точно живет в глубинах человеческого психики страшный инстинкт разрушения. Европейец причул себя не замечать «гиганта», тщателью утаивать его существование. Но в самом этом положении есть что-то мучительное, живое, неестественное. Время от времени неестественность пытается заявить о себе и делает это в войнах.

И вот в XIX веке как бы из подполья явдается впервые человек и открыто говорит о том, что он там увидел. Опре-

делив культуру Европы как культуру невроза, Фрейд, по сути, сказал все, что можно было сказать. Фрейд — это Достоевский, пересаженный на европейскую почву. Мне кажется, стержневая идея великого русского писателя, утверждавшего, что не может быть счастья в доме, подполье которого залито кровью замученного ребенка, имеет много общего с исследованиями Фрейда. Ведь можно сказать так: ребенок — это и есть инстинкт. Сам по себе инстинкт невинен. Он страшен, только когда сдавлен, «замучен». Инстинкт опасен той ложью, что молчит о нем. Русский писатель сказал Правду. И Фрейд сказал Правду. Так начался синтез культур: русской и западной. С этой точки зрения открываются такие горизонты и вперед, и назад, что голова кружится.

Многое можно объяснить и предсказать, читая Зигмунда Фрейда. Можно понять Ницше с его трагическим: «Мораль безразлична», следовательно, аморальность истинна. Маркс, сардонически усмехавшегося над христианами, которые сравнивают себя с агнцами и выдают с головой овцу, стадную и бессловесную. Объясним небывалый в XX столетии подъем женских движений (феминизм и неофеминизм). Проясняются поистине сексуальные катаклизмы, которыми перенасыщен наш век. Наконец, в ином свете виднись христианское триединство, где Отец — отец, Дух святой — мать, женщина, а Сын — ребенок, раскрепощенный ими инстинкт. Современное уподобление женщин мужчинам и наоборот, их слияние — возможно, признак чего-то большего, что назревает, и когда-нибудь, быть может, очень скоро родится некий Ребенок, некий Бог-сын. Я имею в виду иную культуру, с иными законами, иной нравственностью, другим искусством и способом общаться...

Вообще Фрейд при внимательном прочтении распаивает огромную человеческую перспективу. Поэтому хочется раздвинуть полог шире, загнать дальше.

Феликс Шведовский, студент факультета журналистики МГУ

Прямая речь

Владимир Шахиджанян

Каждому занимающемуся в нашей заочной школе необходимо понять разницу между речью письменной и устной, публичной.

С этой фразы я решил начать наш очередной урок на страницах журнала. Если бы я вел его не в письменной форме, а в устной, то, естественно, с этой фразы начинать было бы нельзя.

Чтобы вам все стало понятнее, представьте себе, что вы меня не читаете, а слушаете. (Даю вам честное слово, что я действительно не пишу этот материал, а наговариваю его на магнитофон, с тем чтобы лучше выполнять правила игры.)

Устная речь отличается от письменной. И каждый выступающий перед публикой, будь то собрание, митинг, небольшая компания или солидная аудитория, если хочет, чтобы его слушали, должен это учитывать.

Сравните первую фразу нашего урока — письменную, с той фразой — устной, — которую вы прочли.

(А может быть, я начал бы иначе. Все ведь зависит от обстоятельств, от настроения, от подготовки, от улавливания ситуации и дыхания зала.) Вполне возможно, что, оглядев зал, я бы произнес: «Наверное, многим известен анекдот...»

Один профессор жалуется другому:

— Ну и группа мне попалась! Раз объясняю теорему — не понимаю, второй раз объясняю — опять не понимают, третий раз объясняю — сам понял! А они — нет...»

Не исключаю, что возникнет смехок и присутствующие в зале сменят недоверие (выступающий — новый человек всегда вызывает недоверие с примесью любопытства) на доброжелательность. Все-таки улыбнулись! Контакт есть.

А может быть, я начал бы иначе.

— Коллеги! (Да-да, я обратился бы именно так, ибо считаю всех студентов своими кол-

легами. Студентов много, ибо тираж у журнала более миллиона. Если каждый журнал читает три человека, то это — три миллиона читающих. О, если бы эти три миллиона стали активными людьми! Если бы эти три миллиона могли стать моими единомышленниками! Если бы я эти три миллиона мог бы убедить в полезности занятий ораторским искусством и пробудить — для начала хотя бы пробудить! — у них желание делать упражнения стопроцентно! — я был бы счастлив! Но даже если один человек из читающих эти строки захочет заниматься, я буду рад. Кто знает, может быть, он станет великим оратором и его послушают миллионы? Выступающего по телевидению слышат сегодня до 280 миллионов. Кто из древних мог бы мечтать о такой аудитории?! Жизнь, как всегда, интереснее любой теории. Соглашусь, показ по телевидению съезда Советов — это лучший из всех знакомых мне учебников по ораторскому искусству, когда-либо изданных, а я просмотрел более 150 монографий, пособий, лекций по интересующей нас теме.

Как увлечь зал? Как бороться, когда тебя не хотят слушать? И как заставить, чтобы тебя слушали? Как овладеть...

(Эти фразы могут прозвучать, но если бы я их писал, то, конечно, отредактировал бы.)

Как отстаивать свою точку зрения и, наконец, как заставить дать тебе слово, право выступить с трибуны?

(Вполне возможно, что я бы сказал: «выступить на трибуне». Менее грамотно, хотя для устной речи простительнее.)

Надеюсь, что все решившие заниматься в нашей школе не просто смотрели эти телевизионные репортажи, но и анализировали манеру лучших ораторов, учились на ошибках слабых. Анализируйте, запоминайте. Но — главное!.. (тут бы я сделал эффектную паузу) — всегда оставайтесь сами собой. Не вздумайте подражать манере других. Знайте: притягатель-

ная сила выдающихся ораторов в том, что они неповторимы. Любое повторение — это плохая копия.

Не исключаю, что на втором съезде Советов среди удачных, а может быть, и блестяще выступающих окажется те, кто сегодня делает первый шаг в приобретении навыков ораторского искусства. Первый шаг... (В устной речи время от времени наиболее значительные слова надо подчеркивать. В тексте мы можем написать их жирным шрифтом, подчеркнуть и т. д. В устной речи подчеркивание делается повышенной, а иногда сознательно пониженной интонацией или прямым повторением самых важных слов. Это повторение происходит как бы в раздумье, слова рождаются сами... Этим приемом пользовался Михаил Ромм в фильме «Обыкновенный фашизм». Этим приемом часто пользовался Федор Достоевский, передавая в тексте прямую речь своих героев, и вы действительно как бы слышали их.)

Впрочем, перейдем непосредственно к занятию.

Возьмите шестой, седьмой, девятый номера нашего журнала и перечитайте еще раз все задания. Уверен, что многие выполняли их не полностью. Разве не так? (Чаще при публичном выступлении пользуетесь вопросительными предложениями: вопрос побуждает к обдумыванию, а это помогает сконцентрировать внимание зала. Вот я задаю вопрос — разве не так? — и каждый должен вспомнить, что выполнил, а что нет, почему? И тут же подготовить свой ответ, объяснить, почему задание выполнено не полностью. А для обдумывания ответа нужно время, это требует сосредоточенности. Возникают микропаузы. И если вы их не передержите: надо научиться точно их ощущать, чувствовать — можно и недодержат, но опасно и передержат, — тут возникает эффект того «чуть-чуть», что делает искусство настоящим искусством. Задали вопрос — пауза — и продолжайте дальше. Смотрите, сколько вопросов интересует людей! Почему мы плохо живем, как преодолеть трудности, как сделать, чтобы тебя понимали, что самое важное в жизни? Секс и любовь — ваше от-

ношение к этой проблеме? Правильно ли я выбрал свое признание? А может быть, я занимаю в жизни чужое место? Ведь номер журнала можно занять только вопросами. Вы согласны?»

Думаю, что это так. Поэтому постарайтесь навестать упущенное.

Особое внимание — дневнику наблюдений (здесь пойдет перечень, конспект, и каждая полуфраза — то, что до запятой, должна произноситься четко, но каждая последующая полуфраза еще четче — движение по нарастающей), рецензированию телепередач, продолжению этюдов на раскрытоении... (Впрочем, на этом я останавлиюсь чуть подробнее. Потрачу минуты две времени, но они мне важны. Я уложу в них пример — доказательство своей мысли, — идею и постараюсь вызвать доверие. Такие задачи я ставлю себе на эти две минуты. Две минуты — это одна машинописная страница. Обязательно, готовясь к выступлению, надо точно знать, что вы собираетесь говорить, зачем вы хотите это сказать, к каким результатам должно это привести — чего вы хотите добиться — и как по линии эмоциональности вы собираетесь это сказать.)

«Подняв худые плечи, по Университетской набережной идет высокий студент. Щеки у него втянуты, из-за короткой верхней губы, едва прикрывающей зубы, рот все время полуоткрыт. Большие глаза смотрят исподобья, но взгляд внимательный и теплый. В нем и любопитство, и мучительная застенчивость. Это Ландау. Да-да, я рассказываю о Ландау, цитируя фрагмент из книги Майи Бессараб «Ландау». Конечно, я не читал бы по книге, а рассказывал бы близко к тексту, делая фразы еще короче, а паузы — неожиданнее. Я как бы вспоминал, будто я сам знаком с этим человеком. Слушателям неважно, был ли я знаком или нет, им в данной ситуации важна информация и эмоциональная убедительность. Здесь необходимо использовать элементы актерского мастерства. — В. Ш.) Он страшно робок, неловок, одет в какой-то серый френч, каких в северной столице никто не носит. А ему

так нравятся сильные, веселые люди, которые непринужденно держатся, в разговоре находчивы, остроумны. Он решил пересилить свою робость, пересилить любыми средствами. Но как это сделать? Для начала можно ставить перед собой небольшие задания и выполнять их. Вот навстречу идет самоуверенный господин, по виду эмпан. Лев внушает себе: надо к нему подойти. Это трудно, невероятно трудно. Но он должен побороть свою застенчивость!

— Нельзя ли попросить вас ответить на один вопрос? — говорит он громко.

Эмпан останавливается. — Почему вы носите бордучу? — все тем же любезным тоном продолжает победивший от напряжения юноша.

На следующий день он задает себе задание потруднее: прогуляться по проспекту Двадцать пятого августа (так в ту пору назывался Невский) с привязанным к шляпе воздушным шариком...»

Переведите в устную речь приведенный отрывок из книги о Ландау. Перескажите этот отрывок своими словами, запишите на магнитофон и прослушайте запись. Попробуйте достать книгу Майи Бессараб «Ландау», выпишите из нее наиболее интересные высказывания Льва Ландау — они пригодятся вам, когда понадобятся вашей речи ссылки на авторитеты.

Мы выполняли упражнение № 9.

А теперь перейдем к упражнению № 10.

Откройте на странице этого журнала третью главу из книги Дейла Карнеги и выполните следующие задания.

1. Прочтите главу пять раз: первый раз — про себя, второй раз — вслух, третий раз — карандашом отмечая паузы, абзацы, четвертый раз прочтите ее вслух, записывая на магнитофон, соблюдая паузы.

Прослушайте свою запись, отмечая недостатки чтения. Перечитайте вслух еще раз и снова прослушайте.

2. Перескажите эту главу, записывая пересказ на магнитофон. Прослушайте запись, сверяя с текстом, что упустили из главного.

3. Видимо, первый пересказ

займет у вас минут пятнадцать. Попробуйте «сжать» его до пяти минут. (Вспомните, как всем на первом съезде Советов не хватало времени — никто не укладывался в регламент. Идеальный оратор тот, кто не только укладывается в регламент, но успевает сказать все на минуту раньше).

4. Расскажите о публикации книги Карнеги в нашем журнале своим знакомым и друзьям. Пересказывая, используйте советы Карнеги относительно обращения к человеку по имени, фиксируя восприятие того человека, которому будете рассказывать.

Вы должны запомнить: ораторское искусство — универсальная дисциплина (да простит мне этот сухой оборот). Психология и актерское мастерство, знание русского языка и работа над дикцией, овладение приемами внушения (любая речь — это внушение, близкое к гипнотическому внушению; к сожалению, многие об этом забывают и, следовательно, не добиваются поставленной цели) и знание логики, интеллигентность, включающая кругозор, образованность, — все это (а я назвал лишь минимум — для максимума нет времени и места) необходимо для того, чтобы овладеть ораторским искусством.

Упражнение № 11

Попробуйте составить речь на одну минуту о пользе подписки на наш журнал (как плохо я сказал — о пользе подписки — просто стыдно!). Произнесите эту речь в кругу своих друзей, знакомых, пришлите нам свой текст.

Вот такую бы речь я произнес на нашем очередном занятии (слово «вот» здесь уместно — кукарекать необязательно), по времени это пятнадцатая минут, если произнести речь вслух. В конце я, конечно, обращаюсь в зал с просьбой задавать вопросы. Надеюсь получить их в письменном виде, и вместе с Галиной Ануфриевой — моей помощницей в нашей школе — мы постараемся ответить на ваши вопросы.

Р. С. Ваше мнение: стоит ли проводить занятия именно в такой форме — в виде стенограммы речи — или все-таки форма статьи вам ближе.

Alma mater

Горский
сельскохозяйственный институт

Секрет молодости

Несмотря на свои 70 лет, он выглядит гораздо моложе. Имеет довольно эффектный и запоминающийся вид. Внешне всегда аккуратен, а современная архитектура корпусов придает институту своеобразие.

И только старинные стены самого первого здания, где сейчас находится агрономический факультет, помнят многие события этих семи десятилетий: надежно хранят историю. Здесь и начинался институт в далеком 1918 году. А в 1922-м, когда под угрозой закрытия находились многие вузы страны, тут с нетерпением ждали вестей из Москвы. Делегация дошла до В. И. Ленина. Он поддержал: будет у горцев свой институт.

И все-таки если бы в то время кто-то сказал, что в институте будет девять факультетов, 42 кафедры, прекрасный Дворец культуры, современные студенческие общежития и база отдыха на Каспийском море, — это посчитали бы фантазией.

Но в том-то и заключается один из «секретов» Горского сельскохозяйственного, что он самые фантастические планы превращает в реальность. Например, совсем недавно возникла проблема с компьютерным обучением студентов. Решить ее удалось далеко не всем вузам. А здесь уже функционирует вычислительный комплекс и дисплейные классы, где можно «поговорить» с ЭВМ на любом алгоритмическом языке.

Другой «секрет» успеха ГСХИ — оперативное внедрение у себя всего самого современного, что касается непосредственно учебного процесса. Тут не стали долго критиковать пассивные формы обучения, а взяли и перешли на интенсивную творческую работу, сократив скучные аудиторные курсы.

Расширились лабораторные практикумы, больше стало деловых игр.

Но, как говорится, не учебной единой жив студент в ГСХИ. У него есть реальный шанс стать не только агрономом, инженером или ветеринаром, но и... артистом вузовского театра, певцом хора, спортсменом, музыкантом... А еще — танцором. Ведь недаром душой всех без исключения праздников является народный ансамбль танца «Горец». Он периодически пополняет музей института своими победными «трофеями»: тут и грамоты, и призы, и дипломы... Есть даже орден Патриотического фронта Лаоса, а также целых две «Золотые Фуяры», которыми ансамбль награждался дважды на Международном фестивале студенческих фольклорных ансамблей вузов Европы и Чехословакии!

В общежитиях вся власть перешла к студентам. Торжествует самоуправление в группах и на факультетах. Студенческий декан — явление обычное. На должность ректора пока должность с их стороны нет. Может быть, потому, что сами студенты утверждают, будто Георгий Сафонкаевич Козаев — свой человек, и вообще с ректором институту повезло. Он сам в этих стенах сдавал зачеты, слушал лекции, волновался перед экзаменами. Отсюда ушел в армию, сюда же и вернулся. Потом — аспирантура, в 33 года — декан на мехфаке, затем — проректор по учебной работе, а с 1983-го — ректор.

— Георгий Сафонкаевич, признайтесь, вы, наверное, еще в студенческие годы мечтали стать ректором или, в крайнем случае, деканом?

— Мысли такой не приходило ни разу. Сразу после распределения я уехал в колхоз работать инженером-механиком.

— Что в институте сейчас составляет предмет вашей гордости?

— Люди! У нас работает сильный для периферийного вуза коллектив преподавателей: доктора наук, профессора, 160 кандидатов наук и доцентов. Во-вторых, мы имеем аудитории и лаборатории с новейшим оборудованием. Ну а проверить теорию студенты всегда могут на практике в учхозе. Это мощное учебно-опытное хозяйство, где есть животноводческие комплексы, пастбища, автопарк, поля, сады и даже песека.

— Ну а какова ближайшая перспектива у Горского сельскохозяйственного?

— Через год собираемся порадовать студентов современным спортивным комплексом. А все, что собирается поступить к нам учиться на зооинженерный факультет, тоже придут в абсолютно новый корпус. Как видите, мы продолжаем «молодеть». Ну и главная наша задача — пассивных школяров превращать в энергичных и грамотных специалистов...

То, что институт со своей главной задачей справляется, подтверждает жизнь. Многие выпускники вуза стали председателями колхозов, директорами совхозов, Героями Социалистического Труда, лауреатами Государственной премии СССР, а также учеными, профессорами...

Но каждое лето вступает в силу основной «секрет молодости» Горского сельскохозяйственного института — сюда приходят поступать совсем юные абитуриенты. И у каждого есть шанс стать студентом — надо только его не упустить.

Ольга Боброва

Адрес Горского сельскохозяйственного института:
362000, г. Орджоникидзе,
ул. Кирова, 37.

Английский — для всех

Ведущая
Наталья Алешкина

Пятый день пребывания советской делегации в Лондоне

PROGRAMME

SATURDAY 9.30 a.m. Depart from hotel by coach to visit grave of Karl Marx at Highgate Cemetery, followed by a sightseeing tour of London, including a visit to the Museum of London.

Afternoon Free

Evening Ballet «Nutcracker»
Covent Garden
Guide: Mr. David Sholl.

Highgate Cemetery

A monument to Karl Marx was erected on the grave in 1956. The money for the monument was sent by the working people from all over the world.

It is a family grave. Some of his close relatives, his wife — Jenny, his grandson — Harry Lonquet and their servant companion Helen Demuth are all buried there.

Возложив венок на могилу Карла Маркса, члены советской делегации направились к автобусу, который ждал их у выхода с кладбища.

После небольшой экскурсии автобус остановился около музея Лондона.

The Museum of London

The collections displayed in the permanent galleries represent over 2000 years of the capital's history. The items are wide-ranging, from paintings and prints to excavated objects, from industrial artifacts to costume; they encompass fine and decorative art as well as items of social history and civic life. The galleries are arranged in chronological order but are maximum flexibility — you can start at the beginning or make straight for the period of history that most fascinates you.

Из предложенных посетителям проспектов Сергей выбрал тот, обложку которого вы видите на этой странице.

Экскурсия закончилась около 1 часа дня. Как только Сергей вернулся в гостиницу, он позвонил Джону.

Telephone Call No.1.

- S. Hello.
A. Hello.
S. Can I speak to John, please?
A. Just a minute... Sorry, he's out at the moment. He'll be back in an hour. Can I take a message for him?
S. Yes, please. Tell him Serge phoned and I'll call again at half past two.
A. OK. I'll give John your message.
S. Thank you. Good-bye.
A. Good-bye.

Сергей поднялся к себе в номер. На столе он увидел письмо. Сергей вскрыл конверт. Он очень удивился, обнаружив в нем два приглашения от Джона на один и тот же вечер.

Mr. J. Brown	
requests the pleasure of the company of	
<u>Mr Lopinov</u>	
at dinner <u>on Saturday, 9 September</u>	
7 p.m.	R.S.V.P. 123, Gloucester place

<p>Dear Serge, Please, come to our party on Sat., 9 September at 7 p.m. I'm looking forward to seeing you again, Sincerely yours, John.</p>

The Lord Mayor's State coach, 1757

Подробно об этих приглашениях Сергей решил расспросить Джона.

Он взял камеру и отправился бродить по Лондону. На одной из улиц его внимание привлекла вывеска «Wimpy» (см. № 3). «Hamburgers», о которых говорил Джон, ему очень понравились.

В 2 часа 30 минут Сергей еще раз позвонил Джону.

Telephone Call No.2.

S. Is that John?

J. Speaking.

S. Hello, John. This is Serge.

J. Hello, Serge. Glad to hear you. Have you received my invitation to the party?

S. Yes, I have. Thank you very much, but there are two of them. Why?

J. You know, one of them is an official invitation and the other one is informal. I think it'll be interesting for you to get an idea of the way we usually invite guests to a party or to a dinner.

S. Yes, it's very interesting. I'll take them with me to Moscow. Are you free this afternoon?

J. No, I'm sorry. I've a lot of work to do. And I've just spoken with Edna. She's very busy too. We can't see you today. What are you going to do?

S. I'm going to walk about London and in the evening we're going to Covent Garden.

J. That's grand. You're lucky. So see you tomorrow at my place.

S. Thank you very much.

J. Don't be late. Some of my friends are coming. They are longing to see you. Good-bye.

S. Good-bye.

На одной из улиц Сергей увидел художника, рисующего на тротуаре.

Can I speak to John, please?

In the street.

- S. It's a nice day today, isn't it?
 A. Yes, indeed.
 S. Excuse me, may I ask you a question? Are you a professional artist?
 A. In a way.
 S. Do you work only on the pavement?
 A. Not only. I've a two-room apartment where I use one room as a studio.
 S. I like your paintings. You work in crayon, don't you?
 A. Yes. Are you an artist too?
 S. No, I'm not. I'm a student from the Soviet Union.
 A. Don't you have pavement artists in Russia?
 S. No, we don't but there's a street in Moscow «Arbat» which is famous for its artists. A lot of professional and amateur artists exhibit their pictures in this street. You can also buy these pictures if you like.
 A. Sorry, what's the name of the street?
 S. «Arbat».
 A. I must remember it. It's my ambition to go to Russia.
 S. Very good. Excuse me, what's the time? I've left my watch at the hotel.
 A. It's a quarter to six.
 S. Thank you. I must hurry up. We're meeting at the entrance of Covent Garden at half past six. Good-bye.
 A. Good-bye.

Осмотревшись, Сергей понял, что заблудился. Он обратился к полицейскому.

Asking the way

- S. Excuse me, can you tell me the way to Covent Garden, please?
 P. Sure. Cross the road, go straight and take the fourth turn on the right.
 S. Is it very far?
 P. It's fifteen minutes walk, but you can get a bus.
 S. Which bus?
 P. Number 14.
 S. Where does it stop?
 P. Over there, near the traffic lights.
 S. Where do I get off?
 P. At the next stop.
 S. Which way do I go then?
 P. The bus stops just opposite Covent Garden.
 S. Thank you very much.
 P. Welcome.

Через 30 минут Сергей был у входа в Covent Garden, где уже собралась группа наших туристов.

Covent Garden

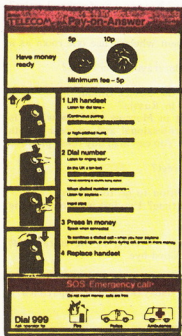
Familiarly known as Covent Garden, the famous Royal Opera House is a home of great plays and actors for more than 200 years. Today it is a leading home of international opera and the ballet. It has 2.300 seats.

Vocabulary

items	— экспонаты
wide-ranging	— самые различные
excavated objects	— предметы, найденные в результате раскопок
industrial artifacts as well as	— орудия труда древнего человека
The galleries are designed for maximum flexibility	— так же как
	— Расположение галерей создает максимальное удобство для посетителей
make straight for the period of history	— начать с того исторического периода, который...
he's out at the moment	— его сейчас нет
Can I take a message for him?	— Ему что-нибудь передать?

Using a public telephone in Britain

request the pleasure of the company of R.S.V.P.— Repondez s'il vous plait (фр. яз.)
to look forward to
sincerely yours

— иметь честь пригласить кого-либо
— пожалуйста, ответьте
— с нетерпением ждать чего-либо
— искренне Ваш... (так обычно заканчивают письма)

to get an idea of the way

— получить представление о том, как

I've a lot of work to do
They are longing to see you

— у меня много работы
— они очень хотят повидаться с вами
— не опаздывайте

Don't be late

In a way
a two-room apartment
crayon
to be famous for smth.

— в какой-то степени
— двухкомнатная квартира
— цветной мелок
— быть известным (славиться) чем-либо

amateur artist
It's my ambition to go to Russia

— художник-любитель
— Моя мечта — поехать в Россию

Can you tell me the way to ...?
go straight and take the fourth
turn on the right
It's about fifteen minutes walk

— Вы не скажете, как пройти... ?
— идите прямо, на четвертом перекрестке поверните направо
— Около пятнадцати минут ходьбы

over there
Where do I get off?

— вон там
— Где мне выходить?

Просим Вас выполнить следующие задания:

1. Ответьте на вопросы: 1. What did the guide tell the Soviet delegation about Karl Marx's grave? 2. What did the guide tell the Soviet delegation about the Museum of London?

II. Прочитайте диалог «Telephone Call No.1».

1. Найдите в тексте английские эквиваленты следующих выражений:

а) одну минутку, б) его нет дома, в) он вернется через час, г) ему что-нибудь передать, д) я передам это Джону.

2. Прочитайте диалог еще раз и воспроизведите его.

III. Вместе с вашим другом прочитайте диалог «Telephone Call No.2».

Передайте журнал вашему другу. Он будет читать по журналу реплики от имени Сергея, а вы, не заглядывая в журнал, выступите в роли Джона. **Напоминаем!!!** Ошибетесь — не беда. Лучше говорить с ошибками, чем не говорить совсем. Если возникнут трудности, просмотрите еще раз № 9, 12 (1988 г.), № 1 (1989 г.).

Поменяйтесь ролями.

Закройте журнал и воспроизведите диалог.

IV. Представьте, что Джон был свободен в тот день и хотел увидеть Сергея.

Какие реплики вы употребили бы в диалоге?

S. Hello, John.

J.

S. Are you busy this afternoon?

J. No. What about you?

S.

J. Where would you like to go?

S.

J. What about going to Hyde Park. I'll take you to the Speakers' Corner.

S.

J. So, I'll be outside the hotel at 3 o'clock. Good-bye.

S.

V. Прочитайте приглашения, которые Сергей получил от Джона. Представьте, что Эдна и Джон приехали в ваш город. Вы хотите пригласить их к себе в гости на обед. Им будет приятно получить от вас приглашения в традиционной для них форме. Заготовьте их заранее.

VI. 1. Прочитайте диалог «In the streets». Обращаем ваше внимание на первую реплику: It's a nice day today, isn't it?

Разговор о погоде — традиционная форма начала разговора между незнакомыми людьми в Англии. Очень часто вы можете услышать такие реплики, как: Lovely day, isn't it? It's a fine day, isn't it? Nice weather we are having today. It's not a very good day today, is it?

2. Прочитайте еще раз диалог «In the Streets».

Как вы скажете по-английски:

1. Вы профессиональный художник? 2. У меня двухкомнатная квартира. 3. Одна комната служит мастерской. 4. Эта улица славится художниками. 5. Моя мечта — поехать в... 6. Мне нужно поторопиться. 7. Встречаемся у входа в 8.15.

Ключи вам не понадобятся (см. диалог «In the Street»).

3. Воспроизведите с вашим собеседником диалог «In the Streets». Работайте так, как мы рекомендовали в задании III.

4. Если бы вы были в тот день в Лондоне, что бы вы рассказали художнику о себе и какие задали бы ему вопросы?

VII. 1. Прочитайте диалог «Asking the Way».

2. Найдите в этом диалоге английские эквиваленты следующих выражений:

1. извините, вы не скажете, как пройти..., 2. конечно! 3. пересеките дорогу, идите прямо, на четвертом перекрестке поверните направо, 4. вон там, около светофора, 5. где мне выходить, 6. большое спасибо, пожалуйста.

3. Прочитайте диалог еще раз, закройте журнал и разыграйте его по ролям.

4. К теме «как пройти, как проехать?» советуем вам заучить еще несколько выражений:

Which is the shortest way to...? — Как быстрее всего добраться до...?

Where is the nearest underground station? — Где ближайшая станция метро?

How do I get to...? — Как мне добраться до...?

Do I change? — Мне нужно делать пересадку?

Where do I change? — Где мне делать пересадку?

change for the underground — пересест на метро

Fares, please. — оплачивайте проезд

What's the fare to...? — Сколько стоит проезд до...?

VIII. Объясните обратившемуся к вам на английском языке прохоту, как пройти или проехать: 1. to the nearest cafe, 2. to the railway station, 3. to the bus stop, 4. to the nearest cinema.

IX. Сделайте для себя небольшой словарь-разговорник. В нашем курсе мы старались дать как можно больше моделей, встречающихся в повседневной речи. Очевидно, вы уже заучили многие из них. Этот словарь поможет вам удержать в памяти весь накопленный материал. Он будет хорошим помощником в осуществлении вашего желания — общаться на английском. Оформить его каждый может по той схеме, которая наиболее удобна для запоминания. Мы рекомендуем такую:

What's the time?
(What time is it?)

10 to
25 to

10 past
half past

It's ten minutes past 3.
It's a quarter past 3.

It's ten minutes to 7.
It's a quarter to 7.

Слова, модели	Эквиваленты на русском языке	Примеры
1.	. . .	. . .
2.	. . .	. . .
и т. д.		

Работая со словариком, придерживайтесь следующих правил:
1. Каждое слово, модель должны «звучать» хотя бы в небольшом высказывании. Желательно разыгрывать небольшие диалоги.
2. Работайте систематически.
3. Еще и еще раз возвращайтесь к пройденному.

Пожалуйста, напишите нам, каким номером вы закончите словарь, просмотрев пройденный материал еще раз.

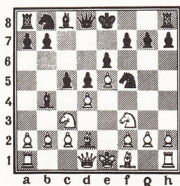
Не расставляя фигур

Под редакцией
Анатолия Карпова

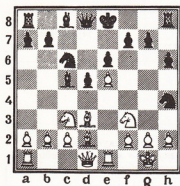
«В некоторых позициях комбинация так же естественна, как улыбка младенца». Этот афоризм принадлежит знаменитому американскому гроссмейстеру Ройбну Файну. (К слову, Р. Файн, которому в этом месяце исполняется 75, — видный авторитет в области психологии и психоанализа.) Такая комбинация и случилась в приводимой ниже партии.

Р. ФАЙН —
С. ФЛОР
(АВРО-турнир, 1938 г.)
Французская защита

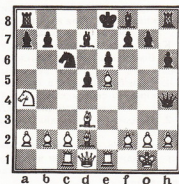
1. e4 e6 2. d4 d5 3. Кс3 Сb4 4. e5
c5 5. Сd2 Ke7 6. Кf3 Кf5?

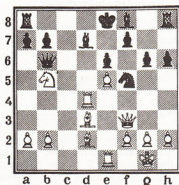
7. dc С:c5 8. Сd3 Kh4 9. 0—0 Кс6
10. Le1 h6. (Если сразу 10... 0—
0, то 11. С:h7+Кр:h7 12. Кg5+
Крg6 13. Фg4).

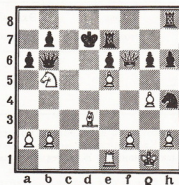
11. Ka4 Cf8 12. Ac1 Cd7 (угро-
жая 13... К:f3+ 14. Ф:f3 К:e5)
13. К:h4 Ф:h4.

14. c4! dc 15. Л:c4 Фd8 16. Фh5!
Ke7 17. Ad4 g6 18. Фf3 Фc7
19. Кc3 Кf5 20. Кb5 Фb6.

21. Л:d7! («Этот ход очеви-
ден, — писал Р. Файн. — Более
сложной была игра, приведшая
к жертве».) 21. ...Кр:d7 22. g4
Kh4 23. Ф:f7+Ce7 24. Сb4
Lae8 25. С:e7 Л:e7 26. Фf6 ab.

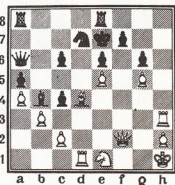

27. Ad1! ab 28. Ce4+. Черные
сдались.

Так часто случается в практи-
ческой игре (да и в компози-
циях, разумеется, тоже): своя
же фигура или пешка мешает,
перекрывая важную стратеги-
ческую линию или занимая клю-
чевое поле, на которое следовало
бы водрузить иную фигуру.
Освободить линию, не потеряв
при этом темпа, — вот цель
жертвы, на которую приходится
идти.

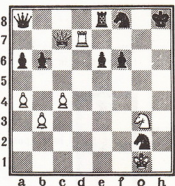
Итак, два примера.

Е. Владимиров — А. Харитонов
(Алма-Ата, 1977 г.)

1. Фf6+! К:f6 2. Сc5+! Черные
сдались ввиду 2 ...С:c5 3. gf+
Крf8 4. Лh8x.

А. Карпов — И. Чом
(Бад-Лаутерберг, 1977 г.)

1. Кf5! Черные сдались. Поче-
му? Найти варианты будет, ве-
роятно, не слишком сложно.

Происхождение мира по Стивену Хокингу

Стивен Хокинг, сорокалетний профессор Кэмбриджа, написал книгу «Краткая история времени», чтобы в доступной форме изложить свою главную научную теорию собственной жизни. Так, во всяком случае, считает Джейн Хокинг, в девичестве Вайлд, без которой, однако, не было бы ни книги, ни сенсационной концепции возникновения галактик, ни феномена самого Хокинга, ставшего материализацией дурного сна футурологов — сращения человека и машины.

Да, Стивен Хокинг не сразу стал «головной профессора Хокинга» — мозгом почти полностью атрофированного тела, общающимся с человечеством при помощи совершенного персонального компьютера и синтезатора речи. Но двадцать с чем-то лет назад, когда Джейн Вайлд решила посвятить свою жизнь его гению, врачи давали молодому ученому, пораженному тяжелой формой рассеянного склероза, год-два на приведение в порядок своих дел на этом свете.

Впрочем, видимо, недаром врачи издавна уповали на волю страждущих. Правда —

«больной, исцелился сам» — было уже явно не для Хокинга, но воля к жизни, одухотворенная жаждой активной деятельности, и забота семьи предотвратили деградацию его интеллекта и личности. Портреты Мэрилин Монро и Альберта Эйнштейна, украшающие скромный рабочий кабинет Хокинга в Кэмбридже, словно символизируют женскую нежность и страсть к познанию, накрепко привязавшие к жизни одного из самых ярких физиков XX столетия.

Прикованный к моторизованной инвалидной коляске, лишенный речи, Стивен Хокинг сумел продвинуться в науках — математике и физике, где «нет королевского пути», так далеко, как ни один из его пышущих здоровьем коллег. Кафедре великого Ньютона в Кэмбридже и титул «преемника Эйнштейна» — признание таланта Хокинга научной элитой. Однако общение с узкой аудиторией в темпе 10 слов в минуту — таковы возможности синтезатора речи американца Вольта Вольца — вероятно, слишком тяготило Хокинга. Его книга, увидевшая свет в нью-йоркском издательстве «Бэнтэм», оказалась посланием ученого всему человечеству.

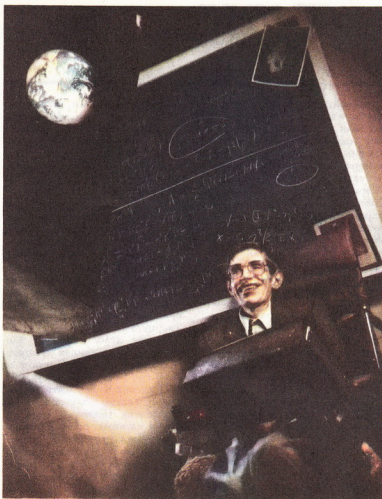
Именно человечеству, поскольку «Краткая история времени» более девяти месяцев удерживала первое место в списке бестселлеров газеты «Нью-Йорк таймс», была переведена более чем на двадцать языков и, наконец, сделала Хокинга столь же популярным, как мессия или гуру Бхагване Раджниша.

И это при том, что книга сложна, и далеко не все проретские ее смогут одолеть 230 страниц емкого текста, содержащего математические расчеты и философские допущения. Конечно, интерес к книге был в значительной степени подогрев притягательностью личности самого автора сумевшего сконцентрировать всю свою биологическую энергию на решении загадки мироздания,

тайны самой жизни, многих радостей которой он сам оказался лишенным. Однако признайтесь, разве секреты возникновения галактик, вопросы первотолчка и «гипотезы самого бога», от которой лучшие умы давно отказались, а другие — отнюдь не худшие — нет, не волнуют наше воображение так же, как хитросплетения Агаты Кристи или рассказы об инопланетянах? Впрочем, ученый в этом отношении достаточно категоричен: «Если вселенная едина, не имеет начала и границы, то какое же место может принадлежать в ее системе Творцу?»

Другое дело, что — по Хокингу — если единая теория, описывающая возникновение и развитие Вселенной, и существует, то она может быть только совокупностью законов. Сам «наследник Ньютона» гибок в своих научных построениях и лишен эгоистического догматизма. Он не только твердо стоит на плечах только космологии — Александра Фридмана и Эдвина Хаббла, но и готов внести в свои собственные научные теории поправки с учетом идей теоретиков новых поколений — Андрея Линде или Алена Гата, разразившихся некогда сумасшедшими гипотезами профессора Хокинга. Словом, «Краткая история времени» — это виток бесконечной спирали познания.

Собственно, и в своих размышлениях Хокинг «танцует» от космологической печки — теории «горячей Вселенной», согласно которой в постоянно расширяющейся Вселенной на раннем этапе развития вещество и излучение имели очень высокую температуру и плотность. На определенной стадии процесс расширения привел к охлаждению, образованию атомов, а затем (в результате гравитационной конденсации) — к формированию протогалактик, космических тел. Сейчас, по некоторым оценкам, от 85 до 90 процентов профессионалов по части космологии считают себя сторонниками этой мо-

дели продолжающегося сотворения (или уже разрушения) мира, начало которому было положено взрывом пятнадцатимиллиардной давности.

Впрочем, и теория «горячей Вселенной» содержит скорее больше вопросов, чем конкретных ответов. Счастливые времена начала нынешнего столетия, когда французский химик Бергто мог порадовать коллег сообщением, что во Вселенной нет более тайн, безвозвратно прошли. Не случайно поэтому гениальный теоретик из Кэмбриджа подпрыгивал со товарищами-единомышленниками дать вразумительный ответ на провокационный, подрывающий крупнейшие авторитеты вопрос: как могла действовать в своем классическом виде теория гравитации, построенная на уравнениях Эйнштейна, на этапе существования Вселенной в состоянии первозданного хаоса: частиц и облаков ок-

лаждающихся космических газов? Ответ Хокинга заключается в попытке сформулировать «квантовую теорию гравитации», соединяющую в описании универсальных процессов мироздания — от поведения планет до элементарных частиц — два величайших открытия XX века: теорию относительности Эйнштейна и квантовую механику. «Огромная заслуга Хокинга, — считает сотрудник Парижской обсерватории Жан Хейдман, — состоит в том, что он первым применил в исследовании «черных дыр» законы, определяющие жизнь элементарных частиц».

В результате зав. кафедрой из Кэмбриджа был выведен, что «черные дыры» не столь уж черны, поскольку находящиеся на дне этих «космических колодез» погасшие звезды, судя по всему, продолжают слабо излучать, порождая потоки исчезающих во Вселенной

частиц. Выходит, что «черные дыры» не только пылесосы, без разбора всасывающие материю, но и в какой-то мере доноры.

Впрочем, книга содержит огромное количество интереснейших гипотез, изложенных в научной, но иногда в не очень популярной форме. Например, по Хокингу, вначале было не слово, а насыщенная энергией пустота космоса. Высвобождение этой растворенной в пространстве силы и привело к первородному взрыву, сформировавшему в конечном итоге галактики. Более того, Стивен Хокинг предполагает, что во Вселенной сохраняются густки нерастроченной энергии, которые, оторвавшись от отчих галактик и передвигаясь в пространстве и во времени, могут стать зародышами иных миров, возникающих, быть может, в других измерениях.

Так или иначе, но, несмотря на все заумности Хокинга-интеллектуала, творение Хокинга-писателя бьет все рекорды на книжном рынке, падком на всякого рода диковинки. Проданный во всем мире тираж «Краткой истории времени» превысил миллион экземпляров (только в Соединенных Штатах продано более шестисот тысяч).

Но мирская слава, вспыхнувшая подобно сверхновой звезде, мало, судя по всему, повлияла на привычный образ жизни первооткрывателя из Кэмбриджа. Владеет практически лишь тремя пальцами, позволяющими манипулировать пультами управления самоходной инвалидной коляски и компьютерной системы, Стивен Хокинг не только без посторонней помощи в любую погоду (в Англии, как известно, не климат, а погода) передвигается по городу, но и находит в себе душевные силы для того, чтобы наносить ободряющие визиты попавшим в больницу друзьям. А главное — вопреки всем превратностям Хокинг сумел сохранить поразительный оптимизм и тонкий британский юмор. «К концу столетия все основные проблемы современной физики будут решены», — сообщает он ошарашенным студентам, не забывая при этом извиниться за американский акцент своего синтезатора речи. *Михаил Щипанов*

Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей

Глава 3. Если вы не делаете этого, неприятности не за горами!

Однажды я интервьюировала Джима Фарли, председателя Национального комитета демократической партии и министра почт Соединенных Штатов, и спросила о секрете его успеха. Он ответил: «Упорный труд». — «Вы шутите!» — возразил я. Тогда, в свою очередь, он спросил меня, в чем я подразумеваю причину его успеха. Я ответила: «Полагаю, в том, что вы можете обратиться к десяти тысячам человек, назвав каждого из них по имени».

«Нет, вы ошиблись, — возразил он, — я могу назвать по имени пятьдесят тысяч человек».

Не заблуждайтесь на этот счет. Именно эта способность мистера Фарли помогла Франклину Д. Рузвельту войти в Белый дом.

В течение трехлетнего путешествия Джима Фарли по стране в качестве представителя концерна по производству гипса и тех лет, когда он служил в городской управе, он придумал систему для запоминания имен.

Вначале она была очень проста. Когда ему случалось завести новое знакомство, он освещался о полном имени человека, размерах его семьи, роде занятий и характере политических взглядов. Из всех этих фактов он создал в своем сознании цельную картину, и, встретив этого человека в следующий раз, даже если это было годом позже, он мог, непринужденно похлопав его по плечу, спросить о здоровье его жены и детей и о том, как чувствуют себя кусты роз за домом в саду. Неудивительно, что он так преуспел впоследствии.

За несколько месяцев до начала предвыборной кампании Рузвельта на президентских выборах 1932 года Джим Фарли ежедневно пишет по несколько писем к людям, проживающим во всех западных и северо-западных штатах. Затем он прыгает в поезд и за девятнадцать дней покрывает расстояние в 12 тысяч миль, путешествуя в колясках, поездах, автомобилях и лодках, объездив за это время двадцать штатов. Он заезжал в города и поселки, встречался с людьми за завтраком или ленчем, за чаепитием или обедом и заводил с ними «задушевные беседы». И, не теряя ни минуты, мчался к следующей цели своего путешествия.

Как только он вернулся на Восток, писал одному человеку в каждом городе, который он посетил, письмо с просьбой выслать ему список всех присутствовавших в принявших участие в беседе. Окончательный список содержал тысячи и тысячи имен, и тем не менее каждый числящийся в этом списке получил личное послание от самого Джима Фарли.

Эти письма начинались дружеским обращением «Дорогой Билл» или «Дорогой Джо» и неизменно заканчивались подписью «Джим».

Джим Фарли рано уяснил для себя в этой жизни, что средний человек гораздо более привязан к своему собственному имени, чем ко всем прочим именам на земле, вместе взятым. Только запомните это имя и, обращаясь к нему, произнесите его непринужденно, и вы уже сделали ему приятный и производящий выгодное впечатление комплимент...

Что явилось причиной успеха Эндрю Карнеги?

Его называли стальным королем, однако сам он мало смыслил в производстве стали. Сотни работавших на него людей знали о стали несравненно больше, чем он. Но он знал, как обращаться с людьми, и именно это знание сделало его богатым. Очень ра-

но он проявил организаторское чутье и врожденный дар руководителя. Еще в десятилетнем возрасте он открыл для себя, какое исключительно важное место занимают в жизни людей их собственные имена. И он сумел использовать это открытие, чтобы приобрести сотрудников. Вот как это было. В ту пору, когда он был еще мальчишкой и жил в Шотландии, он раздобыл как-то себе кролика, точнее, крольчиху.

Очень скоро он стал обладателем целого выводка крольчат, не имея никакой пищи для них. Зато у него была блестящая идея. Он поощрял соседских мальчишек, что, если они отправятся и нарвут клевера и одуванчиков для кормления кроликов, он в их честь назовет крольчат их именами.

Замысел удался как по воле шеству, и Карнеги навсегда запомнил это.

Многие годы спустя, используя эту особенность человеческого психологии в бизнесе, он нажил миллионы. Например, он захотел продавать стальные рельсы компании пенсильванской железной дороги. Президентом «Пенсильвании Рэйл-роуд» был тогда Дж. Эдгар Томсон. Эндрю Карнеги строит в Питтсбурге гигантский сталепрокатный завод и называет его «Эдгар Томсон Стил Воркс».

А теперь посмотрим, сумеете ли вы отгадать загадку. Когда компании пенсильванской железной дороги требовались рельсы, как вы думаете, у кого она их покупала?.. У Сизерса? У Рибакса? Нет и нет. Вы не отгадали. Попробуйте еще разок.

Во время своей борьбы с Джорджем Пуллманом за первенство в производстве спальных вагонов стальной король снова вспомнил свой кроличий урок.

Центральная транспортная компания, контролируемая Карнеги, вела войну с компанией, принадлежавшей Пуллману. Обе прилагали все усилия, чтобы заполучить

контракт на поставку спальных вагонов для «Юнион Пасифик Рэйлроуд»¹, награждая при этом друг друга тумачами, сбивая цены и уничтожая тем самым всякие шансы на получение прибыли. Оба соперника прибыли в Нью-Йорк, чтобы нанести визит в правление «Юнион Пасифик». Встретив однажды вечером Пуллмана в отеле Сент-Николас, Карнеги сказал: «Добрый вечер, мистер Пуллман! Долго мы с вами будем изображать двух дураков?»

«Что вы имеете в виду?» — спросил Пуллман.

Тогда Карнеги объяснил, что он имеет в виду объединение их предпринимательских интересов, в ярких выражениях он обрисовал многочисленные преимущества их сотрудничества перед имеющим место соперничеством. Пуллман слушал очень внимательно, но был не вполне убежден доводами Карнеги. Под конец он спросил: «Как вы хотели бы назвать новую компанию?» — «Что за вопрос?! «Пуллман Палас кар компании»², — ответил, ни на секунду не задумываясь, Карнеги.

Лицо Пуллмана просветлело. «Походьте ко мне в номер, — сказал он, — обсудим все более подробно». И это обсуждение открыло новую страницу в истории американской промышленности.

Именно эта политика запоминания и воздаяния почестей именам своих друзей и компаньонов была одним из секретов руководства людьми Эндрю Карнеги. Он гордился тем, что был в состоянии обращаться по имени ко многим своим рабочим, и тем, что за время его личного управления делами ни одна забастовка ни разу не погасила пламени его сталелитейных заводов.

Библиотеки и музеи обязаны своими богатейшими коллекциями людям, которые не допускали и мысли, что их имена могут изгладиться из памяти потомков. В Нью-Йоркской публичной библиотеке хранятся

¹ «Юнион Пасифик Рэйлроуд» — Объединения Тихоокеанской железной дороги.

² «Пуллман Палас кар компании» — компания вагонов-люкс Пуллмана.

собрания книг Астора и Леннокса. Метрополитэн Музеум увековечивает имена Бенджамена Альтмана и Дж. П. Моргана. И почти каждая церковь украшена оконными витражами, на которых поминаются имена жертвователей на постройку храма...

Один из первых уроков политической грамотности гласит: «Помнить имя избирателя — это искусство управлять государством. Забыть — значит быть преданным забвению».

В деловой жизни и специальных контактах способность вспомнить нужное имя почти так же важна, как и в политике.

Наполеон Третий, император Франции и племянник великого Наполеона, гордился тем, что он, несмотря на свои монаршие заботы, был в состоянии вспомнить имя любого однажды встреченного им человека. Как ему это удавалось? Очень просто. Если он слышал произносимое имя недостаточно отчетливо, то говорил: «Извините, плохо расслышал ваше имя».

В тех случаях, когда имя было необычным, он спрашивал: «А как оно пишется?» В течение беседы он старался несколько раз произнести только что услышанное имя, а в уме — связать его с какой-нибудь характерной особенностью, выражением лица и общим видом человека. Если новый знакомый был лицом значительным, Наполеон прилагал дополнительные усилия, чтобы запомнить его имя. Как только его императорское величество оставался в одиночестве, он записывал имя на листке бумаги, затем сосредоточенно вглядывался в его начертание, запечатывая его в своей памяти, и рвал листок. Этим способом он достигал того, что и зрительная и слуховая память хорошо сохраняли нужное имя.

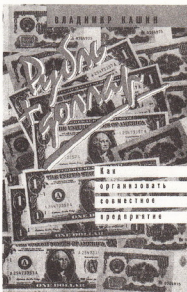
«Все это отнимает время, но «хорошие манеры», — сказал Эмерсон, — требуют маленьких жертв».

Итак, если вы хотите располагать к себе людей, Правило 3-е гласит:

Помните, что для человека звук его имени является самым сладким и самым важным звуком в человеческой речи

Продолжение следует

ОРИЕНТИР

Кашин В. А. Рубль плюс доллар. — М.: Мол. гвардия, 1989. — 334 с.

Название книги необходимо уточнить, иначе не сразу можно понять, о чем же идет речь. А разговор — об организации совместных предприятий. Явление это в нашей стране относительно новое, и, естественно, на первых порах возникают всевозможные трудности.

Правда, уже накоплен некоторый опыт, выявились проблемы, и автор попытался обобщить, пусть пока и небогатую, практику совместных предприятий, определить наиболее типичные ошибки и недостатки, выделить то позитивное, что прошло проверку и может быть рекомендовано к использованию.

Итак, с чего начать, как разобраться в предлагаемых условиях зарубежных партнеров, не допустить ошибок? Ответ на эти вопросы вы найдете в рекомендуемой нами книге. Думаем, что особый интерес она вызовет у молодых менеджеров.

Ноябрь

Овен: 21 марта — 20 апреля

Благодаря великолепному повороту судьбы ваше финансовое положение вновь стало прочным и все кажется более легким: вы зарабатываете больше и обретаете уверенность в себе. Возможно также приятное путешествие, может быть, в обществе особенно дорогого вам человека. Идиллическая атмосфера этого месяца компенсирует волнения, прежде всего финансовые, прошедших месяцев. Чтобы сохранить обретенное спокойствие, избегайте бездумных трат, а с партнером постарайтесь быть нежными, податливыми и не слишком властными. Вас ждет много приятных неожиданностей.

Бык: 21 апреля — 20 мая

Фавориты звезд в этом месяце — рожденные в конце апреля — начале мая; на работе их идеи и предложения очень высоко оцениваются, и есть возможность реализовать их. У остальных нет особых новостей в профессиональной деятельности, зато для них этот месяц богат любовными приключениями. То есть в интимной жизни их ждет очень насыщенный событиями период, во время которого они переживут сложные моменты, прежде всего из-за ревности, типичной для рожденных под знаком Быка. Осторожно: приблизительно около 20 ноября все Быки могут стать жертвами обмана, кражи.

Близнецы: 21 мая — 20 июня

Это месяц, когда ничего не

происходит. Следите за своими расходами, так как они будут больше, чем доходы. Если вашими деньгами распоряжается кто-то из членов семьи, проверяйте его очень тщательно. Все, что вы предпримите самостоятельно, даст хорошие результаты: малоуспешны будут дела, в которых участвует кто-то с вами в доле, и работа, выполняемая группой. В этом месяце не следует витать в облаках, надо подходить к жизни очень практично и прежде всего не терять душевное равновесие, что не всегда легко.

Рак: 21 июня — 22 июля

Это период большой творческой активности, если у вас достаточно смелости и упорства, чтобы воплотить в жизнь те новаторские идеи, в которые вы верите. В первые двадцать дней месяца вы сможете закончить важное дело, которое станет большим шагом вперед в вашей карьере и принесет вам ощутимое удовлетворение. Если в работе все идет отлично, этого не скажешь о личной жизни. У кого нет постоянного партнера, тот чувствует тяжесть одиночества, а другие, из-за своей исключительной ревности, не могут обрести спокойствия в личной жизни и рискуют разрушить нежную love story.

Лев: 23 июля — 23 августа

Первые двадцать дней месяца — финансовые трудности. Ранее вы оставили нерешенными некоторые денежные проблемы, и сейчас вам нужно выполнить взятые обязательства. Чтобы все решилось наилучшим образом, вам следует что-то принести в жертву и суметь от чего-нибудь отказаться. Поста-

руйтесь восстановить контакты с влиятельным лицом, которое в последнее время вы потеряли из виду. После десятого удача на вашей стороне: не упустите ее и воспользуйтесь ею для того, чтобы начать новые дела и чтобы закончить долгое время подвешенное в воздухе дело.

Дева: 24 августа — 23 сентября

Этот месяц для рожденных между концом августа и началом сентября будет очень насыщенным. Их творческие способности проявляются в блестящих идеях, которые они готовы отстаивать; если им удастся победить противников, которые ставят им палки в колеса, победа будет полной. Для всех, рожденных под этим знаком, любовь в это время — прекрасное чувство и радость от ощущения своей влюбленности не знает границ. Для путешественников хороша первая половина месяца, а после 15-го наступает неблагоприятный для переездов период. Со здоровьем никаких проблем.

Весы: 24 сентября — 23 октября

Это довольно трудный период для всех, рожденных под этим знаком: они чувствуют себя заброшенными, отставленными в сторону; у них огромное желание выговориться, излить душу, но никто их не слушает, и для них это становится причиной депрессии. В общем-то, они не совсем не правы: быть всегда последними малопривлекательно, особенно Весам, знак, который всегда любит быть в центре внимания. Нежелание что-нибудь делать, вызванное таким настроением, негативно отражается на работе, поэтому постарайтесь противостоять этому, взять себя в руки, иначе вы рискуете потерять то, что с таким трудом завоевали.

Скорпион: 24 октября — 23 ноября

Весь месяц вы чувствуете особый заряд энергии и оптимизма, которые не покидают вас ни на минуту. После довольно тусклого, бесцветного периода ваша жизнь наконец-то вновь стала веселой и оживленной. У многих, рожденных под этим знаком, может вспыхнуть нежная love story, которую они, как свойственно этому знаку, проживут бездумно и беззаботно. В это время работа требует много усердия и оставляет мало времени для любимых вами компаний и развлечений, зато у вас будут хорошие заработки, что позволит отложить приличную сумму. Те, кто серьезно занимается спортом, будут в хорошей форме и добьются отличных результатов в соревнованиях.

Стрелец: 24 ноября — 22 декабря

Этот месяц без приключений, но именно поэтому он и нравится многим Стрельцам, которым хочется отдохнуть и укрепить нервы. У кого есть возможности, возьмите несколько дней отпуска, чтобы провести их в спокойной и малолюдной местности, может быть, в санатории. В семье обстановка спокойная, а с партнером вы в гармонии и согласии. Только работа может принести небольшие неприятности, но речь идет о мелких делах, и эти небольшие проблемы решаются быстро и наилучшим образом. Здоровье хорошее, но вам необходимо следить за вашим весом.

Козерог: 23 декабря — 20 января

После трудного с экономической точки зрения периода наконец-то на горизонте вырисовы-

ваются отличные перспективы заработка. Однако нужно еще немного терпения, и не старайтесь форсировать события. Для тех, у кого нет прочной любовной связи, этот месяц богат событиями, приятными сюрпризами, интересными встречами, флиртами. Все, рожденные под этим знаком, переживают период большой творческой активности, и будет очень жаль, если им не удастся реализовать их идеи, действительно оригинальные и заслуживающие успеха.

Водолей: 21 января — 19 февраля

Особое расположение звезд создает определенное смятение в личной жизни. Любовь может прийти из прошлого и принести беспокойство, глубоко задеть вас. Насколько это возможно, постарайтесь сохранить трезвый разум, не поддавайтесь воспоминаниям о давних минутах нежности, которые все равно нельзя пережить вновь. Ваше нынешнее состояние духа не позволяет вам спокойно работать, и это явно отражается на работе. Спасайтесь в укрытие, прежде чем ситуация выйдет из-под контроля. Для преодоления такого состояния духа прибегните к гомеопатии и лечению травами.

Рыбы: 20 февраля — 20 марта
Рожденных в конце февраля или в начале марта ждет еще много приятных сюрпризов. Нежные и податливые Рыбы в это время становятся пробынными и агрессивными, в особенности если дело касается работы. В личных делах, напротив, вы, как всегда, слишком податливы и отходчивы, вплоть до полного подчинения. В последние дни месяца могут быть денежные потери, которых можно избежать, если вы не будете давать займы денег тем, кто не входит в круг ваших близких.

ОРИЕНТИР

Кравчук П. А. Географический калейдоскоп. К., «Радянська школа», 1988. — 143 с.

Эпоха Великих географических открытий давно достояние истории, но человек продолжает каждый раз по-новому открывать для себя среду своего обитания. Петр Кравчук приглашает читателей узнать и увидит неожиданное за привычными строчками справочников и учебников по географии.

Большинство статей этого сборника «географических сенсаций и рекордов» начинается со слова «самый». И у этой книги есть действительно шансы для многих любителей географии, особенно молодых, стать самой любимой или самой читаемой. Ведь только в «Географическом калейдоскопе» можно, не отходя от письменного стола, узнать, когда случилось самое трагическое в истории человечества землетрясение, какова глубина самого большого на поверхности Земли ущелья, каков вес самой крупной искусственной жемчужины или где было зафиксировано самое большое количество молний и т. д.

Однако книга П. А. Кравчука — это не пособие для «клуба знатоков» и не географический вариант «Книги рекордов Гиннесса». Это скорее призыв к бережному сохранению нашей планеты.

Плащ «комфорт»

Конечно, самый демократичный вид одежды — куртка. И мы в нашей рубрике уделяем ей внимание. Но с приходом в моду элегантности уже не на каждое платье можно накинуть куртку. Оставим же ей удел спортивной одежды и сошьем себе плащ.

Длинный, до щиколотки, плащ, свободный, объемный в плечах. Вы почувствуете, как много проблем снято: можно надеть легкую юбку любого цвета, не боясь, что ее подол будет нелепо торчать снизу. Комфорт и тепло — вот девиз нашего плаща. На эскизах вы видите плащи, которые можно сделать на одной основе. Разнообразие заключено в отлетных деталях — пелерины могут быть втачаны в горловину спинки и плечевые швы, в линию пройм

или крепятся на кнопках. Итак, обогатив нашу основную конструкцию отлетными деталями, вы создадите индивидуальную, неповторимую вещь.

Самая популярная в этом сезоне спокойная гамма цветов — бежевый, болотный, серый, молочный, но наряду с ними и насыщенные — бутылочный, зеленый, горчичный, темно-синий. Также это могут быть полоски и клетки.

Фурнитура контрастна — металлические блестящие пуговицы или кнопки, крупная пряжка придадут плащу привкус военизированного стиля. Из тканей мы рекомендуем взять именно плащевую — смесовую, лаке, болоньевую или спортивную. Сейчас в магазинах стали появляться очень интересные прибалтийские плащовки с блестящим покрытием с фактурными выработками. Ткани довольно дорогие, но я думаю — так как эта модель не сиюминутная, а довольно классическая для плаща, то носиться он будет

долго и расходы оправдаются.

Расход ткани на модель без пелерины — 3 м 50 см при ширине 1 м 50 см. Для кроя отлетных деталей прибавьте еще пометра.

Рекомендуемые размеры по объему груди 88—96, рост 164 и выше. Длину плаща отрегулируйте сами, измерив по средней шву спинки, прикиньте эту мерку к себе.

Кстати, если вы сделаете застежку на правую сторону, эта выкройка может вполне подойти и для стройных молодых людей.

Наша супервыкройка — плащ «комфорт»

Плащ силуэта трапеция может подхватываться поясом по талии. Застежка на кнопки. Рука-

ва покроя полуреглан с заниженной линией проймы. Посередине спинки шов, заканчивающийся шлицей. На полочках накладные карманы. Все детали отделаны декоративной строчкой в цвет ткани.

В варианте 1 отлетные детали пелерины спинки втачаны в горловину спинки и пройму; а отлетные детали пелерины переда втачаны только в пройму.

В варианте 2 пелерина сострачивается по плечевым швам и крепится в горловину спинки сзади и кнопками или пуговицами к полочкам.

Обязательны подплечики для покроя реглан.

Подкладки понадобятся 3 м при ширине 1 м 40 см. В воротник подборта, низ рукавов прокладывается бортовка или бязь.

Технологическая последовательность

1. Обрабатываем отлетные детали на зигзаге и подшиваем, отстрочим отлетные концы.
2. Срезы, которые должны втачиваться в швы плаща, приметываем к срезам плаща.
3. Стачаем средний шов спинки до начала шлицы.
4. Втачиваем рукава по окатам в проймы.
5. Стачиваем перед с рукавом и спинку с рукавом по верхним срезам.
6. Обрабатываем воротник и вметываем его в горловину.
7. Приметываем к подбурту прокладку и приметываем подбурт к полочке.
8. Одной строчкой притачи-

ваем борта и воротник, отвернув борта и проутюжив их, прокладываем отделочную строчку.

9. Обрабатываем петли на правой полочке.

10. Сострачиваем боковые швы и нижние швы рукава одновременно.

11. Пришиваем карманы.

12. Выкраиваем подкладку по основной выкройке до линии начала подборта (на схеме пунктир).

13. Сострачиваем все детали в той же последовательности, что и основные детали плаща.

14. Складываем плащ лицом к лицу с подкладкой, приметываем подкладку по срезам подборта, по горловине. Прострачиваем.

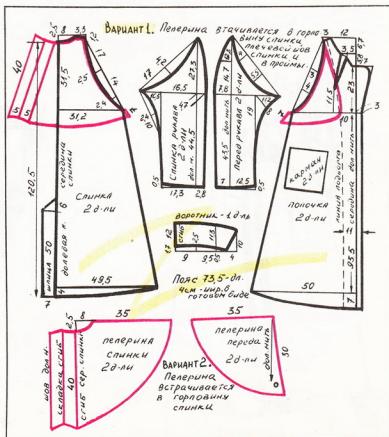
15. Пришиваем подплечики к линии плеча под подкладкой.

16. Оформляем низ рукава. Подвернем, проложим отделочную строчку. Подкладку прикроем к срезам подгибки рукава потайными стежками.

17. Оформляем низ плаща. Подкладка по низу отлетная. Дважды подвернем подкладку к изнанке и прострочим низ. Плащ обрабатываем по низу на зигзаге и, один раз подвернув, проложим отделочную строчку.

Используя эту основу, можно сделать короткий плащ 3/4 или куртку.

Виктория Андреевна

АЗБУКА ДЛЯ ДВОИХ

П. Пикассо. Из цикла
«Мастерская скульптора»

Юношеская любовь

Михалина Вислоцкая

В поисках общего знаменателя

Вчерашние подростки, достигнув семнадцати-девятнадцатилетнего возраста, превращаются в мужчин и женщин, вступающих в период юношеской любви. Между ними начинают завязываться дружеские и эмоциональные контакты. Мужчины и женщины в этом возрасте предпринимают попытки устроить совместную эмоциональную и сексуальную жизнь парами. Этот процесс начинается во время учебы в старших классах школы, в студенческие годы или в начале самостоятельной трудовой деятельности. В этом возрасте молодые люди выбирают своих избран-

ников или избранниц — нередко на всю жизнь.

Казалось бы, что теперь, когда позади остались острее различия и конфликты, характерные для периода полового созревания, их дальнейшая жизнь должна развиваться безмятежно. К сожалению, не существует такого периода в жизни человека, в котором отсутствовали бы свои сложности и заботы.

И вот на первый план выдвигается вопрос — когда следует начинать совместную половую жизнь? У взрослых родителей и школьных преподавателей имеется в запасе для воспитанников целый набор рекомендованных средств для подавления «низких животных инстинктов»: активные занятия спортом, утренний зарядка, холодный душ, занятия в различных научно-технических кружках и

т. д. Наша цивилизация располагает довольно богатым арсеналом средств для «обуздания» сексуального влечения у молодых. Многие исстари сложившиеся взгляды на решение этой проблемы не выдержали испытания временем, так как продемонстрировали оторванность от реальной жизни, неприемлемость в современных условиях развития общества.

Доктор Анжей Ячевский, автор ряда научных работ по сексологии, провел анкетирование профессиональных спортсменов, занимающихся различными видами спорта, попросив их ответить на вопрос: чем они занимаются охотнее всего после долгого дня изнурительных тренировок? Оказалось, что большинство опрошенных дали приблизительно один и тот же ответ: принимаю душ, основательно ужинаю и отправляюсь к своей девушке. Как выяснилось, занятия спортом и гимнастичес-

Продолжение. Начало в № 7, 9.

кие упражнения — как средство ограничения и уменьшения сексуального напряжения — не оказывают приписываемого им воздействия на половую жизнь человека. Занятия всеми видами спорта играют, несомненно, огромную роль в гармоничном физическом развитии молодежи, но они не годятся в качестве «лекарства» для снятия сексуального напряжения.

Другой очень распространенный совет — это предложение «взяться за учебу, чтобы не приходили глупые мысли в голову». Когда-то я, стремясь удовлетворить собственное любопытство, провела опрос нескольких десятков замужних и незамужних студенток, поставив перед ними вопрос: какое воздействие оказывает регулярная половая жизнь — или отсутствие таковой — на их учебу? Оказалось, что замужние женщины значительно больше времени и энергии уделяют учебным занятиям, поскольку проблемы поиска и «завоевания» партнера (а также и нередкие драмы на почве неудачной любви), требующие огромных затрат энергии, сняты у них с повестки дня.

Большое значение в студенческих семьях приобретает проблема появления ребенка, но и ее можно решить с помощью рационального использования противозачаточных средств. Следует также учитывать, что постоянные партнеры независимо от того, состоят ли они в браке или нет, имеют, как правило, конкретные планы на совместное будущее, причем их реализация зависит прежде всего от скорейшего завершения учебы.

Как видно из вышесказанного, широко рекомендуемые рецепты ограничения секса весьма проблематичны и малоэффективны, а выбор альтернативного решения, то есть сексуальной свободы у молодежи, выдвигает еще одну проблему, особенно опасную для молодых девушек. Этой проблемой является беременность и как следствие неустойчивой жизненной ситуации — ее прерывание. Появление незапланированной беременности и последующий аборт таят в себе самую большую опасность, которая может их подстергать.

Таким образом, образуется

узел, развязать который совсем не просто. На Американском континенте, в странах Западной Европы и Скандинавии существует широко распространенная практика использования любовных ласк, заменяющих нормальный половой акт и позволяющих одновременно снять избыточное половое напряжение. Ласки такого рода делятся на два типа:

«Некинг» — это ласки лица, губ, головы, рук, груди, — одним словом, ласки «до пояса»; «петтинг» — это тоже ласки, поцелуи, раздражения эrogenных зон, но уже «ниже пояса», включая взаимные ласки половых органов без полового акта.

В США, Англии и Швеции, например, к «некингу» и «петтингу» прибегают не только молодые люди, но и взрослые, причем им они служат не только для снятия избыточного полового напряжения, заменяя половой акт (как у молодежи), но и для восполнения своеобразных брешей в ситуациях, когда нормальные половые отношения между партнерами уже невозможны (преклонный возраст, состояние здоровья и т. д.).

По данным американских социологов, эти типы ласк очень популярны, причем попадают даже отдельные пары, которые годами ограничиваются исключительно «петтингом» с одним или разными партнерами. Среди американских врачей раздаются голоса, предупреждающие об опасности длительного использования таких форм совместной половой жизни, поскольку не исключена возможность закрепления устойчивых условных рефлексов, «угрожающих» так называемым нормальным половым контактам.

Подобные опасения можно в полной мере отнести к любому другому проявлению нормальной половой жизни, если оно постоянно реализуется только в одной неизменной форме. Чувство зрения играет, например, огромную роль в любви, но «поедание глазами» (одна из форм эротицизма¹) относится

¹ Обнажение половых органов перед лицами противоположного пола с целью вызвать у себя половое возбуждение.

к половым отклонениям, поскольку сексуальный контакт партнеров сводится лишь к зрительным ощущениям, а зрительные раздражители «доводят» организм до снятия сексуального напряжения без полового акта.

Таким же отклонением являются оральные² ласки (доведение до оргазма посредством раздражения половых органов поцелуями), практикуемые в качестве единственно возможной формы снятия сексуального напряжения. Вместе с тем эти ласки не противопоказаны, когда партнеры прибегают к ним в процессе «любовных игр», предшествующих коитусу, или заменяют ими сам половой акт (в юношеском возрасте), так как это одна из форм интимных отношений, обогащающая совместную половую жизнь и пробуждающая сексуальную чувствительность у молодых женщин.

В нашем обществе (речь идет не только о молодежи) культура ласк находится в самом зародыше, если не сказать, что практически отсутствует. Неудивительно, что предложения «переспать» следуют сегодня сразу же после двух-трех поцелуев.

Одна из главных целей моей книги состоит в попытке познакомить читателя с огромным богатством, разнообразием и культурой ласк. Именно поэтому так широко представлен раздел, затрагивающий значение и роль чувств в любви, а описание техники ласк дается с детальными пояснениями. При этом я сознательно не принимала во внимание находчивость и природную смекалку тех, кто захочет прочитать книгу, памятуя о том, что эти замечательные качества и воображение — неважные помощники и советчики в области секса, в чем я не раз убеждалась в своей врачебной практике.

Хочу также заметить, что слова «некинг» и «петтинг» повсеместно вошли в лексикон нашей молодежи в качестве обозначений разнообразных форм ласк, а не как названия половых извращений. Ввиду удобства этих кратких терминов я буду ими пользоваться, говоря о культуре сексуальных

² Относящийся ко рту, ротовой.

контактов. Точка зрения многих сексологов, что «некинг» и «петтинг» могут выполнять вспомогательную роль на начальной стадии любви, предшествующей переходу к совместной половой жизни, а также выполнять функции школы сексуальной культуры, находят подтверждение и в моих научных наблюдениях.

Ласки, отдаляющие момент полового удовлетворения и полной физической близости партнеров, позволяют женщине развить эмоциональность в психике своего избранника. При этом она получает в свое распоряжение своеобразный лимит времени, требующийся для достижения этой цели, так как мужчина, не получив от партнерши быстрого согласия уступить его настойчивости, начинает «ходить» возле нее кругами», проявляя интерес к рисуящимся в его воображении отдаленным перспективам полного удовлетворения своих сексуальных желаний. Одновременно он, как правило, забывает об имеющейся возможности поменять партнершу. В этот период (в основном от шестнадцати до двадцати лет) партнер заставляет свое воображение трудиться «на полную катушку», придумывая все новые и новые ласки, утомляющие хотя бы частично его сексуальный голод.

Долгий путь познания мужской секреты женского тела превращается одновременно в школу любви для женщины. В ней она получает все необходимое для наиболее полного сексуального развития. Перед партнерами впереди лежит целая жизнь, и именно в этом возрасте они могут довести до совершенства умение разнообразить и обогащать любовь, чтобы она не знала монотонности и не слишком быстро утратила для них краски новизны. Еще Балзак подметил, что любовь, добытая за два дня, умирает в течение следующих двух дней; завоеванная в течение месяцев — живет месяцы, но если ради нее потрачены годы, то ей гарантирована долгая жизнь.

В студенческих клубах, где во время чтения лекций я затрагивала вопрос о богатстве физических ласк, которые должны достаточно долго пред-

шествовать началу совместной половой жизни, мне обычно подавали многочисленные записки, содержание которых сводилось в общем к одной и той же мысли: все замечательно, и женщины не имеют ничего против разнообразных ласк «вместо», но как быть представителем сильного пола, если они испытывают после таких «игр» неприятные боли в паху и внизу живота. Да, такое бывает. Интенсивное наполнение кровью (гиперемия) мужских половых органов, вызванное сексуальным возбуждением, может привести к появлению болей в паху, нижней части живота и яичках. Такие боли часто принимают за симптомы того или иного заболевания, хотя причиной этих болезненных ощущений является длительная гиперемия. Снятие сексуального напряжения обычно осуществляется самопроизвольно — при помощи поллюций во время сна, сопровождающих эротические сновидения. Если партнеры уже приобрели значительный опыт в познании всего разнообразия и «многоцветья» взаимных ласк, то в процессе их «любовных игр» вполне допустимо извержение спермы с последующим оттоком избытка крови от мужских половых органов.

Хотелось бы подчеркнуть и другие положительные аспекты техники «некинга» и «петтинга» на начальном этапе появления взаимного чувства. Помимо такого существенного преимущества, как максимальное продление срока «завоевания» женщины мужчиной, позволяющее ей использовать свой «сексуальный магнит» для пробуждения в нем любовного толения, нежности, а также развивать его воображение и фантазию, выражающуюся в еще неизведанных ласках, приближающих к долгожданной цели (прекрасная школа сексуальной любви для молодой девушки), имеется еще одно достоинство такой техники, говорящее в пользу ее применения не очень искушенными влюбленными, — она предохраняет женщину от нежелательной беременности в тех случаях, когда партнеры еще не научились предохраняться другими способами. Надо иметь в виду, что все так называемые поверхностные ласки, и прежде все-

го — прикосновение мужского полового члена к клитору и промежности, может в случае извержения семени привести к появлению беременности даже у девственницы. По этой причине следует соблюдать максимальную осторожность, заботясь о том, чтобы сперма не попала на слизистую оболочку, так как сперматозоиды очень легко проникают с половых губ во влагалище.

Можно привести еще один серьезный аргумент в пользу овладения партнерами на начальном этапе любви всем арсеналом любовных средств, заменяющих половой акт. Возможно, что молодоженам нередко придется к ним прибегать в ходе дальнейшей супружеской жизни, например, во время длительного полового воздержания в предродовой и послеродовой периоды, которые, как правило, плохо переносятся мужчиной, привыкшим к регулярной половой жизни. Не следует также забывать, что вынужденное воздержание создает предлог для поиска другой женщины — ситуация тем более неприятная для жены, так как именно во время беременности она нуждается в наибольшей нежности и заботе со стороны мужа.

За многие годы работы в гинекологической консультации я убедилась, как много распадается браков на сексуальной почве. Врачам известно, как жестоко обращаются иногда «изголодавшиеся» мужья со своими женами, только что вернувшимися из роддома. Разве может женщина сохранить здоровье, если спустя неделю или даже раньше после родов муж принуждает ее к половому сношению, после чего она попадает в больницу с тяжелым воспалением матки или яичников.

Супругам можно дать лишь один совет — они должны во время вынужденного полового воздержания обратиться к ласкам, заменяющим нормальный половой акт. Если этим искусством они овладели во время зарождения взаимного чувства, когда такие ласки наиболее необходимы в силу невозможности (по разным причинам) коитуса, то тогда возвращение к ним в период беременности или вынужденного полового

воздержания не составят для них большого труда. Учиться другим формам совместной половой жизни в период, когда внешность и фигура женщины теряют свою привлекательность, — вряд ли благодарное занятие для пробуждения интереса к ласкам. Супружеским парам с многолетним стажем, хорошо знающим свои сексуальные привычки и потребности, не следует рекомендовать полное воздержание, так как подобные советы обычно не достигают цели; речь может идти только о смене формы ласк и любовной технике.

В супружеской жизни есть еще один период, когда «неинги» и «петтинг» приобретают неосценимое значение, — это так называемая «супружеская осень». В большинстве случаев партнеры стареют не одновременно, и многие прочные браки распадаются, утрачивая эмоциональные связи из-за импотенции супруга или неспособности женщины продолжать половую жизнь (что случается реже).

В период, когда у мужчины появляются трудности с эрекцией полового члена, он еще долгое время сохраняет способность к семизвержению и может испытывать оргазм. Точно так же и женщина, которая не в состоянии вести нормальную половую жизнь из-за болезненных изменений во влагалище или осложнений после хирургической операции, сохраняет чувствительность клитора и реагирует на ласки. Восполнение сексуального дефицита нежностью и ласками позволяет пожилым супругам безболезненно миновать этот очень беспокойный период их совместной жизни. Итак, от времени овладения искусством ласк и «сексуальных игр» при рождении любви мы подошли к поздней осени супружества. Прodelав этот путь, мы убедились, что ласки — это не дополнительная форма разврата, которая предлагается и без того, как многие считают, распушенной молодежи, а школа физической любви и средство, позволяющее устранить конфликтные ситуации на протяжении всей совместной жизни мужчины и женщины.

Перевод с польского Льва

Волгина

Продолжение следует

«Мое представление о развитии рока»

«Черный поп», «зловещий рок»... Дотошные меломаны наверняка не найдут таких названий в серьезных справочниках.

Однако не спешите упрекать нас в ошибках. Такие названия дал сам автор этого рок-древа.

Впрочем, спорить здесь можно о многом. Майкл Джексон — к какому стилю относится его творчество? Может быть, это скорее соул? А хард-рок — вспомнит знатоки — отнюдь не одна только группа «Лед Зеппелин»...

Не будем торопиться. Согласимся: каждый имеет право на свое мнение. В том числе и вы, читатели. И мы надеемся его услышать.

И последнее. Звездочками помечены испанские варианты названия стилей, взятые автором из схемы развития рок-музыки, опубликованной в нашем журнале в июле 1988 года.

В этой публикации вы сможете ознакомиться с комментариями Михаила Седых к различным стилям рока, которые были приведены в схеме рок-древа в № 7 за 1988 год.

Gospel (gospel) — манера исполнения церковных песнопений, возникшая в середине 20-х годов в негритянских гетто США. Влияние этого стиля намного шире, чем обозначено на схеме, поскольку именно он определил вокальную манеру большинства исполнителей 50-х годов. Одна из наиболее ярких личностей «госпел» — Махаалия Джексон.

Блюз (blues) (Джон Ли Хукер) — наряду с «госпел» и ритм-энд-блюзом — одна из главных форм афро-американской музыки, оказавшая наиболее значительное влияние на всю рок-музыку, ставшая ее фундаментом.

Кантри (country) (Хэнк Уильямс) — народная музыка белого населения США, идущая корнями в традиции переселенцев южных и западных штатов и оказавшая влияние на дальнейшее развитие американской рок-музыки.

Рок-н-ролл (rock'n'roll) (Элвис Пресли) — отправная точка рок-музыки как таковой, вобравший в себя «белые» и «черные» влияния стиль, ставший

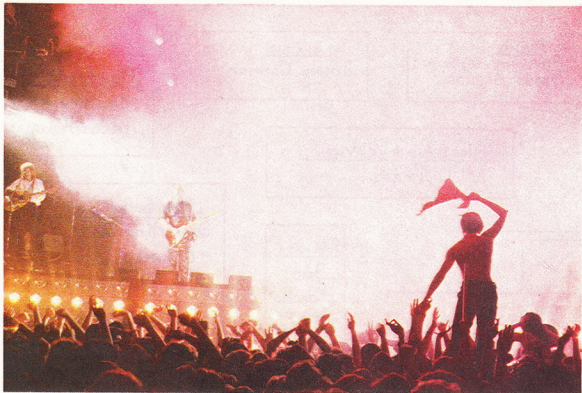
первой формой музыки, дошедшей до самых широких слоев публики, прежде всего молодой ее части.

«Черный» рок-н-ролл (r'n'r negro) * (Чак Берри) — разновидность рок-н-ролла, вышедшая преимущественно из «черной» музыки и исполнявшаяся негритянскими исполнителями, оказавшая существенное влияние на дальнейший ход развития рока.

Новоорлеанский рок-н-ролл (New Orleans) (Фэтс Домино) — также одна из форм рок-н-ролла, но испытывавшая на себе влияние новоорлеанского джаза. Темнокожий пианист Фэтс Домино — самый яркий представитель этого недолго существовавшего течения.

Кумиры подростков (teen idols) (Пол Анка) — вряд ли стоит включать в схему эту категорию, поскольку с рок-музыкой общего здесь почти ничего нет; одно из первых проявлений массового успеха популярной музыки. Впрочем, влияние их проявилось в начале 70-х годов на группах вроде «Осмонд».

Dudua («Дрифтерз») — единственное слово, которое мне не удалось найти в словаре, но, очевидно, имеется в виду ряд негритянских вокальных групп (наряду с «Дрифтерз» — «Пэаттерз» и «Доминоз»), пользовавшихся успехом в середине — конце 50-х годов. Но в отдельное течение их не выделяла, но одна энциклопедия из тех, что

попадали мне в руки. Просто указывалось, что они исполняли ритм-энд-блюз, слившийся с «госпел».

Рокабилли (rockabilly) (Джин Винсент) — еще одна разновидность рок-н-ролла, появившаяся в начале 50-х годов в штате Теннесси, являвшая собой преимущественно имитацию ритм-энд-блюза белыми исполнителями «кантри».

Инструментальные группы (instrumental) («Шедоуз») — возникшее в конце 50-х — начале 60-х в Великобритании течение, оказавшее определенное влияние на технику владения гитарой во всем дальнейшем ходе рок-музыки.

Женские вокальные группы (female groups) («Шенгри-Лаз») — разновидность негритянской поп-музыки, возникшая в начале 60-х годов. Подобные группы были «проводниками» нескольких авторских «команд», специализировавшихся на сочинении поп-хитов.

«Тамла Мотаун» (Tamla Motown) (Стиви Уандер) — стилистическая разновидность музыки «соул», возникшая в первой половине 60-х годов в США и оказавшая самое значительное влияние на дальнейшее разви-

тие негритянской музыки, вплоть до 80-х годов.

«Спектор-саунд», «звучание Спектора» (Spector sound) — особая форма звучания, разработанная американским продюсером Филом Спектором, который впервые начал использовать специфические звуковые возможности студий и вдохновил целое поколение профессиональных продюсеров, намного обогативших звуковой арсенал рок-музыки.

Ритм-энд-блюз (R'n'B) (Рэй Чарлз) — считаю, что место ритм-энд-блюза в схеме указано неверно, так как появился он еще в конце 40-х годов (в США), являясь танцевальной и развлекательной музыкой, опирающейся и тесно переплетающейся с блюзом. Вместе с тем ритм-энд-блюз оказал влияние на развитие рока ничуть не меньше, чем блюз, их влияние во многом схоже. К тому же Рэя Чарлза никак нельзя называть самым заметным его представителем (об этом — ниже).

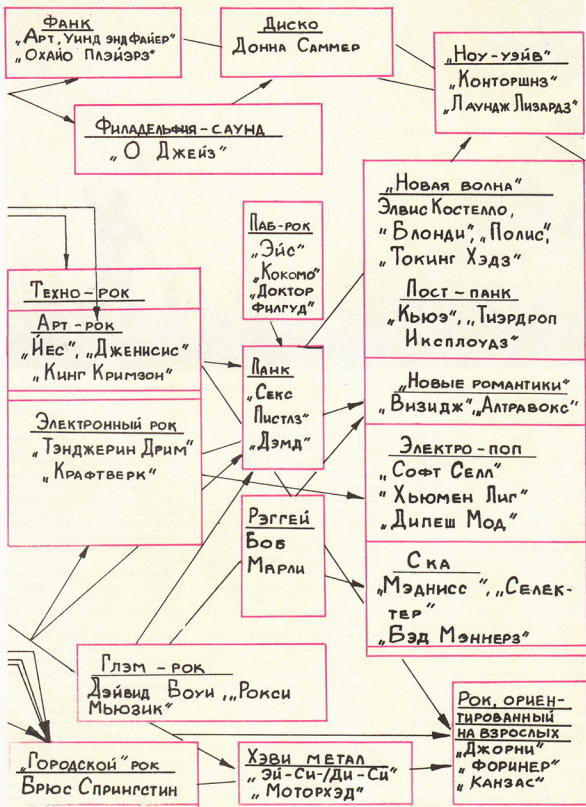
Соул (soul) (Арта Фрэнклин) — термин, вошедший в начале 60-х годов во всеобщее употребление и означавший, главным образом популярную музыку афро-американца. Став

преемником «госпел», соул во многом определил современную манеру пения негритянских исполнителей.

Блюз-рок (blues-rock) (Джон Майалл) — чаще это направление называют британским блюзом, поскольку возникло оно именно в Великобритании, а истоки свои брало из американского блюза. Британский блюз наряду с британским ритм-энд-блюзом во многом определил развитие рока в Британии.

Английский (британский) ритм-энд-блюз (R'n'b ingles) — наряду с бит-музыкой оказал самое значительное влияние на дальнейший ход развития рок-музыки в Британии. Правда, «Ролинг Стоунз» были, так сказать, уже продуктом этой новой волны, основу которой заложили гитарист Элексис Корнер и певец Сирил Дэвис.

Бит (beat) («Битлз») — поистине трудно представить себе историю рока без «Битлз», выдвинувших Британию во главу рок-культуры и раскрывших новые горизонты для многих поколений музыкантов. Но сам бит как таковой существовал недолго — до второй половины 60-х, оставив, однако, глубокий след в истории рока.

Серф (surf) («Бич Бойз») — существовавшее в первой половине 60-х в США музыкальное течение, базировавшееся на гитарном звучании и вокальных гармониях; своего рода проповедник «американского образа жизни». В музыкальном отношении повлияла на появление и развитие «рока Западного побережья» и фолк-рока.

«Гаражные» группы (garage groups) («Сидз») — первое проявление протеста против все более коммерциализирующегося рока, своего рода предвестники панк-рока, появившиеся в середине 60-х в США, выступавшие в небольших клубах и репетировавшие в гаражах (отсюда и название).

Фолк (folk) (Боб Дилан) — возникшее после второй мировой войны в США течение, базировавшееся на народной музыке и выражавшее настроения студенчества и молодых интеллектуалов; часто идентифицировалось с понятием «песни протеста». Вообще-то Боб Дилан исполнял «фолк», в истинном смысле этого слова, первые три-четыре года своей карьеры, став основоположником фолк-рока. Истинные же представители фолка — Пит Сигер и Вуд Гатри.

Фолк-рок (folk-rock) («Мамз Энд Папаз») — «электрический» вариант фолка, слияние традиционной народной музыки с рок-музыкой, оказавшее немалое влияние на дальнейшее развитие рока в США.

Кантри-рок (country-rock) («Иглз») — возникший во второй половине 60-х синтез рока и музыки «кантри».

Исполнители рок-баллад (cantantes compositores)* (Джеймс Тэйлор) — поколение американских музыкантов, которые сами сочиняли и исполняли свои песни, тематика которых приближалась к фолку, но не была столь остросоциальной.

Рок южных штатов (south rock) («Олмен Бразерз Бэнд») — одна из разновидностей кантри-рока; мне кажется, что выделение его в отдельную ветвь не столь уж необходимо.

Рок «Назад к истокам» (rock roots) (Элан Стивелл) — течение, популяризованное французским артистом Э. Стивеллом, отталкивавшимся от культуры кельтов и бретонов, но истоки его все-таки не в фолк-роке (понятии, преимущественно связанном с Америкой), а в британском фолке, имеющем совершенно иные корни.

Супергитаристы (guitar heroes) (Джими Хендрикс) — целая эпоха в истории британского рока, возникшая в результате блюзового и ритм-энд-блюзового бумов в Британии, которые впервые выдвинули гитару в качестве лидирующего инструмента. Джими Хендрикс, Джимми Пейдж, Эрик Кляптон, Джефф Бек — все они оказали неизгладимое влияние на весь ход развития рока.

Поп (pop) (Сэнди Шоу) — мне кажется, что выделять поп в отдельную ветвь рока не стоит, поскольку многие течения рока являли собой не что иное, как поп в чистом виде, и нельзя говорить, что тот или иной певец (певица) исполнял поп в чистом виде (ведь даже ритм-энд-блюз в принципе считается поп-разновидностью блюза)...

Авангардный рок (avantgarde rock) («Велвит Андерграунд») — появившееся в середине 60-х в США течение, вобравшее в себя влияние рока, джаза и так называемой «серьезной музыки» и обновившее выразительные средства рок-музыки.

Психоделический рок (psychedelic rock) («Джефферсон Эйрплейн») — он же «эсид рок», то есть рок, навеянный наркотиками; появился в Сан-Франциско в середине 60-х и опирался на хиппи-культуру местных общин, базируясь на коллективных импровизациях, характерных для блюза и джаза, и ориентируясь прежде всего на «живое» восприятие.

Латиноамериканский рок (latin rock) («Сантана») — стиль, заложенный в конце 60-х американцем мексиканского происхождения Карлосом Сантаной, который в своей группе удачно соединил мелодическую основу рока с латиноамериканской ритмической основой (самба, румба).

Фьюжи (fusion) (Майкл Дэвис) — он же джаз-рок, хотя порой эти понятия разделяются, но суть обоих — в слиянии, стилистическом синтезе рока и джаза, причем это течение несколько не угасло до наших дней.

Фанк (funk) («Слай энд Зе Фэмили Стоун») — появившееся в конце 60-х — начале 70-х направление афро-американской поп-музыки, тесно связанное с культурными традициями и социальным положением негритянского населения США. Отличительной особенностью его были подвижные басовые линии, четкая ритмика и короткие мелодические рисунки. Одним из самых ярких представителей фанка были и остаются «Земля, ветер, огонь»...

«Филадельфия-саунд» («Филадельфийское звучание»), (Philadelphia sound) — («О'Джейз») — охватившая в начале 70-х американский рынок вторая (после «Тамала Моутану») волна коммерческой разновидности соул-музыки, имевшая свое характерное звучание, создаваемое продюсерами Кенни Гэмблом и Леоном Хаффом в студии «Фиали Сигма Саунд», характерной чертой которого было расширение арсенала ударных инструментов маримбой и виброфоном, а также введение струнного сопровождения. Непосредственный предшественник диско.

Диско (disco) (Донна Саммер) — чисто танцевальная музыка, предназначенная для дискотек, полученная в студиях на основе слияния звучания

«Тамла Мотаун», фанка и «Филладельфия-саунд». Вторая половина 70-х стала эрой расцвета и заката диско.

Рэггае (reggae) (Боб Марли) — музыка, возникшая на Ямайке в середине 60-х и получившая распространение во всем мире в середине 70-х; являла собой музыкальное выражение протеста выходцев с Ямайки, живших в гетто США и Британии. Отличается своеобразием ритмического рисунка, оказал значительное влияние на «новую волну».

Прогрессивный рок (rock progressive) («Пинк Флойд») — под прогрессивностью здесь понимается использование нетрадиционных музыкальных форм в построении композиций, но это понятие слишком широко и включает в себя несколько течений (арт-рок, классик-рок и др.), так что присутствие его в схеме довольно спорно. Однако «Пинк Флойд» характеризовать иначе, пожалуй, невозможно, а влияние группы на рок достаточно велико.

Глам-рок (glam-rock) (Дейвид Боуи) — существовавшее в начале 70-х течение (как в Британии, месте его зарождения, так и в США), характеризующееся особым упором на внешний вид исполнителя; эстетическая программа глам-рока сводилась к полному уходу от реальности в мир фантазий, но именно эта его сторона показала непосредственное влияние на «новую волну» (в частности, на «новых романтиков»).

«Новая волна» (new wave) (Элвис Костелло) — целый поток исполнителей, заявивший о себе в 1977 году; то, что «новая волна» представлена одним лишь Элвисом Костелло, считаю неправомерным, ибо течение это было настолько многоликим, что подразделение его на субпотоки просто необходимо. Отличительная черта — неприхотливые мелодии и наличие нотности на проблемы сугубо повседневные.

AOR («Джорни») — эта аббревиатура расширявается двояко: «рок, ориентированный на взрослых», «рок, ориентированный на альбомы». Под данным термином подразумеваются группы разных стилей, музыка которых, сложная по своей структуре, требует больших форматов, с одной стороны,

и подготовленного слушателя — с другой. Часто этот термин идентифицировался с понятием «арт-рок», хотя к AOR относят и группы, с арт-роком ничего общего не имеющие. Почти все группы, созданные в 60-х — начале 70-х и выступающие по сей день, входят в эту категорию.

Панк (punk) («Секс Пистолз») — музыкальный протест против официальной рок-музыки, ушедшей от суровой реальности; явился выразителем молодежи Великобритании — в основном безработной и разочаровавшейся в жизни. В музыкальном отношении — наиболее примитивная форма рока за все время его существования, так как основная опора делалась на тексты. Тем не менее панк оказал влияние на весь дальнейший ход развития рок-музыки.

Техно-поп (techno-pop) («Крафтверк») — считаю данную позицию ошибочной, так как «Крафтверк» стали лишь предвестниками «техно-попа», одного из ответвлений «новой волны», в то время как сами они больше опирались на опыт композиторов-авангардистов — К. Штокхаузена, Дж. Кейджа и других. Скорее они должны быть классифицированы как «электронный рок» (см. ниже).

«Городской рок» (rock urbano *) (Брюс Спрингстин) — одно из течений американского рока, вошедшее в себя влияние всего предыдущего наследия рок-культуры, характеризующееся более современным звучанием и проблематикой, связанной с жизнью человека в крупных городах США.

Хард-рок (hard-rock) («Лед Зепелин») — возникший в конце 60-х в Великобритании стиль, отличавшийся особой мощью и громкостью исполнения с опорой на «блюзовый квадрат», вышедший из британского блюза и ритм-энд-блюза; оказал влияние (непосредственное) на «хэви метал» 70-х и 80-х гг., а также на развитие американского рока.

Хэви метал (heavy metal) («Эй-Си/Ди-Си») — непосредственное продолжение хард-рока, отличающееся еще большей динамической основой и культурной грубой силой.

«Черный» поп (pop negro *)

(Майкл Джексон) — еще одна весьма сомнительная категория, ибо Майкл Джексон нового стиля не создал, и все, что подразумевается под этой категорией, является чем-то вроде диско-фанка (понятия), и без того близких друг к другу).

Танцевальная музыка (musica de baile *) (Мадонна) — этого я вообще не понимаю: или до 80-х годов никто не танцевал?!

«Возрождение» (Revival) (Шадей) — речь идет здесь явно о течении, начавшемся в 1984—1985 годах, которое чаще и более правильно называют «новой джазом», поскольку всяческих «возрождений» за историю рока было почти столько же, сколько существует в нем направлений. А в данном случае целый ряд британских музыкантов (большая часть молодых) подвел под мелодическую основу джаза ритмику «новой волны», граничащей с поп-музыкой.

«Завоещный» рок (rock sinistriro *) («Сиуси Энд Бэншиз») — еще одна неточность терминологии, поскольку группы разряда «Бэншиз» преимущественно называют «пост-панк», поскольку все они вышли из панка или, по крайней мере, берут панк за основу своей музыки, более мелодичной, но столь же напористой и мрачной.

«Новые романтики» (new romantics) («Спандау Бэлей») — одно из ответвлений «новой волны», одна из разновидностей «электро-попа»; музыка — слияние «Крафтверк» с «Рокс Мьюзик» (ритмика и мелодика соответственно). Свои названия получили из-за текстов песен, в которых музыканты уходили в область грез или образа жизни, который они исповедовали (главное — ярче одеться, выделиться из толпы). Правда, основоположниками стиля все-таки, бесспорно, считают Стива Стрейнджа и его группу «Визидж», а также «Алтравокс».

От редакции. В этом номере опубликована только часть сценария рок-драмы, которую предлагает для дальнейшего обсуждения Михаил Седых. Первую часть в том же масштабе мы поместили в № 9. Теперь вы сможете, склеив их, иметь полную «картину» развития рок-музыки «по Михаилу Седых».

СТМ

представляет: Bee Gees

BRAVO
BEE GEES

49-2

Горский сельскохозяйственный институт

Читайте на стр. 58

Фото В. Лувадина

Цена 30 коп. Индекс 70932